

Life & adventures
ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

Robinson *Crisis*
РОБИНЗОНА КРУЗО.

СЪ 11-Ю ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ КНИЖКѢ.
with cuts in text

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. В. МОРОЗОВА.

1880.

ГЛАВА I.

Происхождение Робинзона. Его страсть къ путешествіямъ. Бѣгство изъ родительскаго дома. Отъѣздъ въ Гвинею. Кораблекрушеніе. Дружба съ капитаномъ. Прибытіе въ Гвинею.

Кто изъ васъ, мои маленькіе друзья, не слыхалъ разсказовъ о Робинзонѣ Крузо? Вы очень часто видали на картинахъ этого бѣднаго Робинзона, съ его длинной бородой, одѣтаго въ камзолъ, панталонахъ и башмакахъ, спитыхъ изъ козьей кожи, а рядомъ съ нимъ его вѣрнаго слугу, Пятницу, его собаку, кошку и попугая. Этотъ несчастный Робинзонъ — я. Исторія моя занимательна, какъ исторія мальчика, который испыталъ множество злополучій за то, что не слушался родительскихъ совѣтовъ. Слушайте же эту исторію и пусть она послужитъ вамъ урокомъ.

Отецъ мой былъ уроженецъ германскаго города Бремена. Фамилія его было Крейцнеръ. Оставивъ Бременъ, онъ поселился въ Англии, въ городѣ Йоркѣ, гдѣ посредствомъ торговли приобрѣлъ себѣ значительное состояніе и женился на дѣвицѣ Робинзонъ, происходившей изъ одного изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ домовъ въ Йоркѣ. Я же назывался соединеннымъ именемъ обоихъ моихъ родителей: Робинзономъ Крейцнеромъ; но англичане, которые имѣютъ обыкновеніе

3710
782
924529105

портить въ выговорѣ имена, прозвали меня Робинзонъ Крузо. Это имя навсегда осталось за мною, и подъ нимъ я былъ извѣстенъ какъ моимъ товарищамъ, такъ и всѣмъ знакомымъ.

Всѣхъ насъ у отца было трое. Одинъ братъ былъ адъютантомъ знаменитаго полковника Локарта. Онъ былъ убитъ въ сраженіи англичанъ съ испанцами близъ Дюнкараена. — Второго брата я не помню, потому что родился въ 1632 году, т. е. спустя почти 5 лѣтъ послѣ его отъѣзда въ Америку, откуда онъ не возвращался болѣе.

Съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ вспоминаю я о времени моего дѣтства и юношества. Отецъ заботился обо мнѣ и довольно хорошо училъ меня. Такъ какъ онъ желалъ чтобъ я сдѣлался адвокатомъ, то и отдавалъ меня въ самыя лучшія училища, и я могъ бы быть совершенно счастливымъ человекомъ, еслибы слушался отца; но ученье наводило на меня скуку и не могло искоренить моего страстнаго желанія — оставить домъ родительскій, путешествовать по свѣту и искать приключеній.

Нельзя было скрыть того отъ отца, что я думалъ и что дѣлалъ: моя страсть къ путешествіямъ очень ясно высказывалась. Отецъ мой каждый день совѣтовалъ мнѣ, чтобы я не покидалъ родительскаго дома и оставался въ томъ состояніи, въ которомъ рожденъ и въ которомъ могу провести всю жизнь спокойно и въ изобиліи. «Сынъ мой», говорилъ мнѣ старикъ отецъ, «въ путешествіе вдаются только люди честолюбивые или обремененные бѣдностію; но ты принадлежишь къ среднему классу общества и не будешь нуждаться ни въ почестяхъ, ни въ богатствѣ, потому что отечество твое можетъ поставить тебя главою низшаго сословія». Много мнѣ подалъ совѣтовъ отецъ и указалъ наконецъ на посту-

покъ моего брата, который противъ воли родительской уѣхалъ въ Америку и, вѣроятно, погибъ тамъ. Отецъ горько плакалъ, говоря о моемъ братѣ. Эти слезы тронули меня, и я рѣшился оставить свое неблагоразумное намѣреніе; но прошло нѣсколько дней, и я опять предался моей завѣтной мысли — путешествовать по свѣту.

Однажды я обратился къ моей матери съ просьбою, чтобы она испросила разрѣшеніе у отца на мое путешествіе. Я выразилъ ей несообразность моего восемнадцатилѣтняго возраста для того, чтобы вступить въ ученики какого-нибудь торговаго дома или въ прокурорскіе писцы.

Мать сначала даже и слушать этого не хотѣла и уговаривала не покидать ее и отца въ старости; но наконецъ, видя мое твердое намѣреніе, рѣшилась передать отцу мою просьбу. Отецъ наотрѣзъ отказалъ, прибавивъ: «я нисколько не одобряю путешествія нашего сына, ничѣмъ не помогу ему, такъ какъ на это нѣтъ родительскаго согласія и онъ будетъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ».

Прошелъ цѣлый годъ; а я все еще оставался дома, мало, или лучше сказать, вовсе не занимался тѣми дѣлами, къ которымъ приучалъ меня отецъ, и непрестанно мечталъ о путешествіяхъ.

Однажды, отправившись въ Гѣлль, небольшой городокъ, лежащій недалеко отъ Йорка, встрѣтилъ я тамъ одного изъ прежнихъ моихъ товарищей, который возвращался въ Лондонъ на корабль своего отца. Товарищъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Лондонъ. Я, страстно привязанный по наслышкѣ къ удовольствіямъ путешествія, съ восторгомъ принялъ это предложеніе и какъ былъ, безъ всякихъ приготовленій, почти безъ денегъ, взошелъ на корабль моего друга.

Едва мы оставили портъ, какъ поднялся ужасный вѣтеръ и море стало страшно волноваться. Я испугался и, вспомнивъ о своемъ неблагоразумномъ поступкѣ противъ отца, сокрушался сердечно о томъ, что Господь караетъ весь экипажъ изъ-за меня одного, какъ заблудшаго и неблагодарнаго сына. Буря болѣе и болѣе увеличивалась, и съ нею вмѣстѣ усиливалось мое раскаяніе. Я внутренно соглашался съ отцемъ, что домашняя жизнь лучше этого бурнаго моря съ его опасностями, и далъ обѣщаніе, что если Господь спасетъ меня, то возвращусь къ отцу моему и буду слушаться его совѣтовъ.

Находясь въ опасности, я положилъ твердое намѣреніе — оставить путешествіе, но когда опасность миновала, я, къ несчастію своему, перемѣнилъ это намѣреніе. Къ вечеру прояснилось небо и морѣ стало тихо. Товарищъ мой смѣялся надо мною, упрямилъ меня въ трусости; наконецъ онъ ободрилъ меня хорошимъ ромомъ и водкою такъ, что я пересталъ уже раскаяваться и желалъ опять путешествовать по морю.

Спустя шесть дней послѣ этого, судьба послала мнѣ въ наказаніе вторую бурю, ужасы которой нельзя и сравнить съ ужасами первой. Все небо обложилось тучами, бушевалъ сильный вѣтеръ, сверкала молнія и гремѣлъ громъ непрестанно. Эта буря такъ долго продолжалась и съ такою силою, что корабль нашъ преданъ былъ на валю бушующихъ волнъ, и носился по морю съ разорванными парусами и сломанными мачтами. Матросы пришли въ уныніе. Я самъ слышалъ, какъ говорилъ одинъ корабельщикъ: «Боже! сжался надъ нами, не допусти насъ погибнуть». Опасность еще болѣе увеличилась, когда въ трюмъ оказалась течь. Вода въ немъ прибывала все болѣе и болѣе, не смотря на всѣ

усилія матросовъ и пассажировъ выкачивать ее нососами, корабль все глубже погружался въ воду. Опасность была близка и велика; намъ оставалось къ спасенію одно только средство — пересѣсть на лодки, что мы и сдѣлали. Довольно долгое время мы носились по волнамъ на произволъ судьбы, потому что весла нисколько не помогали намъ противъ свирѣпствовавшего вѣтра. Какъ хорошо и благоразумно мы сдѣлали, что пересѣли на лодки! не прошло и получаса послѣ этого, какъ корабль нашъ совершенно погрузился въ воду. Къ счастью нашему, вѣтеръ нѣсколько поутихъ; матросы работали ~~неутомимо~~, и тѣмъ болѣе, что видѣли группу людей, ожидавшихъ насъ на берегу. Наконецъ намъ удалось хотя съ большими усиліями и не безъ опасностей, пристать къ берегу.

Тамъ мы были приняты радушно: намъ дали квартиру и нужную сумму денегъ для возвращенія нашего въ Лондонъ или Гелль. Я, неопытный молодой человекъ, замученный путешествіемъ и страхомъ опасностей, въ изорванномъ рубищѣ принужденъ былъ отправиться въ Лондонъ пѣшкомъ. Теперь тѣ самые, которые прежде поощряли и уговаривали меня къ путешествіямъ по морю, видя во мнѣ столь мало постоянства и силы, начали отсовѣтывать мнѣ и говорили, чтобы я возвратился въ домъ отца моего; но я не обратилъ никакого вниманія на ихъ совѣты. Страсть путешествовать по морямъ такъ сильно овладѣла мною, что я, хотя и находился въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, но не рѣшался идти въ Гелль или Йоркъ.

Я колебался нѣсколько времени въ своихъ мысляхъ: мнѣ не хотѣлось дамой, и въ то же время я боялся по слабости своей спуститься далѣе въ море. Какъ я сожалѣлъ, что не

изучать мореплавательнаго искусства до степени матроса: теперь я былъ-бы капитаномъ или лейтенантомъ. Я думалъ нажать себѣ состояніе, и съ этой мыслию присоединился къ числу пассажировъ, отправляющихся къ берегамъ Гвинеи.

Хозяинъ того Корабля, на которомъ я долженъ былъ отправиться въ Африку, очень полюбилъ меня, и такъ очаровалъ меня своимъ живымъ характеромъ и моею смышленностію, что обѣщавъ довести меня до назначеннаго мѣста, совершенно безъ всякой платы. Онъ совѣтовалъ мнѣ употребить небольшую сумму денегъ на покупку разныхъ галантерейныхъ вещей, потому что эти вещи можно продать съ большою выгодною на берегахъ гвинейскихъ. Я послушался этого совѣта и, съ помощію нѣкоторыхъ моихъ родственниковъ и знакомыхъ, собралъ около сорока фунтовъ стерлинговъ, купилъ на нихъ разныхъ не дорогихъ вещей, которыя впоследствии продалъ въ Гвинѣю и выручилъ за нихъ триста фунтовъ стерлинговъ. Въ продолженіи путешествія нашего въ Африку, я заслужилъ у капитана не только его расположеніе ко мнѣ, но и полную довѣренность отъ него. Я часто бывалъ въ его каютѣ, разговаривалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, и во время этихъ бесѣдъ пріобрѣлъ отъ него довольно много познаній въ математикѣ, мореплаваніи и астрономіи.

Распростившись съ моимъ добрымъ капитаномъ на берегахъ Гвинеи, я занялся торговлею, и скоро распродалъ тамъ привезенныя со мною вещи, которыя состояли большею частію изъ стекляруса, разныхъ мелкихъ стальныхъ и желѣзныхъ инструментовъ и тому подобныхъ предметовъ. Отъ этой продажи, какъ было выше сказано, я выручилъ триста фунтовъ стерлинговъ.

ГЛАВА II.

Вторичная поѣздка Робинзона. Нападеніе морскаго разбойника. Робинзонъ дѣлается невольникомъ и отвезенъ въ Сале. Тамошняя жизнь его. Бѣгство Робинзона и избавленіе отъ неволи.

Описанная мною поѣздка окончилась очень благополучно для меня; но это самое благополучіе, а также и барышъ, полученный мною на гвинейскихъ берегахъ отъ привезеннаго мною товара, побудили меня вторично отважиться на путешествіе по морю, и притомъ еще на довольно плохомъ кораблѣ. Въ эту поѣзду я не имѣлъ прежняго счастья, и мнѣ пришлось испытать превратность судьбы.

Между Канарскими островами и Африкою, на разсвѣтѣ дня, вдругъ появилось изъ Сале разбойническое судно, и на всѣхъ парусахъ погналось за нашимъ кораблемъ. Хозяинъ корабля, видя эту погоню, заблагоразсудилъ, что лучше и безопаснѣе будетъ: — убѣжать отъ разбойниковъ, нежели имъ сопротивляться: потому что разбойническое судно было хорошо вооружено и имѣло многолюдный экипажъ. Онъ со всевозможною быстротою, на всѣхъ парусахъ, пустился въ бѣгство; но и это не спасло его отъ рукъ непріятельскихъ. Турецкій каперъ продолжалъ неумоимо гнаться за нашимъ кораблемъ даже до третьяго часа по полудни, и

наконецъ подошелъ къ нему на столь близкое разстояніе, что для спасенія нашего необходимо было нужно готовиться къ оборонѣ. Разбойники хотѣли напасть на нашъ корабль съ задней его части. Раздался пушечный выстрѣлъ съ капера, но онъ былъ невѣрно направленъ, и ядро попало въ правый бокъ нашего корабля. На этотъ выстрѣлъ мы отвѣчали залпомъ изъ восьми пушекъ. Началась сильная обоюдная перестрѣлка какъ изъ пушекъ, такъ и изъ оружей, и продолжалась довольно долгое время. Перевѣсъ битвы былъ на сторонѣ разбойниковъ, и они, въ числѣ шестидесяти чело-вѣкъ, бросились на нашъ корабль и порубили на немъ всѣ мачты и корабельныя снасти. Какъ ни храбро мы сопротивлялись, но должны были покориться силѣ: корабль нашъ сдался, я и всѣ находившіеся на кораблѣ сдались плѣнниками и отвезены были въ Сале.

Можетъ быть, что кто-нибудь изъ читателей подумаетъ, что меня ожидала горькая участь въ этомъ плѣну; но тотъ очень ошибется въ этомъ предположеніи: здѣсь мнѣ была жизнь довольно хорошая и свободная. Правда, мнѣ было не очень-то пріятно сдѣлаться изъ купца и вольнаго чело-вѣка рабомъ и плѣнникомъ; но однако меня не отправили на продажу вмѣстѣ съ другими моими товарищами въ столицу Мороккаго императора. Начальникъ разбойническаго судна оставилъ меня при себѣ для разныхъ прислугъ ему

Новое положеніе мое, хотя и было довольно сносно, но все-таки не очень-то нравилось мнѣ, и я сталъ думать о побѣгѣ. Я предполагалъ, что хозяинъ мой непременно будетъ меня брать съ собою на развѣзды по морю; я мечталъ, что разбойникъ рано или поздно, а попадется какому нибудь европейскому кораблю, испанскому или португальскому, и что

тогда я получу свободу. Но случилось не такъ, какъ я надѣялся. Хозяинъ мой никогда не бралъ меня съ собою въ море, и не встрѣчался ни съ какими испанскимъ или португальскимъ судномъ. Я оставался въ неволѣ, и принужденъ былъ сидѣть дома, обрабатывать землю въ садахъ пирата и смотрѣть за всѣмъ хозяйствомъ его. Когда же каперъ возвращался изъ моря домой, мнѣ надлежало спать на немъ въ коютѣ и сберегать его.

Проводя ночи въ этой каютѣ, я часто думалъ о побѣгѣ; но сколько не придумывалъ къ этому средствъ, всѣ они оказывались или весьма неудобными или совершенно невозможными. Если бы у меня былъ товарищъ, который зналъ-бы англійскій или нѣмецкій языкъ, то мы съ нимъ вдвоемъ могли-бы какъ нибудь привести въ исполненіе это предпріятіе; самъ же я одинъ не осмѣливался ни на какое предпріятіе, и такимъ образомъ долженъ былъ провести цѣлые два года въ неволѣ и не имѣть ни какой надежды на свое избавленіе.

Наконецъ представился мнѣ удобный случай къ побѣгу. Хозяинъ мой, къ его несчастію, а къ моему счастью, не имѣя денегъ для вооруженіе своего капера, не выѣзжая долгое время въ море, оставался дома. Надобно замѣтить, что онъ былъ страстный охотникъ до рыбной ловли. Теперь, по неволѣ прекративъ войну съ людьми, онъ вознамѣрился воевать съ рыбами, и по нѣскольку разъ въ недѣлю выѣзжалъ на ботѣ въ море и ловилъ рыбу. Я и еще одинъ молодой арабъ были его всегдашними спутниками, этотъ арабъ былъ очень искусенъ и проворенъ въ рыбной ловлѣ, и хозяинъ нашъ имѣлъ къ нему столько довѣрія, что

иногда посылалъ его одного съ своимъ родственникомъ на рыбную ловлю.

Однажды мы втроемъ т. е. я, хозяинъ и арабъ отправились въ море ловить рыбу. Было тихо и ясно; но вдругъ глубокой сѣрый туманъ облегъ насъ и такъ былъ густъ, что мы не могли уже видѣть береговъ, хотя отъ нихъ отъѣхали только на небольшое разстояніе. Цѣлый почти день мы ловили рыбу, и когда туманъ нѣсколько разсѣялся, мы къ удивленію своему увидали, что отделились отъ берега на цѣлую милю. Поспѣшно принялись мы грести веслами, чтобы скорѣе добраться до дому, потому что началъ подыматься вѣтеръ и на небѣ появились тучи. Хотя мы благополучно возвратились на твердую землю, но чрезвычайно голодные и усталые.

Съ этого самаго времени нашъ хозяинъ никогда не выѣзжалъ на ловлю безъ компаса и сѣстныхъ припасовъ. Онъ приказалъ придѣлать къ этому большому боту, на которомъ мы ловили рыбу, каюту и разные ящики для поклажи водки, рому, сарачинскаго пшена, кофе и разныхъ другихъ сѣстныхъ припасовъ.

Однажды хозяинъ нашъ задумалъ выѣхать на этомъ ботѣ для прогулки съ нѣсколькими арабами, знакомыми его, которыхъ онъ приглашалъ къ себѣ въ этотъ день. Ожидая гостей, онъ велѣлъ заготовить множествомъ разныхъ припасовъ, взять три ружья, нѣсколько фунтовъ пороху и свинцу, чтобы ему съ гостями можно было стрѣлать птицъ, когда рыбная ловля имъ наскучитъ. Все это, по приказанію его, было снесено на ботъ и положено въ разные ящики.

Долго ждалъ пиратъ своихъ гостей, наконецъ получилъ отъ нихъ извѣстіе, что они не могутъ быть у него въ этотъ

день. Тогда онъ велѣлъ мнѣ ѣхать въ море съ его сродникомъ и молодымъ арабомъ, и прибавилъ: «смотри, постарайся больше наловить рыбы, потому что у меня сегодня будетъ ужинать много друзей моихъ».

Я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ и избавиться отъ плѣна. Я просилъ у сродника хозяйскаго позволенія положить на боть коробъ съ сухарями и нѣсколько бутылокъ со свѣжей водой. «Не смѣй», говорилъ я ему, прикоснуться, по законамъ Востока, къ яствамъ моего господина; но что же я буду ѣсть, если мы по несчастію опять далеко удалимся отъ земли? «Я также совѣтовалъ ему взять съ собою два ружья и пороху со свинцомъ, чтобъ можно было на морѣ настрѣлять птицъ. Онъ, не подозрѣвая меня ни въ чемъ, исполнилъ мое желаніе. — Сверхъ всего этого, я тайно снесъ въ каюту бота топоръ, нѣсколько воску, веревокъ и проч. что только мнѣ попало подъ руку.

Наконецъ мы отправились въ море, и, на разстояніи одной мили отъ гавани, начали ловить рыбу. Я уговаривалъ араба отѣхать еще далѣе, потому что тутъ мало водилось рыбы. Арабъ послушался и мы отплыли на такое разстояніе, что уже не было видно гавани. Сродникъ пирата находился на передней части бота и любовался моремъ. Я отдалъ молодому арапу весла, а самъ подошелъ къ сроднику моего господина, показывая видъ, что ищу чего-то. Онъ стоялъ задомъ ко мнѣ. Я схватилъ его за ноги и бросилъ въ море. Бъ счастью Мюлли (такъ звали его)*) плавалъ какъ рыба; онъ скоро вынырнулъ изъ воды и, подплывъ къ борту, убѣдительно просилъ меня, чтобы я взялъ его на боть.

*) Мюлли — уменьшительное имя Измаила.

Я взялъ ружье и, прицѣлясь въ него, сказалъ: «Мюлли, ты плаваешь какъ рыба; теперь море тихо и берегъ не далеко, плыви домой. Если же ты не слушаешься меня, то я пущу тебѣ пулю въ лобъ». Мюлли, видя мое твердое намѣреніе и, не желая испытать истинну моихъ угрозъ, тотчасъ же поверотилъ и поплылъ къ берегу, и конечно прибылъ туда благополучно, потому что плавалъ превосходно.

Я такъ сильно желалъ получить свободу, что истребилъ изъ сердца моего всякое челоуѣколюбіе и намѣревался уже бросить въ море молодого араба, котораго звали Ксури; но къ счастью опомнился и постарался ласкою склонить его на мою сторону.

«Послушай, Ксури—сказалъ ему я: если ты останешься вѣренъ, то будешь счастливъ. Положи руку на лицо твое и клянись Магометомъ, что не измѣнишь мнѣ. Если же ты не хочешь этаго сдѣлать, то я тебя брошу въ море, какъ бросилъ твоего земляка Мюлли».

Ксури съ трепетомъ улыбался, гладилъ мою руку, клалъ ее на свою голову въ знакъ покорности и клялся, что останется мнѣ вѣренъ до конца жизни, и готовъ слѣдовать за мною всюду, куда бы я ни отправился.

ГЛАВА III.

Продолженіе бѣгства. Пребываніе на якорѣ близъ берега земли. на которой водилось множество дикихъ звѣрей. Ксури добываетъ свѣжей воды. Робинзонъ убиваетъ льва. Знакомство и дружба съ черными людьми. Убитый Леопардъ и благодарность за него дикихъ. Отъездъ отъ берега.

Оставшись вдвоемъ съ арабомъ Ксури, мы поворотили ботъ по вѣтру, который былъ въ то время южный, и проѣзжали мимо такихъ земель, на которыхъ обитали дикіе народы и водилось много свирѣпыхъ, кровожадныхъ животныхъ. Мы работали веслами на сколько у насъ хватало силъ. Вѣтеръ былъ попутный; и море такъ тихо, что мы на слѣдующій день въ три часа по полудни отъѣхали на сто пятьдесятъ миль отъ Сале, и находились внѣ владѣній Марокккаго императора, слѣдовательно, турецкій каперь бывшаго нашего хозяина, никакъ не могъ догнать насъ на такомъ далекомъ разстояніи. Однако же при этой отдаленности я все-таки не считалъ себя въ совершенной безопасности: и потому нигдѣ не приставалъ къ берегу, нигдѣ не становился на якорь, но цѣлые пять дней непрерывно продолжалъ свой путь.

По прошествіи этихъ пяти дней, я рѣшился наконецъ подѣхать къ берегу. Около вечера мы вошли въ небольшой

заливъ и стали на якорѣ, чтобы осмотрѣть земли при наступленіи ночи. Скоро настала темнота, и мы слышали ужасный ревъ и вой звѣрей, доносившійся къ намъ съ противоположнаго берега. Эта музыка, составленная дикими звѣрями, была такъ ужасна, что молодой арабъ Ксури дрожалъ отъ страха и, прижавшись ко мнѣ, крѣпко ухватился за мою руку. Я ободрялъ его и далъ ему выпить рюмку водки для подкрѣпленія силъ и для возбужденія храбрости. Водка подѣйствовала: мой Ксури сдѣлался такъ храбръ, что хотѣлъ сейчасъ-же плыть на берегъ и перестрѣлять тамъ изъ ружья всѣхъ кровожадныхъ звѣрей. Однако эта неустрашимость скоро пропала, когда онъ услыхалъ шумъ и плесканье воды отъ плававшихъ по морю звѣрей. Немного спустя потомъ, они начали играть въ водѣ и такъ дико рычали, что мы отъ страха не знали что и дѣлать. Шумъ въ водѣ и плесканія становились часъ отъ часу слышнѣе, и хотя мы ничего не могли видѣть въ темнотѣ, но по сильному дыханію и пыхтѣнію можно было судить, что къ намъ подплывалъ необыкновенной величины звѣрь. Ксури едва былъ живъ отъ страха, крѣпко прижался ко мнѣ и не отходилъ отъ меня ни на шагъ. Тихимъ и робкимъ голосомъ онъ совѣтовалъ мнѣ обратиться въ бѣгство.

— Этого не нужно дѣлать, сказалъ я ему и, взявши ружье, выстрѣлилъ на удачу, направивъ дуло на то мѣсто, откуда происходилъ шумъ.

Послѣ этого выстрѣла слышно было, что звѣрь поверотилъ назадъ и поплылъ къ берегу, на которомъ въ эту минуту происходили рыканія и вой, приводившіе насъ въ трепеть. Какъ ни опасно было намъ высадиться на эту землю, въ которой было такое множество страшныхъ звѣрей; но

мы должны были рѣшиться на это опасное предпріятіе, потому что у насъ совершенно не было свѣжей воды. Всю ночь мы провели безъ сна, а поутру разсуждали, что намъ предпринять и какъ поступить, чтобы достать свѣжей воды.

— Дай мнѣ кружку, говорилъ Ксури съ дѣтскою откровенностію, я пойду одинъ и принесу воды.

— Почему же ты хочешь идти одинъ? спросилъ я у него.

— Пусть звѣри съѣдятъ меня одного, а ты оставайся въ живыхъ.

Я сильно былъ тронуть его чистосердечіемъ и привязанностію ко мнѣ, далъ ему сухарей и рюмку водки; а потомъ, взявъ съ собою по ружью и по большой кружкѣ, мы отправились на землю.

Я не отходилъ далеко отъ моего бота, боясь потерять его изъ виду; но молодой Ксури, которому водка придала много бодрости, побѣжалъ изо всѣхъ силъ въ одну длинную аллею и скоро скрылся изъ глазъ моихъ. Не прошло пяти или шести минутъ, какъ я опять увидалъ Ксури, бѣгущаго по аллеѣ назадъ. Онъ бѣжалъ съ такой быстротой, что я невольно подумалъ: не преслѣдуетъ ли его какой-нибудь дикарь, или не гонится ли за нимъ звѣрь? Я поспѣшилъ къ нему на помощь, но оказалось, что она была не нужна. Ксури побѣжалъ ко мнѣ съ веселымъ лицомъ; въ рукахъ его было какое-то животное, застрѣленное имъ. Это животное очень походило на зайца, но только цвѣтъ шерсти свѣтложелтый, и заднія ноги нѣсколько длиннѣе заячьихъ. Мы были оба рады этой добычѣ; но вскорѣ еще несравненно болѣе обрадовались, когда Ксури зѣвнулъ на пути ручей прекрасной,

чистой воды. Я со слезами благодарил Бога, что без всякой опасности нашелъ желаемое.

Запасшись достаточно свѣжею водою, мы отправились тотчасъ же на нашъ ботъ; потому что было неблагоразумно мѣшкать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ повидимому не было ни одной души человѣческой, и водилось множество дикихъ звѣрей.

Со мною не было никакихъ инструментовъ для узнанія географической широты этого мѣста; но по догадкамъ и соображеніямъ заключилъ, что эта необитаемая земля лежитъ между владѣніями Морокккаго императора и Нигриціею. Жителей на этой землѣ по ея неплодородію нѣтъ, она остается убѣжищемъ для львовъ, тигровъ и леопардовъ, и никѣмъ не посѣщается кромѣ арабовъ, которые иногда тысячами прѣзжаютъ сюда на охоту.

Въ послѣдствіи времени мы часто выходили на эту землю, но никогда на берегахъ ея не видали никакихъ слѣдовъ человѣческихъ. Однажды утромъ, ставъ якоремъ недалеко отъ берега, мы увидѣли на немъ огромной величины льва, который спалъ на пескѣ подъ тѣнію дерева.

— Ксури! — сказалъ я шутя молодому арабу: ступай на берегъ и убей этого звѣря.

Вмѣсто отвѣта, испугавшійся моего предложенія, Ксури проворно убѣжалъ въ каюту и спрятался тамъ.

Я зарядилъ три ружья двойными зарядами, и взявъ одно изъ нихъ, прицѣлился и выстрѣлилъ во льва. Пуля попала ему въ правую лапу, которая покрывала его морду. Левъ проснулся, страшно взревѣлъ отъ боли и сталъ осматривать свою прострѣленную лапу. Мой вторичный выстрѣлъ былъ гораздо удачнѣе; левъ растянулся на пескѣ, убитый наповаль.

Ксури, увидавши убитого льва, очень расхрабрился, и просилъ у меня позволенія отправиться ему на берегъ и совершенно доканать льва, и не дожидаясь моего дозволенія ни минуты, схватилъ ружье, переправился на берегъ, поставилъ ружье къ головѣ льва и выстрѣлилъ. Недовольствуясь этимъ мужественнымъ поступкомъ, онъ принялся сдирать со льва кожу и, содравъ ее, принесъ ко мнѣ на боть. Кожу эту мы высушили на солнце, и она служила намъ хорошимъ покрываломъ.

Спустя десять дней послѣ этого происшествія, мы увидѣли на берегу толпу черныхъ людей, которые съ великимъ любопытствомъ смотрѣли на нашъ боть. Я хотѣлъ было уже отправиться на берегъ, но Ксури отсовѣтывалъ мнѣ это дѣлать, говоря: «если ты поѣдешь къ нимъ, они непременно съѣдятъ тебя».

Не смотря на его совѣты, я направилъ боть ближе къ берегу, и увидѣлъ, что у дикихъ не было никакого оружія, только одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ небольшое кольцо.

«Это смертоносное копьѣ», говорилъ мнѣ Ксури: они его издалека бросаютъ въ непріятеля, и такъ ловко и мѣтко, что никогда почти не даютъ промаха.

Я объяснилъ дикимъ знаками, чтобы они принесли намъ чего-нибудь съѣстнаго. Они кивали мнѣ головою, выражая этимъ, чтобы я погодилъ немного и подождалъ ихъ возвращенія. Послѣ сего дикіе ушли, и чрезъ полчаса возвратились, принеся съ собою много разнаго сушеннаго мяса. Положивъ его на землю, дикіе удалились въ лѣсъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мы безъ опасенія взяли ихъ подарокъ.

Ксури тотчасъ бросился въ воду, взошелъ на берегъ и, взявъ съ собою мясо, принесъ его ко мнѣ. Дикіе, увидѣвъ, что Ксури уже на ботѣ, вышли опять изъ лѣсу на прежнее мѣсто. Я благодарилъ ихъ знаками, и они тѣмъ же способомъ выражали свое дружелюбіе и расположеніе къ намъ.

Въ это время вдругъ показались на верху горы два огромной величины звѣря. Они бѣжали съ горы, какъ-бы преслѣдуя одинъ другаго. Безоружные дикіе, особливо женщины, со страхомъ и криками, всѣ разбѣжались мгновенно; остался одинъ человѣкъ, именно тотъ самый, у котораго было въ рукѣ кольцо. Я взялъ ружье и сразу убилъ одного изъ звѣрей, который былъ ко мнѣ поближе; другой же звѣрь поспѣшно убѣжалъ. Дикіе такъ испугались выстрѣла, что попадали на землю и лежали нѣсколько минутъ, какъ полумертвые.

Спустя немного времени, они оправились отъ испуга, встали и боязливо подходили къ берегу, куда я приглашалъ ихъ маханіемъ руки. Какъ они обрадовались, увидя на водѣ кровь и убитаго звѣря! Они отъ благодарности и удовольствія поднимали къ небу руки и кланялись мнѣ, выражая знаками свою радость; потомъ мало-по-малу они осмѣлились достать звѣря изъ воды, съ великою радостію вытащили они его на берегъ и стали дѣлить добычу. Обвостреннымъ коломъ прорвали они кожу и упрасивали меня знаками взять любую половину убитаго звѣря. Звѣрь этотъ былъ леопардъ. Я дружески отказался отъ этой части, пожелалъ взять себѣ только кожу, которую тотчасъ же и получилъ. Въ благодарность мнѣ за мясо леопарда, составлявшее лакомое кушанье для дикихъ, они нанесли мнѣ множество разныхъ съѣстныхъ припасовъ, кореньевъ и зеренъ, которые

очень походили на нашу рожь. Сверхъ всего этого они принесли намъ свѣжей воды, и Кеури наполнилъ ею четыре большія бутылки.

Снабдивши столь богатыми и разнообразными запасами, мы простились съ нашими черными друзьями.

ГЛАВА IV.

Прибытіе къ Зеленому мысу. Робинзона принимаютъ на португальскій корабль. Ксури проданъ капитану. Прїѣздъ въ Бразилію и пребываніе тамъ Робинзона. Потѣдка въ Гвинею за неграми. Буря на море и кораблекрушеніе. Робинзонъ выброшенъ водою на неизвѣстный берегъ.

Простившись съ дикими черными людьми, мы цѣлые одиннадцать дней плыли все по направленію къ югу и, по видимому, приближались къ Зеленому мысу, который былъ извѣстенъ мнѣ еще въ первое мое путешествіе. Я стоялъ въ раздумьѣ, размышляя въ которую сторону намъ должно повернуть, чтобы не отклониться отъ надлежащаго пути. Ксури вывелъ меня изъ этой задумчивости, вскричавъ: «смотри Робинзонъ, смотри! вонъ показался корабль. На немъ должно быть ѣдетъ нашъ бывший хозяинъ. Теперь мы не убѣжимъ отъ него; онъ возьметъ насъ опять въ плѣнъ и жестоко поступитъ съ нами.

Я взглянулъ въ ту сторону, куда указывалъ Ксури и примѣтилъ корабль, плывшій на довольно далекомъ разстояніи отъ насъ. Этотъ корабль по моему мнѣнію, былъ португальскій. Мы изъ всѣхъ силъ принялись грести веслами, стараясь приблизиться къ нему; но видя, что онъ про-

должаеть плеть, не замѣчая насъ, я выставилъ на шестѣ вмѣсто флага бѣлый платокъ, и сдѣлалъ выстрѣлъ изъ ружья. Это было замѣчено съ корабля: на немъ опустили нѣсколько парусовъ и онъ пошелъ тише, какъ бы ожидая насъ. Черезъ три часа мы подѣхали къ кораблю. Находившіеся на немъ пассажиры говорили со мною по-испански, по-португальски

и по-французски; но я не зналъ ни одного изъ этихъ языковъ. Наконецъ нашелся тамъ одинъ матросъ, шотландецъ, который изъ моихъ рѣчей узналъ, что я англичанинъ, спасшійся изъ неволи. Тогда насъ приняли на корабль весьма радушно.

Радость моя, что я наконецъ спасся и нахожусь среди европейцевъ, была такъ велика, что я предлагалъ капитану корабля все мое имущество. Онъ изъ великодушія не принялъ моего предложенія, но купилъ у меня только мой боть и кожу леопарда, да желалъ еще, чтобъ я продалъ ему малолѣтняго Ксури. Я считалъ вопіющею несправедливостію — продать волю юноши, который такъ любилъ меня и такъ вѣрно служилъ мнѣ. Капитанъ продолжалъ неотступно упрашивать меня и далъ мнѣ честное слово, что онъ всячески постарается привести Ксури въ христіанскую вѣру и по прошествіи десяти лѣтъ дастъ ему свободу. Тогда я отдалъ его капитану и былъ очень радъ, что нашелъ моему вѣрному Ксури хорошаго и добраго хозяина.

Послѣ долгаго плаванія мы пріѣхали наконецъ въ Бразилію. Здѣсь капитанъ отлично рекомендовалъ меня одному изъ своихъ друзей. Другъ капитана научилъ меня, какъ разводить сахарный тростникъ и дѣлать изъ него сахаръ; по его же ходатайству я получилъ право тамошняго гражданина. Мнѣ отведенъ былъ участокъ земли, на которомъ я сталъ разводить сахарный тростникъ и сѣять табакъ. Спустя нѣсколько времени, когда у меня было уже довольно денегъ, я чрезъ одного португальскаго купца выписалъ себѣ изъ Англіи разныхъ товаровъ и продалъ ихъ здѣсь съ двойнымъ барышомъ. Дѣла мои шли хорошо и я, въ короткое время, сдѣлался довольно зажиточнымъ человѣкомъ.

Три года я жилъ въ Бразиліи, пользуясь довольствомъ въ жизни, спокойствіемъ и благополучіемъ; но они были недолговременны. Непреодолимая склонность моя къ странствованіямъ заставила меня пуститься на такое предпріятіе, которое впослѣдствіи было причиной моей несчастной жизни.

Я желалъ болѣе разбогатѣть. Вотъ, мечталъ я: поѣду въ Африку, накуплю тамъ негровъ—невольниковъ, привезу сюда и съ ихъ помощью буду я съ большой прибылью разводить табакъ и сахарный тростникъ. Эта торговля невольниками производилась тогда (въ половинѣ XVII столѣтія) почти только одними испанцами, которые очень много получали прибыли отъ этой торговли. Мнѣніе мое я сообщилъ нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ и друзей. Они обрадовались этому и желали привести въ исполненіе мою мысль. Они положили на общемъ совѣтѣ, чтобы на ихъ изживеніе снарядить небольшой корабль, на которомъ я отправлюсь въ Гвинею подъ видомъ купца торговать разнымъ товаромъ, и тайно привезу оттуда негровъ. Въ вознагражденіе мнѣ за это, безъ всякой съ моей стороны траты, они обѣщали отдать мнѣ половину привезенныхъ невольниковъ.

Отъ такого выгоднаго предложенія, какъ было трудно отказаться мнѣ, любившему проводить жизнь въ путешествіяхъ! Вотъ я охотно рѣшаюсь оставить всѣ мои хозяйственныя заведенія въ Бразиліи, не хочу воспользоваться настоящимъ спокойнымъ и безбѣднымъ моимъ положеніемъ, и гонюсь за чѣмъ же?—за неизвѣстнымъ и опаснымъ будущимъ. Нисколько не раздумывая, я накупилъ разнаго недорогого товара, который наиболѣе нравится дикимъ, какъ-то: разныя вещи изъ стекла, зеркала, маленькіе ножи, топоры, пилы, матрацы, подушки и т. д.

Что же касается до моихъ плантацій, приносившихъ мнѣ значительный доходъ, то я далъ довѣренность управлять ими одному богатому дому, который былъ со мною въ самыхъ дружественныхъ торговыхъ отношеніяхъ. Корабль нашъ былъ совсѣмъ снаряженъ, грузъ намъ былъ положенъ и все приведено въ надлежащій порядокъ. Онъ содержалъ въ себѣ около 150 тоннъ (900 пуд.), 6 пушекъ и 40 человекъ пассажировъ, считая въ томъ числѣ капитана, его слугу и меня. Я и товарищи мои сѣли на корабль и отправились въ морѣ 1 Сентября 1659 года, въ то самое число мѣсяца, въ которое я убѣждалъ отъ родителей моихъ изъ Гелля.

Вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ гавани, случилась на морѣ ужасная буря и корабль нашъ былъ такъ поврежденъ ударами волнъ и пришелъ въ такое худшее состояніе, что намъ никакъ невозможно было продолжать плаваніе. Для починки корабля я думалъ заѣхать въ какое нибудь англійское поселеніе, но вторично наставшая буря не позволила мнѣ этого сдѣлать. Мы всѣ, находившіеся на кораблѣ, были объаты страхомъ, видя грозящую намъ опасность; но страхъ этотъ еще болѣе увеличился при мысли, что мы, можетъ быть, занесены въ такія мѣста, гдѣ живутъ людоеды. Съ трепетомъ мы направили нашъ корабль на одно мѣсто, которое показалось намъ твердою землею. Мы ужасно ошиблись: это былъ огромной величины камень. Корабль нашъ ударился объ этотъ камень и плотно сѣлъ на него.

Яростный вѣтеръ сильно клубилъ море, и корабль нашъ со всѣхъ сторонъ получилъ течь. Свирѣпыя волны съ трескомъ отдирали цѣлыя доски отъ корабля, и вода въ немъ такъ усилилась, что намъ не оставалось ни малѣйшей надежды на спасеніе. При каждомъ качаніи корабля отъ вѣтра, при

каждомъ ударѣ его о камень, всякій изъ насъ думалъ, что это послѣдній, рѣшительный ударъ. Оставалось одно средство къ спасенію, и средство самое ненадежное—пересѣсть въ шлюпку. Мы такъ и сдѣлали, и въ числѣ четырнадцати человѣкъ отплыли на шлюпкѣ отъ корабля.

Шлюбка наша не могла выдержать бури, хотя она и поухлила нѣсколько. Ей можно было дать направленіе одною только усиленною гребнею; но матросы, удрученные работою на кораблѣ, были не въ состояніи управлять веслами. Однако они, собравъ всѣ свои послѣднія силы, работали неумоимо, желая пристать къ землѣ, берегъ которой виднѣлся вдали. Мы плыли на произволь судьбы или погибнуть въ морѣ, или попасть на песчаный или каменистый берегъ, или войти въ какой нибудь заливъ, гдѣ могли избѣжать опасности. Среди этихъ неизвѣстныхъ ожиданій смерти или спасенія, вдругъ всѣ надежды наши рушились и боязнь превратилась въ ужасъ: огромной величины волна, вышиною подобная горѣ рухнула на насъ и опрокинула нашу шлюпку.

Я и нѣсколько товарищей моихъ были выброшены этою волною на берегъ. Мы встали и хотѣли бѣжать отъ берега, но въ одно мгновеніе другая волна, болѣе прежней, охватила насъ и далеко отнесла въ море. Я опять принужденъ былъ вплавь добираться до берега. Волны то взадъ, то впередъ относили меня. Я боролся съ ними изъ послѣднихъ моихъ силъ, наконецъ волна сильно ударила меня о высунувшійся изъ воды камень, за который я ухватился, чтобы сколько нибудь отдохнуть и поправить свои силы. —

Этотъ камень немного сулил мнѣ утѣшенія; потому что я каждую минуту долженъ былъ ожидать себѣ новой опас-

ности отъ волнъ. Я съ какимъ-то отчаяніемъ бросился съ него опять въ воду и съ большимъ трудомъ, едва не утонувъ, доплылъ до высокаго берега, кой-какъ влѣзъ на него, и отъ усталости и душевнаго безпокойства упалъ на землю безъ чувствъ, почти полумервый.

ГЛАВА V.

Пребываніе Робинзона на неизвѣстномъ островѣ. Ночь, проведенная на деревѣ. Робинзонъ отправляется на корабль. Онъ строитъ плотъ и переноситъ на него съ корабля разные припасы. Обратная переправа на берегъ. Охота. Робинзонъ складываетъ привозные съ корабля вещи въ безопасное мѣсто.

Пришедши въ себя, я очень обрадовался своему спасенію, и долго сидѣлъ въ изумленіи, какъ бы погруженный въ глубокой сонъ; потомъ, мало-по-малу припоминая прошедшее, я думалъ: гдѣ-жъ я теперь нахожусь и что случилось съ моими товарищами? Я не видалъ ни одного изъ нихъ, ни живаго, ни мертваго; только замѣтилъ двѣ шляпы и нѣсколько лоскутковъ отъ ихъ одежды, валявшіеся на берегу.

Однако моя радость о томъ, что я спасся отъ смерти, скоро прошла и уступила мѣсто грустнымъ размышленіямъ. Ужасно было мое состояніе: я былъ совершенно въ изорванномъ платьѣ или, вѣрнѣе сказать, въ рубищѣ не имѣлъ никакой пищи и никакого оружія для защиты себя отъ дикихъ звѣрей. Я сидѣлъ на землѣ печальный, не зная, что и дѣлать въ такой пустынѣ, въ которой и слѣдовъ не было человѣческихъ. Опустивъ руку въ карманъ, я нашелъ тамъ небольшой ножикъ, курительную трубку и немного промо-

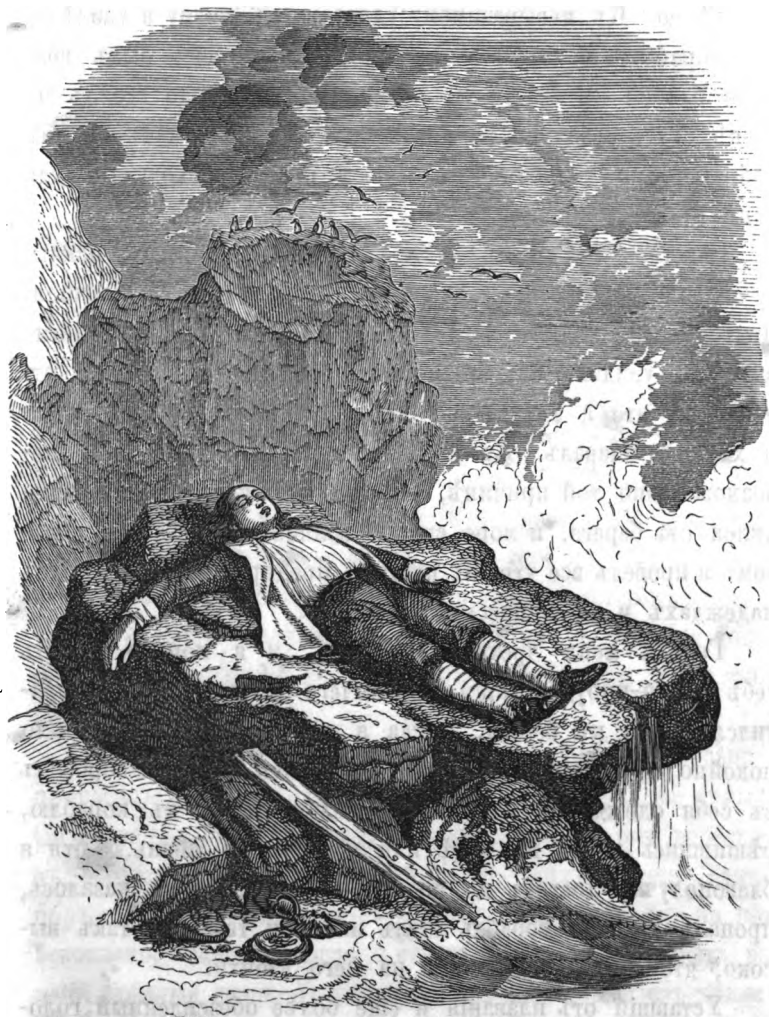
ченнаго табаку — плохое вспоможеніе для изнуреннаго и голоднаго человѣка.

Съ грустію поднявшись съ земли, пошелъ я по берегу искать себѣ чего-нибудь для утоленія моей жажды и голода. Къ великой радости, я нашелъ по счастью источникъ свѣжей воды и утолилъ свою жажду; но для усмиренія голода не находилось ничего.

Наступила ночь. Боясь дикихъ звѣрей, которые могли быть на этой землѣ, я влѣзъ на густое, высокое дерево, похожее на нашу ель. Я сѣлъ тамъ на одномъ толстомъ сукѣ и, привязавъ себя къ нему вѣтвями, заснулъ глубокимъ сномъ. — Покачнувшись на деревѣ и чуть-чуть не упавши съ него, я проснулся. Все было погружено во мракѣ. На обширной пустынѣ находилось немного деревъ, и-то одно отъ другаго въ довольно далекомъ разстояніи. Не слышно было ни пѣнія птицъ, никакого отголоска, повсюду царствовала глубокая тишина, прерываемая только издали слышными ударами волнъ о скалу; надъ пустынею стояли мрачныя облака безъ всякаго движенія, какъ бы готовныя прорваться сейчасъ и разразиться проливнымъ дождемъ. Ужасная для меня была эта картина. Горькія, безотрадныя мысли толпились въ головѣ моей: вотъ мое жилище, здѣсь и можетъ быть въ скоромъ времени я долженъ погибнуть отъ голода или отъ звѣрей. Измученный душевно и тѣлесно, я невольно погрузился опять въ сонъ.

Настало утро. Я проснулся, и мнѣ представилось величественное зрѣлище: надо мною чистое голубое небо, на которомъ не было ни одного облачка; солнце свѣтило во всемъ блескѣ своемъ; зной его умѣрялся прохладнымъ

и тихимъ вѣтеркомъ; а нѣсколько вдали море, тихое, гладкое какъ зеркало, совершенно безъ волнъ.

онъ Все это какъ-бы придало мнѣ новыя силы. Я влѣзъ на самую вершину того дерева, на которомъ провелъ ночь,

и любовался природою съ такимъ великимъ восхищеніемъ, какое можетъ чувствовать человѣкъ, боровшійся съ бурей и смертію. Къ невыразимому удовольствію моему я увидѣлъ, что корабль, на которомъ я ѣхалъ, принесенъ былъ волнами близко къ берегу и, по-видимому, твердо стоялъ на пескѣ. Тутъ невольно родилась у меня мысль какъ-бы мнѣ добраться до корабля и взять съ него необходимые для меня припасы.

Спустясь съ дерева, я прежде всего принялся искать ту шляпку, на которой вчера мы отправились съ корабля. Долгое время ходилъ я вдоль по берегу, и наконецъ дѣйствительно увидалъ ее; но морское теченіе такъ далеко отнесло ее, что я никакъ не осмѣлился плыть къ ней, хотя и хорошо плавалъ. Къ кораблю же плыть тоже было невозможно, по той причинѣ, что онъ слишкомъ далеко находился отъ берега, и море сильно волновалось. Такимъ образомъ я провелъ все утро въ пустыхъ предпріятіяхъ, тщетныхъ надеждахъ и въ напрасномъ трудѣ.

Голодъ меня чрезмѣрно мучилъ, и я пошелъ искать себѣ какой-нибудь пищи; но ничего не нашедши, возвратился опять къ берегу. Тогда я увидѣлъ, что море было покойно и сильно убыло. Обрадовавшись этому, я сбросилъ съ себя одежду на землю и пустился вплавъ къ кораблю, рѣшившись найти въ морѣ или смерть или жизнь. Хотя я благополучно достигъ до корабля, но трудъ мой, казалось, пропалъ даромъ: корабль сталъ на мели твердо и такъ высоко, что не было средствъ на него взойти.

Уставшій отъ плаванія и еще болѣе обезсиленный голодомъ, я не имѣлъ силъ возвратиться опять на берегъ; но погибнуть здѣсь, или отправиться назадъ въ мою пустыню

было для меня одинаково страшно, одинаково грозило мнѣ смертью. Я рѣшился - было уже на послѣднее; но вдругъ замѣтилъ конецъ веревки, висѣвшей на передней части корабля, которая глубже лежала въ водѣ, нежели корма. Я съ радостію схватился за эту веревку и, хотя съ большимъ трудомъ, достигъ наконецъ верха корабля и взошелъ на него. —

Прежде всего я бросился въ тотъ чуланъ, гдѣ находилась корабельная провизія. Я нашель, что большая часть съѣстныхъ припасовъ была неповреждена морскою водою. Подкрѣпивъ пищею свои силы, я пошелъ далѣе и нашель въ каютѣ большую бутылъ вина. Съ жадностію выпилъ я нѣсколько глотковъ этого вина, и такъ сдѣлался весель и спокоенъ, что пришелъ въ какой-то восторгъ, и прыгалъ и бѣгалъ по кораблю взадъ и впередъ.

Какъ-бы мнѣ — думалъ я — переправить все это сокровище на матерую землю и сохранить его отъ порчи? Лодки у меня не было, и оставалось только одно средство къ этому — устроить плотъ. Задумавъ это, я собралъ съ корабля доски, бревна, палки, пилы, гвозди, и тому подобное, и приступилъ къ работѣ.

Сперва я бросилъ въ воду четыре толстыя бревна и привязалъ ихъ къ кораблю веревками, чтобы они не уплыли. Спустившись самъ въ воду, я прѣпко связалъ ихъ веревками съ обоихъ концовъ, и положилъ на нихъ доски. Такимъ образомъ плотъ былъ готовъ и можно было плавать на немъ безопасно. Однако, когда я сталъ на него накладывать разныя тяжелыя вещи, то увидалъ, что плотъ мой отъ тяжести погружался въ воду. Должно было исправить этотъ недостатокъ. Я перепилилъ всѣ оставшіяся на кораблѣ бревна на

три части каждое, и положилъ ихъ въ равномъ разстояніи одно отъ другаго на плотъ, а на эти бревна сложены были всѣ остальные доски. Само собой разумѣется, что все это было прибито въ разныхъ мѣстахъ гвоздями или связано веревками.

По окончаніи этой работы началась переноска съ корабля на плотъ такихъ вещей, которыя были необходимѣе всего. Я боялся положить съѣстные припасы прямо на плотъ потому, что они могли бы попортиться отъ морской воды.

Для устраненія этой порчи я взялъ три большіе сундука, и отломивъ у нихъ замки и опорожнивъ ихъ, наполнилъ корабельными сухарями, сыромъ, сушенымъ мясомъ и житомъ, которое служило для кормленія куръ и другихъ домашнихъ птицъ. Не забыты были также вино, ромъ аракъ и разные другіе напитки, какіе находились на кораблѣ.

Во время этихъ моихъ занятій морской приливъ все болѣе и болѣе увеличивался. Я вспомнилъ про свое платье, которое осталось на берегу. Приливомъ могло снести его въ море, а потому съ корабля я взялъ разной одежды и матерій, изъ которой шьются платья. На плотъ перенесены были также плотничьи и другіе инструменты, которые были нужны мнѣ для постройки хижины и для другихъ разныхъ предметовъ. Наконецъ, сверхъ всего этого, перенесены были на плотъ ружья, пули и порохъ, а также не забыты были двѣ кошки и собаки, находившіяся на кораблѣ, и съ этой богатой поклажей мечталъ я доѣхать благополучно до берега.

Казалось, что всѣ обстоятельства обѣщали мнѣ счастливый переѣздъ: море было спокойно и ровно, приливъ подымался къ берегу, и слабый вѣтерокъ дулъ въ ту же сто-

рону. Обрѣзавъ немедленно веревки, которыми былъ привязанъ плотъ къ кораблю, я отчалилъ къ берегу. Отломокъ отъ весла служилъ мнѣ вмѣсто руля для управленія плотомъ. Не имѣя паруса а пустился на произволъ вѣтра и прилива, и потихоньку приближался къ берегу съ боязливымъ ожиданіемъ человѣка, который ежеминутно опасается, что море поглотитъ всѣ его пожитки.

Переправа моя довольно долгое время была благополучна; однако стремленіе воды все мало-по-малу относило меня отъ того мѣста, гдѣ оставлено было мое платье. Я вскорѣ замѣтилъ небольшой заливъ на берегу. Туда устремлялось морское теченіе. Мой плотъ держался въ срединѣ этого теченія и плылъ все далѣе и далѣе; но наконецъ, сверхъ всякаго чаянія, попалъ на мелкое дно и чуть-чуть не опрокинулся; потому что съ другаго конца онъ стоялъ не на твердомъ мѣстѣ. Я изъ всѣхъ силъ отталкивался отъ береговъ; но это было безъ всякаго успѣха, и принужденъ былъ почти цѣлый часъ находиться въ этомъ затруднительномъ положеніи, дожидаясь той минуты, когда-бъ прибыла вода и подняла мой плотъ. Послѣ сего плотъ попалъ на прямой путь и вошелъ въ устье небольшой рѣчки, по обѣимъ сторонамъ которой была возвышенная, гористая земля.

Мнѣ не хотѣлось далеко удалиться отъ берега, потому, что я льстилъ себя надеждою, что можетъ быть какой нибудь корабль будетъ проходить мимо, я увижу его, и онъ возьметъ меня съ собой. Я искалъ въ самомъ устьѣ рѣчки такого мѣста, къ которому могъ бы удобнѣе пристать. Заливъ, находившійся на правой сторонѣ берега, обратилъ на себя мое вниманіе, и я съ большимъ трудомъ завелъ въ него мой плотъ. Въ заливѣ было такъ мелко, что я доставалъ

дно его весломъ, на которое упираюсь, подвигаю мой грузъ все далѣе и далѣе.

Я уже мечталъ, что преодолею всѣ затрудненія, но едва не потерялъ изъ торопливости всего своего имущества. Желая скорѣе пристать къ берегу и не замѣчая, что та часть плота, которую я подвигаю къ берегу, очень высоко поднялась, а противоположная ей часть лежала гораздо ниже, а потому весь грузъ необходимо долженъ былъ свалиться въ воду. По счастью, я замѣтилъ во-время эту опасность и предупредилъ ее, подставивъ весло подъ плотъ на ровную и твердую землю. Надобно было дожидаться отлива. Онъ вскорѣ насталъ и осушилъ подъ моимъ плотомъ дно.

Первою моею заботою послѣ этого удачнаго предпріятія было то, чтобы найти безопасное мѣсто какъ для меня, такъ и для моего запаса. Мнѣ было еще неизвѣстно: на матерой ли землѣ нахожусь или на островѣ, на обитаемой ли или не обитаемой, между людьми или между звѣрями? Размышляя объ этомъ, я увидѣлъ недалеко отъ берега небольшую гору, которая была выше всѣхъ другихъ горъ, смежныхъ съ нею и лежащихъ къ сѣверу. Взявъ съ собою ружье, пистолеть и пороху, я взошелъ на вершину этой горы, откуда увидѣлъ, что земля эта — островъ бесплодный и по-видимому необитаемый. Вдали на мрѣ ничего не было видно, кромѣ нѣсколькихъ подводныхъ камней и двухъ небольшихъ острововъ, лежащихъ къ западу, на три или четыре мили разстоянія отъ моего острова.

Узнавъ, чего мнѣ должно ожидать въ будущемъ, я сталъ какъ-бы нѣсколько спокойнѣе. На горѣ въ разныхъ мѣстахъ находилось множество птицъ. Я выстрѣлилъ въ одну птицу, сидѣвшую на деревѣ, и убилъ ее. Этотъ выстрѣлъ

привелъ всѣхъ птицъ въ большой испугъ. Отовсюду поднялись многочисленныя стада ихъ, и съ крикомъ и шумомъ кружились въ воздухѣ. Почти всѣ эти птицы были совершенно неизвѣстны мнѣ и нисколько не походили на птицъ европейскихъ, кромѣ птицы убитой мною. Она была хищная и имѣла сходство съ нашимъ ястребомъ, а вкусомъ была противна.

По возвращеніи съ охоты все мое сокровище было перенесено мною съ плота въ такое мѣсто, которое казалось мнѣ удобнѣйшимъ. Изъ опасенія къ дикимъ, я не хотѣлъ проводить ночь на землѣ, и не хотѣлъ также оставить свое имущество безъ всякой охраны. Ночь приближалась, и надо было рѣшиться на что-нибудь. Вдругъ у меня явилась мысль — поставить сундуки и доски въ одинъ кругъ, а въ срединѣ ихъ устроить себѣ шалашъ изъ парусины. Такъ и было сдѣлано, и я провелъ ночь спокойно въ шалашѣ.

ГЛАВА VI.

Продолженіе поѣздокъ на корабль. Неизвѣстное животное. Сонъ на европейскій манеръ. Постройка шалаша. Двѣнадцатое путешествіе на корабль. Буря уноситъ корабль. Постройка двухъ шатровъ и погреба. Охота на дикихъ козъ. Маленькій козленокъ.

~~~~~

По всей вѣроятности, мнѣ суждено было пробить въ той пустынѣ долгое время; а потому я всячески старался оградить себя отъ недостатковъ. Вслѣдствіе этого, я на другой же день отправился опять на корабль при наступившемъ морскомъ отливѣ. Доплывъ благополучно до корабля, я устроилъ новый плотъ (старый плотъ я съ собою не взялъ по причинѣ трудности перевоза) и нагрузилъ его разными эвещами: пистолетами, гвоздями, топорами, точильнымъ камнемъ, ружьями, пулями, парусами и канатами. Я очень опасался, чтобы во время моего отсутствія, не посѣтилъ моего амбара какой нибудь звѣрь и не похитилъ чего-нибудь или не испортилъ; но однако по возвращеніи моемъ, я нашелъ, что весь запасъ мой цѣлъ и не тронутъ.

Убирая привезенныя мною съ корабля вещи, я увидѣлъ, что на одномъ изъ сундуковъ моихъ сидѣло какое-то животное, похожее на кошку. Оно, при моемъ приближеніи къ нему, не соскочило съ сундука и не побѣжало прочь.

Я прицѣлился въ него ружьемъ, но оно, не зная свойства ружья, сидѣло безбоязненно и быстро на меня смотрѣло. Тронутый такой довѣрчивостію, я старался приманить его лаской, и бросилъ ему кусокъ сухаря. Животное съ жадностію съѣло его, потомъ подошло ко мнѣ и стало ласкаться. Пробывъ около меня нѣсколько минутъ, оно скрылось, и я послѣ сего никогда не видалъ его болѣе.

Вещи, привезенныя мною съ корабля, были очень полезны мнѣ и утѣшали меня. Изъ парусовъ можно было

сдѣлать шатеръ и въ немъ сохранять запасы отъ дождей и зноя, да и самъ я могъ укрываться въ немъ. Шатеръ былъ скоро устроенъ, и въ него перенесенъ весь запасъ. Кругомъ шатра разставилъ я пустыя бочки и доски, вмѣсто палисадника и, положивъ одинъ изъ сундуковъ сверху дномъ, розостлалъ на немъ тюфякъ, взятый мною съ корабля, положилъ въ изголовье два заряженные пистоleta и ружье, и въ первый разъ заснулъ по-европейски подъ чуждымъ небомъ.

Хотя запасу было у меня много, но ненасытимость желаній людскихъ и заботы о будущемъ заставили меня побывать на кораблѣ еще нѣсколько разъ. Въ шестую мою поѣздку на корабль, мнѣ посчастливилось найти тамъ цѣлую бочку сушенанаго хлѣба, три боченка рому и мѣшокъ крупичатой муки. Но и этимъ я былъ недоволенъ: мнѣ хотѣлось весь корабль перевезти ко мнѣ на островъ по частямъ. Однажды я нагрузилъ мой плотъ такъ тяжело, что едва не утонулъ, потому что плотъ, входя въ заливъ, вдругъ опрокинулся вмѣстѣ со мною и грузомъ. Къ счастью, мнѣ удалось благополучно выплыть и достичь берега; потонувшее же имущество я вытащилъ послѣ, во время морскаго отлива.

Совершивъ одиннадцать путешествій на корабль, я приготовился сдѣлать двѣнадцатое. Не взирая на довольно сильный вѣтеръ, я поплылъ къ кораблю. Тамъ нашелъ я только нѣсколько ножей и пять фунтовъ зотыхъ стерлинговъ. Въ настоящемъ моемъ положеніи какую ничтожную роль играло золото! На что оно мнѣ теперь? Кусокъ стали или желѣза былъ для меня полѣзнее и дороже, нежели груды золота и серебра. А тамъ, въ обществѣ людей, думалъ я, какъ драгоценны и нужны эти металлы: тамъ ищутъ,

съ трудами добываютъ денегъ, иногда попирая ногами добродѣтель, правду и соотраданіе, созидаая свое счастье на развалинахъ ближняго. Теперь я понялъ, что мое настоящее состояніе не такъ было злополучно, какъ я воображалъ его себѣ, потому что рѣшительно не имѣлъ никакой нужды въ деньгахъ. Однако, не смотря на это утѣшительное размышленіе, я не могъ, по старой привычкѣ преодолѣть себя, и невовны, почти какъ-бы по инстинкту, завернулъ золото въ тряпку и взялъ его съ собою, въ той надеждѣ, что когда нибудь возвращусь въ сообщество людей, гдѣ деньги необходимо нужны.

Между тѣмъ небо покрывалось тучами и подымался вѣтеръ. Мнѣ хотѣлось-было сдѣлать плотъ, но вѣтеръ такъ усилился, что я по неволѣ долженъ былъ оставить это намѣраіе и подумать, какъ бы поскорѣе и безопаснѣе переправиться на берегъ прежде морскаго прилива.

Я поплылъ съ большимъ трудомъ и съ великою опасностію, потому что при мнѣ находились вещи, довольно вѣскія. Однако я добрался до берега благополучно и въ свое время. Вскорѣ послѣ сего поднялась на морѣ страшная буря и продолжалась всю ночь. Когда я всталъ поутру, то корабля уже не видно было на морѣ: вѣроятно, его унесли волны и разбили на мелкія части. Мнѣ стало жалко корабля, къ которому я такъ привыкъ и который былъ всегда у меня передъ глазами.

Буря, унесшая мой корабль, лишила меня прежнихъ, каждодневныхъ моихъ занятій и трудовъ. Мнѣ нужно было заняться чѣмъ-нибудь другимъ, а этихъ занятій было множество въ моемъ положеніи. Во-первыхъ, я обратилъ вниманіе на то мѣсто, гдѣ поставленъ былъ шатеръ и сложено

все мое имущество. Это мѣсто было со всѣми неудобствами, болотистое и лежало близъ моря; вблизи его не находилось свѣжей воды, и сверхъ всего этого, ничто не защищало меня отъ солнечнаго зноя и непогодъ.

Въ этихъ мысляхъ я сталъ осматривать окружавшія меня мѣста и обратилъ вниманіе на одну долину, ~~закрытую~~ густой зеленью и лежавшую у подошвы довольно крутой, но невысокой горы. Долина имѣла всевозможныя выгоды, и ни одно изъ мѣстъ на всемъ островѣ не было такъ живописно и и удобно для жилища, какъ эта долина. Гора прямо заслоняла ту сторону, которая болѣе подвергалась солнечнымъ лучамъ; другая сторона лежавшая къ морю, была всегда прохлаждаема тихимъ вѣтромъ съ моря, и оно съ этой стороны было такъ хорошо видно, что ни одинъ корабль не могъ пройти мимо, не бывъ замѣченъ отсюда. Я здѣсь могъ быть безопасенъ отъ дикихъ звѣрей и людей, лишь только стоило обнести полисадникомъ эти пространства.

Я рѣшился избрать себѣ это мѣсто въ жилище, и отдѣливъ по сту шаговъ въ ширину и длину, огородилъ его съ одного конца горы до другаго кольями въ два ряда, а между рядами положилъ взятыя мною съ корабля доски и канаты, которыми я былъ очень богатъ. Кромѣ всего этого, для большей крѣпости, прибиты были къ кольямъ въ разныхъ мѣстахъ подпоры, и этотъ тынъ походилъ тогда нѣсколько на маленькую крѣпость. Открытаго хода въ мое жилище я никакъ не осмѣлился сдѣлать, но устроилъ небольшую лѣстницу, посредствомъ которой входилъ въ мою ограду и выходилъ изъ нея.

Среди ограды я устроилъ два шатра. Одинъ небольшой шатеръ былъ сдѣланъ изъ парусовъ, а другой, который былъ

побольше перваго, — изъ тѣхъ же парусовъ, сверхъ которыхъ была устроена покрывка изъ толстой смоленой холстины. Такая предосторожность была необходима, потому что въ томъ климатѣ, въ извѣстныя времена года, бываютъ частые проливные дожди.

Мое хозяйство часъ отъ часу становилось все лучше и лучше; но меня безпокоили мои съѣстные и прочіе припасы, которые находились въ небольшомъ шатрѣ и могли отъ мокроты испортиться. Во избѣжаніе этой порчи, я выкопалъ въ горѣ родъ чулана, и перенесъ туда все мои запасы; земля же и камни, вырытые изъ горы при устройствѣ чулана, пригодились мнѣ для большаго укрѣпленія моей деревянной ограды. Я ссыпалъ эти камни и землю между кольями, и такимъ образомъ устроилъ себѣ довольно высокій земляной валъ.

Мои работы продолжались почти непрорывно, требовали много времени, труда и безпокойства, однимъ словомъ, были очень тягостны для меня, особливо въ такой жаркой странѣ, въ какой я тогда находился. Сверхъ всего этого, бывали такіе случаи, которые отклоняли меня отъ работы и заставляли терять много времени напрасно.

Однажды, когда я устроивалъ основаніе шатру моему, вдругъ поднялась страшная буря, дождь лилъ какъ изъ ведра, гремѣлъ непрерывно громъ и сверкала молнія. — Вотъ сверкнула молнія, чуть-чуть не ослѣпившая меня, и разразился въ ту же минуту надъ самой головой моею ужасный ударъ грома: я упалъ на землю почти безъ чувствъ. Пришедши въ себя, я увидѣлъ, что молнія ударила въ дерево, стоявшее недалеко отъ того жилища, расколола надвое стволъ его и зажгла. Я вспомнилъ тогда о своемъ порохѣ, составлявшій

для меня самый полезный запасъ, посредствомъ котораго я могъ защищать себя и снискивать пропитаніе. Лишь только прошла буря, я немедленно раздѣлилъ весь мой порохъ на нѣсколько небольшихъ частей и, положивъ его въ мѣшочки, спряталъ ихъ по разнымъ мѣстамъ въ пещерѣ и въ землѣ, гдѣ только мнѣ казалось удобнымъ и безопаснымъ. Это было сдѣлано мною для того, чтобы не лишиться заразъ всего пороха, если случится какое-нибудь несчастіе съ моимъ жилищемъ.

Въ другой разъ, тоже при сильномъ дождѣ, я замѣтилъ, что жилище мое легко наполняется водою, которая на долгое время заливала мой дворъ и съ трудомъ стекала съ него. Для устраненія этого неудобства, было мною сдѣлано въ стѣнѣ нѣсколько отверстій, а снаружи выкопаны канавы для стока воды.

Сверхъ этихъ занятій, мнѣ непремѣнно нужно было почти каждый день ходить на охоту за дичью, чтобы достать себѣ пищу, а также ознакомиться съ разными мѣстностями острова, его земными произведеніями и его обитателями — птицами и звѣрями.

При первомъ моемъ выходѣ на охоту, я замѣтилъ нѣсколько дикихъ козъ, которыя, завидя меня еще издали, быстро скрывались въ горахъ. Я пытался нѣсколько разъ ставить въ разныхъ мѣстахъ сѣти; но никогда не могъ поймать ни одной козы, потому что сѣти не были крѣпки и легко разрывались. Наконецъ изъ долгихъ наблюденій и опытовъ я нашелъ надежное и вѣрное средство убивать ихъ.

По моимъ наблюденіямъ оказывалось, что эти боязливыя животныя, находясь въ горахъ выше охотника, такъ чутки и осторожны, что всегда чувствуютъ его приближеніе, какъ бы онъ ни находился далеко, и съ необыкновеннымъ про-

ворствомъ, прыгая по горамъ съ камня на камень, скрываются отъ него. Если же, напротивъ, охотникъ находится выше ихъ, или когда они пасутся на долинахъ, то допускають его близко къ себѣ, и почти не чувствуютъ его приближенія. Какая причина этому,—я не могу рѣшить положительно: либо онѣ, находясь высоко, имѣють лучше обоняніе, либо устройство ихъ глазъ таково, что онѣ только внизъ, а не вверхъ, смотрѣть могутъ. Послѣ сего я всегда, охотясь, всходилъ на скалы, и мнѣ часто удавалось убивать козъ безъ большаго труда.

Однажды я убилъ одну козу, бѣгавшую въ долину съ своимъ козленкомъ. Козленочекъ такъ еще былъ малъ и глупъ, что совсѣмъ не испугался выстрѣла, но стоялъ неподвижно близъ своей убитой матери. Когда я взялъ ее къ себѣ на плечи и пошелъ домой, козленокъ бѣжалъ за мной до самаго моего жилища, и стоялъ у лѣстницы до тѣхъ поръ, пока я перенесъ козу на другую сторону стѣны, и потомъ возвратился къ нему. Онъ добровольно допустилъ взять себя ко мнѣ на руки и перенести за ограду. Мнѣ хотѣлось воспитать это бѣдное, осиротѣвшее животное и имѣть въ немъ своего сотоварища, который бы раздѣлялъ со мною мою уединенную и грустную жизнь; но козленокъ былъ такъ еще малъ, что не могъ ничего ѣсть, кромѣ молока матери, и слѣдовательно не могъ на долгое время продлить свое существованіе. Не желая, чтобы козленокъ томился голодомъ и пропалъ даромъ, я закололъ его собственными руками, и съѣлъ его. Эта охота доставила мнѣ пищи на нѣсколько дней; провизію же свою, особливо хлѣбъ, я берегъ сколько было то мнѣ возможно.

ГЛАВА VII.

Календарь Робинзона. Недостатокъ въ одеждѣ. Причина продолжительности работъ. Столярное мастерство Робинзона. Распределение дневныхъ работъ. Незвѣстные колосья. Жатва и будущія надежды.

~~~~~

Бумаги, перьевъ, а особливо чернилъ было очень мало у меня, потому что я употреблялъ ихъ на записываніе дней и всего, что мною было сдѣлано въ эти дни. Чернила мои были въ самомъ жалкомъ состояніи, потому что я, по недостатку ихъ, прибавлялъ къ нимъ время отъ времени воды, и сдѣлалъ ихъ такими жидкими, что наконецъ самъ съ трудомъ могъ разбирать написанное мною самимъ. Мнѣ пришло на мысль, что рано или поздно мнѣ будетъ нечѣмъ записывать, и я по неволѣ собою въ счетъ времени и не буду различать воскресенья отъ прочихъ рабочихъ дней. Чтобъ избѣжать такого безпорядка, я задумалъ сдѣлать календарь.

Для веденія этого календаря мною было избрано находившееся недалеко отъ моего жилища гладкое, высокое дерево. Я сдѣлалъ на немъ, какъ возможно было мнѣ повыше, слѣдующую надпись:

Я выброшенъ сюда бурюю 30 Сентября 1659 года.

Слѣдующіе за этимъ числомъ дни я отмѣчалъ небольшою чертою, а воскресные дни — чертою двойной длины, первый же день мѣсяца — чертою тройной длины. Такимъ образомъ былъ устроенъ мой календарь, и я по немъ могъ узнавать дни, недѣли, мѣсяцы и года.

Съ самаго начала моего на островѣ пребыванія мои упражненія были такъ велики и непрерывны, что мнѣ тогда

некогда было и подумать о моемъ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Усталый до нельзя, я отъ работъ переходилъ къ глубокому сну, и отъ сна опять къ работамъ. Наконецъ, когда самыя необходимыя для меня работы были исполнены, у меня оставалось нѣсколько свободнаго времени, въ которое я могъ подумать о моемъ положеніи. Оно представлялось мнѣ очень горестнымъ. Всею болѣе меня беспокоило будущее. Что станетъ со мною — думалъ я — когда у меня выйдутъ всѣ припасы съѣстные и весь порохъ? Злая ожидаетъ меня участь! Мысли эти такъ тревожили меня, что я не находилъ себѣ покою.

Однако эти страшныя картины моего будущаго мало-помалу изглаживались изъ моихъ мыслей, и я сталъ болѣе обращать вниманіе на мое настоящее. Я нуждался въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. У меня не было орудій для обработыванія земли. У меня не было ни грабель, ни сохи, ни бороны, даже ни лопаты для обработыванія земли. Для шитья платья не было у меня ни иглы, ни нитокъ. Мое платье стало приходиться въ ветхость. У меня уже давно не было бѣлья, кромѣ нѣсколькихъ полотняныхъ полосатыхъ рубашекъ, которыя были найдены мною въ сундукахъ матросовъ. Эти рубашки я носилъ со всевозможною бережливостію, да очень часто, въ нестерпимые жары я не надѣвалъ на себя никакого платья, кромѣ одной рубашки. Большое счастье было для меня, что я между платьями, матросовъ нашелъ этихъ рубашекъ около трехъ дюжинъ. Я запасся также нѣсколькими толстыми верхними одеждами, но онѣ мнѣ мало приносили пользы, потому что были слишкомъ теплы для того климата, въ которомъ я жилъ.

Хотя жары на островѣ были такъ велики, что мнѣ не нужно было никакой одежды, и притомъ же я былъ одинъ, но никогда не позволялъ себѣ ходить нагимъ. Я никакъ не могъ рѣшиться на это, даже не допускалъ и мысли объ этомъ. Впрочемъ, солнечный зной былъ бы для меня гораздо несноснѣе, если бы я не надѣвалъ на себя какого нибудь платья и ходилъ бы нагой. Я также не могъ привычить себя ходить съ непокрытой головой. Если я бывалъ иногда безъ шляпы, то всегда отъ солнечныхъ лучей у меня заболѣвала голова; но эта боль проходила, когда я накрывалъ голову шляпой.

Недостатокъ въ необходимыхъ вещахъ и инструментахъ былъ главною причиною продолжительности работъ. Напримеръ, надъ полисадникомъ и укрѣпленіями его я трудился цѣлый годъ; чтобы срубить дерево въ лѣсу, очистить его отъ вѣтвей и приготовить его какъ должно, мнѣ требовалось не менѣе двухъ дней, а на вкапываніе его землю — одинъ день. Если мнѣ нужно было приготовить доску, то у меня не было другаго средства, какъ срубить дерево, обрубить его съ двухъ сторонъ, чтобы доска была достаточно тонка, и потомъ отесать ее стругомъ. Такимъ образомъ мнѣ можно было сдѣлать только одну доску изъ цѣлаго дерева.

Я устроилъ себѣ столъ и стулъ изъ частей досокъ, взятыхъ мною съ корабля; надѣлалъ разныхъ полокъ и помѣстилъ ихъ одну надъ другою, вдоль стѣнъ моей пещеры. На эти полки положены были мои инструменты, гвозди, топоры, старое желѣзо, однимъ словомъ всѣ мои вещи, отдѣльно одна отъ другой, чтобы легче было отыскивать ихъ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ стѣны вколочены были гвозди, и на нихъ повѣшены мои ружья и другія

предметы, которые вѣнать можно; такимъ образомъ моя пещера сдѣлалась главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ необходимыхъ для меня вещей.

Дни были распределены мною для занятій слѣдующимъ образомъ: по-утру, въ хорошую погоду, я занимался часа два охотою, потомъ до полудня работалъ, послѣ сего обѣдалъ и, пообедавъ, по причинѣ несносныхъ жаровъ, проводилъ время до вечера въ пещерѣ, гдѣ что-нибудь дѣлалъ или отдыхалъ, и наконецъ, оставивъ пещеру, опять принимался за работу и трудился до тѣхъ поръ, пока усталость начинала клонить меня ко сну.

Случай — начало всѣхъ почти человѣческихъ изобрѣтеній, — открылъ и мнѣ однажды тайну, которая много доставила мнѣ радости. Какъ-то разъ, у подошвы скалы, съ лѣвой стороны моихъ укрѣпленій, я замѣтилъ нѣсколько колосьевъ. Сначала я принялъ ихъ за растеніе неизвѣстное мнѣ, но потомъ чрезъ нѣсколько времени, когда они созрѣли, увидѣлъ, что это рожь, очень похожая на нашу европейскую рожь, хорошаго англійскаго сорта. Откуда зашли сюда эти колосья? — думалъ я и, не нашедъ причины, былъ почти убѣжденъ, что это натуральное растеніе острова. Во время прогулокъ своихъ я не проходилъ ни одного мѣста на островѣ безъ того, чтобы не осмотрѣть его внимательно, въ той надеждѣ, что найду такое же растеніе; но тщетно: нигдѣ я не нашелъ ни одного подобнаго колоса. Однако, чрезъ нѣсколько времени, я вспомнилъ и узналъ настоящую причину всхода колосьевъ. Мѣсяца два тому назадъ, разбирая свои старыя вещи, я нашелъ пустой мѣшокъ, въ которомъ прежде были разныя зерна для корма птицъ. Небольшое количество находившихся въ немъ зеренъ было

съѣдено мышами, и я не замѣтилъ въ немъ ничего, кромѣ отрубей, сору и пыли. Такъ какъ въ то время мнѣ требовался мѣшокъ на другое дѣло, то я, взявъ его, пошелъ изъ него вытряхатъ соръ и пыль у подошвы горы, недалеко отъ моего жилища. И такъ оказалось, что эти зерна я самъ посѣялъ, совершенно не зная объ этомъ и не думая сѣять.

Я тщательно собралъ эту рожь въ хорошую погоду, когда она совершенно созрѣла, и спряталъ ее до единого зернышка, въ той надеждѣ, что, посѣявъ ихъ, буду наконецъ имѣть свои хлѣбныя поля и употреблять рожь въ пищу.

Кромѣ этой ржи, было до тридцати колосьевъ рису, который я также спряталъ и для такого же употребленія только съ тою разницею, что изъ рису буду готовить себѣ иногда хлѣбъ, а иногда супъ.

ГЛАВА VIII.

Землетрясение и буря. Мысли Робинзона о перенѣтѣ жилища. Онъ устраиваетъ точильную машину. Остатки корабля, прибитые водой къ острову. Робинзонъ переноситъ ихъ къ себѣ. Онъ находитъ черепаху.

Иногда судьба бывала ко мнѣ очень благосклонна, какъ это подтвердилось случайной находкой ржи; но иногда она бывала слишкомъ немилосердна ко мнѣ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго происшествія. Однажды утромъ, я занимался работой позади моей палатки, вдругъ слышу, что обрушилась земля съ верху моей пещеры и большія куски ея вмѣстѣ съ камнями сыпались съ вершины скалы, висѣвшей надъ моею головою. Два столба, находившіеся въ пещерѣ и служившіе подпорками, трещали такъ сильно, что, казалось, готовы были разрушиться.

Не зная настоящей причины, я думалъ, что этотъ трескъ произошелъ отъ паденія какихъ-нибудь изъ моихъ матеріаловъ, какъ это уже и случилось однажды. Боясь быть засыпаннымъ землею и погибнуть, я пустился бѣжать къ своей лѣстницѣ и, видя, что нахожусь еще не внѣ опасности, поспѣшно перелѣзъ черезъ стѣну, чтобы болѣе удалиться и спастись отъ большихъ камней, падавшихъ со скалы, кото-

рая, думалось мнѣ, сейчасъ упадетъ на меня и заживо погребетъ.

Лишь только я перелѣзъ на другую сторону моего палисада то ясно понялъ, что это было ужасное землетрясеніе. Я чувствовалъ, какъ колебалась земля на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, и слышалъ глухіе подземные удары. Самыхъ большихъ потрясеній было три. Они слѣдовали одно за другимъ, съ промежуткомъ около восьми минутъ, и были такъ сильны, что могли бы разрушить самыя непоколебимыя твердыни. Цѣлый бокъ скалы, находившейся отъ меня въ полумилѣ, упалъ съ шумомъ, подобно грому. Самый океанъ, казался мнѣ, былъ въ сильномъ движеніи, и я думаю, что эти потрясенія были еще чувствительнѣе на днѣ водъ, нежели на островѣ.

Землетрясеніе причинило мнѣ боль и круженіе въ головѣ, подобныя тѣмъ, какія бываютъ у людей, находящихся на корабѣ во время морской бури. Я никогда не испытывалъ, что значить землетрясеніе, даже не слыживалъ рассказовъ про него. Отъ изумленія и страха, которыми я былъ пораженъ, застывала кровь въ моихъ жилахъ и цѣпенѣли всѣ силы души моей; но трескъ отъ паденія скалы поразилъ мой слухъ и вывелъ меня изъ безчувственнаго состоянія, въ которомъ я находился. Вотъ, думалъ я, точно также можетъ упасть гора и на мое жилище и засыпать своими развалинами всѣ мои богатства. Эта мысль привела меня въ ужасъ.

Наконецъ видя, что землетрясеніе прошло, я нѣсколько ободрился, но все-таки не рѣшался перелѣзть черезъ стѣну моего жилища, боясь быть заживо погребеннымъ, и сидѣлъ неподвижно на землѣ.

Между тѣмъ въ воздухѣ начинало темнѣть и небо покрывалось черными тучами. Поднялся вѣтеръ и, усиливаясь все болѣе и болѣе, чрезъ полчаса обратился въ страшный ураганъ. Деревья съ трескомъ падали въ лѣсу и вырывались изъ земли съ корнями. Море стало бѣло отъ пѣны, и яростныя волны заливали берегъ. Буря эта продолжалась около трехъ часовъ, потомъ прекратилась. Вслѣдъ за тѣмъ пошелъ проливной дождь.

Я былъ въ томъ же положеніи тѣла и духа, какъ вдругъ пришла ко мнѣ мысль, что эти вѣтры и дождь ни что иное какъ обыкновенныя слѣдствія землетрясенія, а потому оно прекратилось совершенно, и что мнѣ можно теперь возвратиться домой. Я перелѣзъ черезъ стѣну и скрылся въ своей палаткѣ; но видя, что дождь прорвалъ ее во многихъ мѣстахъ и грозилъ ежеминутно опрокинуть ее, я принужденъ былъ перейти въ пещеру, хотя въ то же самое время весь дрожалъ отъ страха, что гора обрушится и задавитъ меня.

Дождь, не переставая, шелъ во всю ночь и часть слѣдующаго дня, и такъ сильно, что не было средства выдти изъ пещеры, не бывъ облитымъ съ головы до ногъ въ одно мгновеніе. Я думалъ о томъ, что мнѣ слѣдуетъ предпринять. Островъ былъ вулканическаго свойства и, вѣроятно, подвергался частымъ землетрясеніямъ, а потому мнѣ должно было жить не въ пещерѣ, а на открытомъ мѣстѣ, которое можно также обнести стѣною, подобною первой.

Слѣдующіе два дня я ходилъ по острову, отыскивая мѣсто, гдѣ бы могъ жить спокойно и куда могъ бы перенести все свое имущество, но въ теченіе этихъ двухъ дней не выбралъ я себѣ никакой мѣстности, которая была бы удобна для меня и согласовалась съ моимъ желаніемъ. Я былъ

въ раздумѣ, что мнѣ предпринять: новаго мѣста не найдено, а на старомъ жить страшно. При томъ же мнѣ было жалко и грустно разорять то, что я построилъ своими руками и съ большимъ, долговременнымъ трудомъ. Наконецъ я положилъ твердое намѣреніе — оставаться, подвергаясь опасностямъ, на прежнемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока найду другое болѣе удобное.

Мнѣ необходимо было нужно поправить все то, что землетрясеніе попортило и поломало въ моемъ жилищѣ.

Съ этой цѣлю, желая тотчасъ же приняться за дѣло, я пошелъ къ своимъ инструментамъ и, къ крайнему моему сожалѣнiю, нашелъ ихъ въ жалкомъ положенiи: они были такъ затуплены и зазубрены отъ частой рубки и пиленiя твердыхъ суковатыхъ деревьевъ, что вовсе почти не годились къ дальнѣйшему употребленiю, если не наточить ихъ. У меня былъ точильный камень, взятый мною вмѣстѣ съ другими вещами съ корабля; но не съ кѣмъ было мнѣ точить, некому было вертѣть этотъ камень. Это обстоятельство меня безпокоило, но наконецъ я придумалъ средство: придѣлать колесо и помощiю его и веревки вертѣть точило ногами, а руками точить то, что мнѣ нужно было. — Мой камень былъ великъ и тяжелъ, и я цѣлую недѣлю употребилъ на устройство этой машины. Устроивъ машину, я цѣлые три дня точилъ мои инструменты.

Вскорѣ я замѣтилъ, что хлѣба остается у меня немного. Этотъ недостатокъ сильно страшилъ меня, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я изведу весь мой хлѣбъ. Чтобы отдалить отъ себя нѣсколько это непрiятное будущее, я сталъ употреблять его въ день по одному только сухарю, замѣняя этотъ недостатокъ пищи козьимъ и птичьимъ мясомъ.

Было первое число мая. Утромъ я пошелъ на берегъ, чтобы нѣсколько разсѣяться, и примѣтилъ въ недалекомъ отъ меня разстоянiи (тогда былъ морской отливъ) что-то лежавшее на мели, довольно большое и похожее на боченокъ. Я отправился туда, и дѣйствительно на пескѣ находился боченокъ и нѣсколько обломковъ нашего погибшаго корабля. Эти обломки глубоко были втиснуты въ песокъ. Разматривая боченокъ, я нашелъ, что въ немъ былъ подмоченный порохъ, который отъ воды такъ склеился, и былъ такъ твердъ, какъ

камень. Я откатилъ его отъ воды далѣе на берегъ, потомъ воротился къ обломкамъ, желая посмотрѣть не найду ли тамъ еще чего-нибудь нужнаго для меня; но, по причинѣ множества песку, которымъ они были наполнены, я не могъ ничего найти. Однако я намѣренъ былъ разобрать всѣ эти остатки по частямъ, предполагая, что все, что ни получу отъ этого, мнѣ пригодится со временемъ. На эту работу я долженъ былъ употребить нѣсколько дней, и во время этихъ занятій совершенно не думалъ о перемѣнѣ моего жилища.

На слѣдующій день я отправился опять на мель, захвативъ съ собою пилу и топоръ. Мнѣ удалось перепилить на части большую толстую балку. Потомъ принялся выгребать песокъ со стороны болѣе возвышенной, но наставшій приливъ заставилъ меня возвратиться на берегъ. Остальное время дня я занимался ужениемъ рыбы удочкою, сдѣланною мною самимъ. Она состояла изъ развитой веревки и изогнутаго гвоздя. Не смотря на несовершенство этой удочки, я наловилъ нѣсколько небольшихъ дофиновъ. Все приготовленіе этой рыбы въ пищу заключалось въ одномъ только сушеніи ея на солнцѣ.

На другой день, рано утромъ, я былъ уже на мели и расчищая песокъ, почувствовалъ подъ ногами нѣсколько боченковъ, но не могъ ихъ выкопать. Тутъ же нашелъ я большой свертокъ свинцу, но такой тяжелый, что у меня не достало силы поднять его. Взявъ съ собою только тесу и досокъ я перенесъ ихъ на берегъ; потомъ возвратился къ корабельнымъ отломкамъ, захвативъ съ собою два топора, посредствомъ которыхъ мнѣ удалось отколотъ нѣсколько кусковъ свинцу. Это я дѣлалъ такъ: приложивъ къ свинцу остріе одного топора, я колотилъ по обуху его обухомъ

другого топора до тѣхъ поръ, пока часть свинца не была перерублена.

15-е число Мая было послѣднимъ днемъ моихъ работъ надъ остатками корабля. Весь почти день я дѣйствовалъ жегѣвнымъ рычагомъ, стараясь достать боченки, и такъ сильно раскачалъ ихъ, что при первомъ приливѣ всплыло ихъ нѣсколько на воду и съ ними всплыли также два матроскіе сундака; но такъ какъ вѣтеръ тогда дулъ съ земли, то ничего не прибило къ берегу, кромѣ нѣсколькихъ кусковъ дерева и одной бочки съ бразильской соленой свининой, которая отъ воды и песку такъ испортилась, что совершенно не годилась въ пищу.

Всѣ вышесказанныя работы продолжались почти двѣ недѣли, и въ теченіе этого времени я запасся разными нужными для меня вещами, особливо же тесомъ, досками и свинцомъ.

Однажды, прогуливаясь по берегу морскому, я нашелъ черепаху, — это была первая, которую я встрѣтилъ на островѣ. Почти цѣлый день употребилъ я на приготовленіе ея. Внутри черепахи находилось до 60 яицъ. Мясо черепахи показалось мнѣ чрезмѣрно вкусно и деликатно, потому что я съ давняго времени ѣлъ только мясо птицъ и козъ, которое мнѣ очень пріѣлось и наскучило.

ГЛАВА IX.

Болезнь Робинзона. Страшный сонъ. Угрызенія совѣсти и раскаяніе Робинзона. Его размышленіе. Онъ лечится табакомъ. Конецъ болѣзни.

Въ половинѣ іюня мѣсяца, два или три дня стояла дождливая погода. Дождь, казалось мнѣ, былъ холодный, и я чувствовалъ ознобъ. Но такъ какъ чувствовать ознобъ въ жаркомъ климатѣ — вещь необыкновенная, то я приписалъ причину его моему болѣзненному состоянію, что и оправдалось впоследствии. Ночи проводилъ я почти безъ сна, во мнѣ было лихорадочное состояніе: то бросало меня въ жаръ, то въ ознобъ, и сильно болѣла у меня голова. Захворавъ, я страшно испугался, что со мной нѣтъ никого, кто бы могъ помочь мнѣ въ моемъ состояніи. Я молился Богу; но какъ молился? — почти не понимая, о чемъ я молюсь, потому что мысли мои мѣшались, говорить одно состояніе человѣка, живущаго внѣ общества, одинокаго! — думалъ я. Звѣрь родится, живетъ и умираетъ почти безъ всякой посторонней помощи; только одинъ человѣкъ, подверженный болѣзнямъ, съ пеленъ и до мѣгилы, безпрестанно нуждался въ чужомъ вспоможеніи. Недостойны наслаждаться жизнью тѣ люди, которые изъ бездѣлицъ заводятъ вражду съ своими ближними и не принимаютъ изъ

гордости услуги отъ тѣхъ, съ которыми они враждуютъ. Еслибы они находились когда-нибудь въ моемъ состояніи, то узнали бы, какъ долженъ быть дорогъ человѣкъ для человѣка.

Я захворалъ 16 іюля. Чрезъ три дня послѣ сего лихорадка такъ усилилась, что я пролежалъ въ постели весь день, безъ пищи и безъ питья. Меня томила жажда, и я былъ такъ слабъ, что не могъ встать съ постели и сходить за водой. Я опять молился, говоря: *Господи, обрати лице Твое ко мнѣ; Господи, помилуй меня.* Вотъ молитва, которую я произносилъ и которую не переставалъ повторять въ теченіе двухъ-трехъ часовъ до конца пароксизма. Потомъ уснулъ. Проснувшись ночью, я почувствовалъ, что мнѣ стало легче, только былъ слабъ и хотѣлъ пить. Воды не было ни капли. Нужно было оставаться въ постели и дожидаться утра. Я опять уснулъ и видѣлъ страшный сонъ, который я вамъ сейчасъ расскажу.

Мнѣ казалось, что я сижу на землѣ, за стѣной моего жилища, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ во время бури, слѣдовавшей за землетрясеніемъ. Я увидѣлъ, что какой-то человѣкъ спускался ко мнѣ изъ черной, густой тучи, окруженный вихрями огня и пламени. Съ головы до ногъ, онъ весь блисталъ подобно вечерней звѣздѣ и глаза мои помрачались отъ этого свѣта. Я не могу вамъ описать того ужаса, который былъ во мнѣ при взглядѣ на его грозную осанку. Когда онъ коснулся ногами земли, она поколебалась, точно также, какъ и въ прошедшемъ землетрясеніи, и засверкали со всѣхъ сторонъ молніи.

Сойдя на землю, онъ сталъ подходить ко мнѣ, вооруженный длиннымъ копьемъ и намѣревался убить меня. Оста-

новясь отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ произнесъ страшнымъ голосомъ слова, еще болѣе страшныя для меня: „*послѣ многихъ испытаній и внушеній свыше, ты не обратился на путь истинный: такъ умри же сейчасъ, нераскаянный грѣшникъ!*“ При этихъ словахъ онъ под-
нял свое страшное копьё, чтобы умертвить меня.

Это видѣніе страшно поразило меня. Не только во время самаго сна я былъ объятъ необыкновеннымъ ужасомъ, но и послѣ пробужденія моего этотъ ужасъ сохранялся во мнѣ во всей силѣ, не смотря на то, что уже былъ день и здравый смыслъ доказывалъ, что все это было не больше какъ сонъ.

Увы! — едва ли я имѣлъ какое-нибудь ¹⁰понятіе о Божествѣ. То, чему я научился въ домѣ моего отца, было забыто. Всѣ добрыя наставленія, данныя мнѣ прежде, изгладились отъ постоянно дурной, разгульной жизни, проведен-
ною мною въ теченіе восьми лѣтъ съ моряками, которые были безнравственны и безрелигіозны до высочайшей степени. Въ продолженіе этого времени мнѣ никогда не приходило на мысль обратиться къ Богу и удивляться Его премудрости, благости и милосердію, или погрузиться внутрь самаго себя и понять свою бѣдность и ничтожество. Я находился въ какомъ-то огрубѣніи, изъ моего сердца было изгнано стремленіе къ добру и отвращеніе отъ зла. Я сдѣлался безпеченъ, грубъ и испорченъ въ той же мѣрѣ, въ какой находилась большая часть матросовъ, бывшихъ товарищей моихъ; я слѣдовалъ только внушенію своихъ порочныхъ мыслей и природнымъ побужденіямъ.

Легко повѣрить тому, что мною было сказано сейчасъ, если принять въ соображеніе мои прежнія дѣла. — Во

время своихъ несчастій, которымъ я подвергался почти непрестанно, никогда я не подумалъ, что они посылались въ наказаніе мнѣ за мои преступленія, за неповиновеніе отцу и за худую жизнь, за отчаянную мою поѣздку на пустынные берега Африки. Я не обращалъ никакого вниманія на то, чѣмъ могло кончиться это путешествіе, и не просилъ Господа, чтобы Онъ направилъ меня на путь истинный и защитилъ отъ дикихъ звѣрей и людей, которыми я былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Я дѣйствовалъ тогда какъ безсловесное животное, по инстинкту.

Когда я былъ принятъ радушно добрымъ капитаномъ португальскаго корабля, у меня не было никакого чувства признательности. Послѣ, когда я претерпѣлъ кораблекрушеніе близъ тапершняго моего острова, когда ежеминутно былъ готовъ погибнуть въ волнахъ, совѣсть моя не тронулась, и я все это приписывалъ одному случаю, а не рукѣ Провидѣнія.

Правда, будучи выброшенъ на островъ и видя, что кромѣ меня никто не былъ спасенъ изъ моихъ товарищей, я чувствовалъ восхищеніе сердечное, какой-то восторгъ, похожій нѣсколько не истинную благодарность; но это чувство происходило отъ той радости, что я спасенъ и живъ. Радость моя нисколько не отличалась отъ радости, которую чувствуютъ обыкновенно матросы, достигшіе земли послѣ кораблекрушенія. Они посвящаютъ первыя минуты пьянству и спѣшатъ скорѣе забыть все прошедшее въ стаканахъ съ виномъ и тарелкахъ съ кушаньемъ.

Землетрясеніе, само по себѣ ужасное явленіе природы, прямо указывающее на невидимую силу, которая одна держитъ въ своихъ рукахъ бразды всей вселенной, мало повліяло на меня. Лишь только оно прошло, какъ мои душевныя

потрясенія, страхъ и всё впечатлѣнія во мнѣ исчезли, и я не думалъ уже болѣе о судѣ Божіемъ.

Но когда я сдѣлался боленъ и смерть представлялась глазамъ моимъ со всѣми ужасами ея, когда всѣ силы мои истощились отъ болѣзни, тогда совѣсть моя, усыпленная столь долгое время, пробудилась во мнѣ. Я упрекалъ себя въ прежней моей жизни, которая вооружила противъ меня божеское правосудіе. Милосердый Господи! велико мое несчастіе — сказалъ я. Если болѣзнь моя продолжится, то я долженъ умереть въ этой пустынѣ одинокой, безъ всякаго пособія и утѣшенія. Слезы текли изъ глазъ моихъ, и я впалъ въ глубокое и продолжительное молчаніе.

Въ этотъ промежутокъ времени мнѣ представлялись полезныя совѣты отца моего и вмѣстѣ съ этимъ слѣдующее предсказаніе его: *„сынъ мой, если ты, противъ воли моей, пойдешь странствовать, то Богъ не благословитъ тебя, и будешь послѣ юрько раскаяваться въ твоемъ поступкѣ.“* Вотъ теперь-то начинаютъ исполняться слова отца моего — сказалъ я самъ себѣ, и рука Божія наказуетъ меня. Здѣсь никого со мною нѣтъ, никто меня не слышитъ, никто не подастъ мнѣ ни утѣшенія, ни совѣтовъ, ни помощи. Боже милосердый, помоги мнѣ! ибо скорбь моя превышаетъ всѣ силы мои.

Можно положительно сказать, что въ этотъ день я въ первый разъ въ моей жизни молился съ такимъ усердіемъ и раскаяніемъ; но возвратимся къ разсказу.

Было двадцатое число іюня. Проснувшись утромъ, я почувствовалъ, что мнѣ стало легче, и всталъ съ постели. Предполагая, что лихорадка снова возвратится ко мнѣ черезъ день или два, я послѣшилъ приготовить себѣ кой-

что на случай возобновленія болѣзни. Прежде всего я наполнилъ большую четырехугольную бутылку водою и, прибавивъ туда нѣсколько рому, поставилъ ее на столъ около моей кровати. Потомъ, отрѣзавъ кусокъ козьяго мяса, жарилъ его на угольяхъ, и съѣлъ небольшую часть его; къ ужину же приготовилъ себѣ всмятку три яйца черенahi. Закусивъ немного, я пошелъ прогуляться, но былъ такъ слабъ, что съ трудомъ несъ ружье свое, безъ котораго никогда не выходилъ изъ дома. Поуставши довольно, я сѣлъ на землю, и сталъ разсматривать море, которое было тогда спокойное и гладкое, совсѣмъ безъ волнъ, точно зеркало. Миѣ приходили въ голову разныя мысли.

Что такое земля? — спрашивалъ я самъ себя. Что такое море, по которому я такъ много плавалъ? Что такое я самъ и что такое другія живыя существа — животныя, звѣри, птицы, рыбы? Откуда это произошло?

Положительно вѣрно то, что все сотворено какою-то невидимою, всемогущею силой. Она создала землю, море, воздухъ, небеса и все живущее надъ ними. Какаѣ же это силы?

Естественно, я пришелъ къ тому заключенію, что эта всемогущая сила — Богъ. Онъ сотворилъ все видимое мною. Если Богъ сотворилъ всѣ эти вещи, то Онъ и управляетъ ими, и ничего не происходитъ безъ воли Божіей, слѣдовательно, я нахожусь въ такомъ печальномъ положеніи на Его волѣ.

Для чего Господь такъ поступилъ со мною?

Что я сдѣлалъ такое, за что несу наказаніе?

Задавъ себѣ эти вопросы, я вдругъ почувствовалъ угрызненія совѣсти и какъ бы слышалъ ея голосъ, упрекавшій меня: несчастный! ты богохульствуешь, спрашивая, что ты

сдѣлалъ. Посмотри внимательно на твою прошедшую безпорядочную жизнь, и самъ узнаешь вину свою. Ты лучше бы спросилъ, чего ты не сдѣлалъ и зачѣмъ не погибъ въ такое продолжительное время. Напримѣръ, отчего ты не утонулъ во время бури, бывшей въ первомъ твоёмъ путешествіи? Отчего ты не погибъ въ схваткѣ съ корсаромъ изъ Сале? Почему онъ не догналъ тебя послѣ твоего побѣга, и что бы тогда съ тобою случилось? Почему ты не былъ съѣденъ дикими звѣрями на берегахъ Африки? Наконецъ отчего ты не погибъ вмѣстѣ съ твоими товарищами, а былъ выброшенъ волнами на берегъ этого острова? Послѣ всего этого смѣешь ли ты спрашивать: что я сдѣлалъ?

Смущенный этими доводами моей совѣсти, я всталъ съ земли задумчивый и съ грустнымъ раскаяніемъ побрелъ къ своему убѣжищу и перелѣзъ черезъ стѣну, какъ бы отправляясь спать; но я былъ сильно взволнованъ, и благотворный сонъ не приходилъ ко мнѣ. Я сѣлъ на свой стулъ и зажегъ ночникъ, потому что наступила ночь и сдѣлалось темно.

Во мнѣ начинались уже признаки приближающейся лихорадки; какъ вдругъ мнѣ пришло на умъ, что бразильцы не употребляютъ никакого лекарства кромѣ табаку. Табакъ имъ служить лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней, какія бы онѣ ни были. Я зналъ, что въ одномъ изъ сундуковъ моихъ былъ большой свертокъ этого растенія.

Вставъ со стула, я пошелъ къ сундуку и нашелъ тамъ табакъ. Я не зналъ, какъ употреблять его, и будетъ ли онъ полезенъ въ моей болѣзни или вреденъ. Прежде я взялъ небольшую часть табачнаго листа и, положивъ ее себѣ въ ротъ, жевалъ. Табакъ былъ зеленъ и крѣпокъ, и такъ какъ

я не привыкъ къ нему, то чувствовалъ сильное головокруженіе. Потомъ, я положилъ листь табаку въ ромъ, что-бы принять этотъ настой черезъ часъ или два, когда буду ложиться спать. Кромѣ этого я клалъ табакъ на горячіе уголья и дымъ его втягивалъ въ себя и ртомъ, и носомъ. Наконецъ, ложась спать, я выпилъ ромъ, въ которомъ былъ настоянъ табакъ. Настой этотъ былъ такъ крѣпокъ, что я едва могъ проглотить его. Этотъ приѣмъ одурманилъ мнѣ голову и я заснулъ такимъ глубокимъ сномъ, что, когда я проснулся, то было уже далеко за полдень.

По моемъ пробужденіи, я чувствовалъ себя лучше, бодрѣе, желудокъ мой поправился и аппетитъ возбудился, однимъ словомъ, я былъ почти совершенно здоровъ. Послѣ сего мнѣ день ото дня становилось все легче и легче.

30 числа іюня мѣсяца я отправился съ ружьемъ на охоту, но по слабости недалеко отходилъ отъ дома. Въ этотъ день я убилъ пару морскихъ птицъ, которыя были довольно похожи на дикихъ гусей, принесъ ихъ домой, но не имѣлъ охоты ихъ ѣсть, и удовольствовался нѣсколькими яйцами черенахи. Вечеромъ я прибѣгнулъ опять къ тому лекарству, т. е. къ настою рома съ табакомъ. На этотъ разъ приѣмъ былъ гораздо менѣе прежняго. Продолжая такимъ образомъ свое леченіе, я достигъ наконецъ, что 3-го іюля лихорадка меня оставила навсегда, поправился же я совершенно спустя нѣсколько недѣль.

ГЛАВА X.

Путешествіе Робинзона по острову для изслѣдованія его. Плодо-родіе острова. Робинзонъ находитъ разные плоды. Приготовленіе ихъ впрокъ. Робинзонъ строитъ себѣ второе жилище — дачу.

До половины іюля мѣсяца мои главнѣйшія занятія состояли въ прогулкѣ съ ружьемъ; но я не отходилъ далеко отъ дома, потому что все еще былъ нѣсколько слабъ. Эти частыя прогулки были мнѣ полезны въ томъ отношеніи, что во время ихъ я узналъ, что нѣтъ ничего хуже, какъ выходить на воздухъ во время дождливой погоды, особливо когда дождь сопровождался бурей или ураганомъ. Такъ какъ дождь, случившійся иногда въ сухую погоду, всегда сопровождался грозой, то я считалъ его гораздо опаснѣйшимъ дождя сентябрскаго или октябрскаго.

Было уже около десяти мѣсяцевъ, прожитыхъ мною въ печальномъ, уединенномъ мѣстѣ. Жилище мое было, по моему мнѣнію, довольно хорошо укрѣплено и въ пищѣ я также не имѣлъ большаго недостатка; но мнѣ хотѣлось узнать подробно мой островъ и найти на немъ какія-нибудь полезныя для меня произведенія. Для этого я вознамѣрился исходить весь островъ. Прежде всего пошелъ я къ тому небольшому заливу, къ которому приставалъ въ прежнее время

съ моимъ плотомъ: когда перевозилъ съ корабля разные запасы. Направляя путь отъ залива къ востоку, я прошелъ около двухъ миль и нашелъ мѣсто, на которомъ приливъ морской недалеко проходилъ на берегъ. Тамъ протекалъ ручеекъ, вода котораго была прѣсная, чистая и пріятная для питья. По обѣимъ сторонамъ ручья были прекрасные луга, покрытые свѣжею роскошною зеленью. На этихъ возвышенныхъ мѣстахъ, въ которые повидимому никогда не заливалась вода, росло нѣсколько зеленого табаку съ чрезмѣрно высокими стеблями. Тамъ было много и другихъ растений, но я не зналъ какъ они называются и на что пригодны.

Я болѣе всего искалъ кассавы, корень которой употребляется американцами вмѣсто хлѣба, но не могъ найти этого растенія. Алойныя деревья, сабуръ (трава) и дикій сахарный тростникъ росли въ большомъ количествѣ, но, не имѣя ухода за собой, были не такъ-то хороши. Мнѣ пришло на мысль, какимъ образомъ и для какой пользы употреблять найденныя мною растенія; но ничего не могъ придумать, потому что, признаюсь, — я, во время моего пребыванію въ Бразиліи, мало обращалъ вниманія на полевые растенія, почти не зналъ названій ихъ и свойствъ, а если и имѣлъ поверхностное понятіе о нѣкоторыхъ изъ нихъ, то оно не могло принести мнѣ пользы въ моемъ плачевномъ положеніи.

Въ другой разъ я пошелъ по той же дорогѣ, но гораздо далѣе, и замѣтилъ, что ручей и луга простирались не очень далеко, а за ними начинались мѣста лѣсистыя. Здѣсь нашелъ я много разныхъ плодовъ, особливо дынь, которыми была покрыта земля. Зеленыя виноградныя кисти и тамъ и сямъ висѣли на своихъ стебляхъ, обвившихся вокругъ

деревьевъ, и были совершенно зрѣлыя. Это открытіе столько же меня порадовало, сколько и удивило.

Я поѣлъ нѣсколько винограда, но съ большою умѣренностію, зная изъ опыта, что излишнее употребленіе его вредно. — Я самъ видѣлъ, находясь въ Варварійскихъ владѣніяхъ, какъ многіе изъ нашихъ невольниковъ померли оттого, что много ѣли винограда. Я впоследствии нашелъ средство избѣжать такой опасности отъ винограда: высушивалъ его на солнцѣ и сохранялъ такъ, какъ сохраняютъ его въ Европѣ, т. е. дѣлалъ изъ него изюмъ. Я былъ увѣренъ, что послѣ осени онъ послужитъ мнѣ пріятною и здоровою пищею, и эта увѣренность оправдалась на самомъ дѣлѣ. Хотя уже начинало смеркаться, но я не желалъ возвратиться въ мою пещеру и рѣшился въ первый разъ въ моей уединенной жизни ночевать не дома. Наступила ночь и я провѣлъ ее на деревѣ точно также, какъ и первую ночь по прибытіи моемъ на островъ. На слѣдующій день я продолжалъ свой путь и шелъ все прямо къ сѣверу, оставляя позади и въ правой сторонѣ длинный рядъ невысокихъ горъ и холмовъ.

На этомъ пути попалась мнѣ долина, по которой протекалъ ручей свѣжей воды. Вся эта мѣстность, покрытая зеленью и цвѣтами, походила на великолѣпный садъ, устроенный съ искусствомъ, какъ бы рукою человѣка. Спустившись нѣсколько внизъ по склону долины, я увидѣлъ большое количество лимонныхъ, померанцовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ; но они находились въ дикомъ состояніи. Эти густыя деревья обѣщали мнѣ мѣстную тѣнь, а впоследствии можетъ быть и пишу. Въ это же время года на нихъ было мало плодовъ. Зеленой листвою, сорванный мною, былъ не

только приятенъ на вкусъ, но и очень здоровъ. Впослѣдствіи я мѣшалъ лимонный сокъ съ водою, и этотъ напитокъ служилъ мнѣ для прохладженія во время жаровъ. Воопредши на высокій холмъ, я любовался этимъ прелестнымъ мѣстомъ и былъ въ большомъ восхищеніи, что я единственный обладатель и царь этого маленькаго земнаго рая.

Теперь мнѣ предстояло много работы; надобно было срывать плоды и переносить ихъ въ мое жилище; потому что мнѣ хотѣлось запастись виноградомъ и лимонами, которые послужатъ мнѣ въ пищу и питье въ дождливое время. Я положилъ сорванные мною плоды въ три небольшія кучи, двѣ изъ нихъ состояли изъ винограда, а одна изъ лимоновъ и апельсиновъ, перемѣшанныхъ вмѣстѣ. Взявъ изъ этихъ кучъ по нѣскольку плодовъ, я отправился домой, имѣя на мѣреніе взять оттуда мѣшокъ или чтонибудь другое для переноски остальныхъ плодовъ.

Наконецъ послѣ трехдневнаго путешествія я возвратился домой и принялся разбирать принесенные мною плоды; но, къ сожалѣнію моему, весь виноградъ, который былъ чрезмерно зрѣлый, измялся до такой степени, что его уже нельзя было сохранить никакимъ образомъ. Что же касается до лимоновъ, то они хотя и сохранились, но ихъ было очень мало.

На слѣдующій день, взявши съ собою два мѣшка, я отправился къ моимъ оставленнымъ плодамъ; но пришедши на мѣсто очень удивился тому, что весь виноградъ, сложенный мною вчера аккуратно, частію былъ съѣденъ, частію измятъ и разбросанъ. Эту порчу вѣроятно произвели какія-нибудь животныя, водившіяся въ этой мѣстности.

Опытъ доказалъ мнѣ, что виноградъ нельзя ни переносить домой, ни оставлять на землѣ, и я придумалъ третіе

средство: рвать виноградныя кисти и вѣшать ихъ на сучья деревъ, чтобы они высохли на солнцѣ, лимоны же и апельсины я положилъ въ мѣшки и перенесъ къ себѣ.

Видъ того очаровательнаго мѣста, которое я открылъ въ свое путешествіе по острову, не выходилъ ни на минуту изъ моего воображенія. Мнѣ хотѣлось тутъ устроить мое жилище, вмѣсто прежняго, которое находилось безъ всякаго сомнѣнія въ самой худшей мѣстности всего острова. Но дальность этой долины отъ берега, лѣса и горы, окружавшіе ее, не нравились мнѣ, потому что мѣшали видѣть море, на которомъ я все еще надѣялся увидать какой нибудь корабль, который возьметъ меня и отвезетъ въ мое отечество. Но однако и оставить это прекрасное мѣсто казалось мнѣ невозможнымъ: я такъ полюбилъ его, что провелъ на немъ почти всю послѣднюю половину іюля мѣсяца. Долго я думалъ, на что рѣшиться, и наконецъ избралъ средину между моими желаніями — рѣшился не перемѣнять прежняго моего жилища, а построить себѣ другое въ этой плодоносной долинкѣ, которое служило бы мнѣ вмѣсто дачи. Я поставилъ тутъ шалашъ изъ парусины и окружилъ небольшое пространство земли двойнымъ полисадникомъ, довольно высокимъ.

Для входа въ мое второе жилище и для выхода изъ него была сдѣлана точно такая же лѣстница, какъ и въ первомъ. Съ этого времени я считалъ себя владѣтелемъ двухъ домовъ: одинъ находился на берегу, чтобы слѣдить за кораблями, а другой въ прелестной долинкѣ, гдѣ я могъ заниматься разведеніемъ плодовъ. Работы по устройству моего загороднаго дома удерживали меня тамъ до 1-го августа.

Моя ограда была кончена въ началѣ августа, и я началъ пользоваться плодами моихъ трудовъ; въ 3-й день

того же мѣсяца я замѣтилъ, что виноградъ, развѣшенный мною по сучьямъ, совершенно готовъ къ употребленію. Много времени потребовалось мнѣ на отвязываніе его и на переноску въ мою пещеру, потому что его было болѣе двухъ сотъ кистей, но я успѣлъ окончить эту работу за день до наступленія дождей.

ГЛАВА XI.

Умноженіе семейства Робинзона. Распредѣленіе употребленія пищи.
Годовщина пребыванія Робинзона на островѣ. Постѣвы ржи и рису.
Времена года на островѣ.

Въ половинѣ августа мѣсяца наступила дождливая погода, которая принудила меня переселиться въ старое мое жилище и оставаться тамъ до половины октября. Эти дожди прекращались иногда на короткое время, но иногда бывали такъ сильны, что я не выходилъ изъ пещеры по нѣскольку дней сряду.

Въ продолженіи этой погоды меня довольно удивило одно обстоятельство, а именно неожиданное умноженія моего семейства. Нѣсколько времени тому назадъ я очень печалился, что у меня пропала одна изъ моихъ кошекъ. Я думалъ, что она гдѣ-нибудь околѣла; но вдругъ, къ моему великому удивленію, кошка явилась домой въ сопровожденіи трехъ маленькихъ котятъ. Такое плодородіе этихъ животныхъ грозило мнѣ въ будущемъ совершеннымъ разореніемъ.

Черезъ нѣсколько недѣль провизія у меня вся вышла, и я былъ принужденъ, не смотря на дождь, два раза выходить на охоту. Въ первый разъ я убилъ дикаго козла,

и во второй нашелъ большую черепаху. Я распредѣлялъ употребленіе пищи слѣдующимъ образомъ: вмѣсто завтрака съѣдалъ кисть сушеннаго винограда, въ полдень утолялъ свой голодъ кускомъ жаренаго козьяго мяса или черепахи (супу я себѣ не готовилъ за неимѣніемъ никакого горшка или другаго подобнаго сосуда), а за ужиномъ довольствовался двумя или тремя яйцами черепахи.

Сентября 30-го исполнился ровно годъ моему прибыванію на островъ. Я сосчиталъ зарубки на моемъ календарномъ столбѣ, и число ихъ было 365. Этотъ день былъ проведенъ мною благочестиво, въ постѣ и молитвѣ, до самаго заката солнечнаго; потомъ я съѣлъ одинъ сухарь и кисть сушеннаго винограда и, окончивъ этотъ день молитвою, какъ и началъ его, пошелъ спать.

Было сказано выше, что у меня сберегалось нѣсколько рису и ржи, которые выросли неожиданнымъ образомъ. Мнѣ казалось, что время въ концѣ дождливой погоды должно быть въ этомъ климатѣ самымъ лучшимъ для посѣва, а потому я вспахалъ небольшую часть земли деревянною лопатой, раздѣлилъ эту часть на двое, и на одной половинѣ ея посѣялъ сѣмена. Поле свое я раздѣлилъ на двѣ части потому, что посѣялъ только половину всѣхъ зеренъ изъ той предосторожности, что можетъ быть время, выбранное мною, окажется неблагоприятнымъ для посѣва. Это впоследствии оправдалось на самомъ дѣлѣ. Изъ всего не вышло ни одного зерна, которое достигло бы совершенной зрѣлости, потому что въ слѣдующіе мѣсяцы, составлявшіе сухое время, засѣянная земля не получила никакой влаги для произращенія зерна и не могло ничего произвести. Когда же настали дожди, то въ продолженіе ихъ хотя

и выросли колосья, но были чрезвычайно слабы и вскорѣ погибли.

Первый посѣвъ мой не удался и я впоследствии сдѣлалъ другой въ февралѣ мѣсяцѣ, незадолго до весенняго равноденствія. Этотъ посѣвъ былъ очень удаченъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, марта и апрѣля, возшло много прекрасныхъ колосьевъ, которые обѣщали хорошій урожай, хотя и не въ большомъ количествѣ, потому что я посѣялъ не всѣ зерна, оставшіяся у меня, но половину ихъ отложилъ для третьяго пробнаго посѣва. Опыты, которые я дѣлалъ, научили меня наконецъ какъ и когда именно должно было сѣять, и я узналъ, что въ этомъ климатѣ можно дѣлать два посѣва въ одинъ годъ и имѣть двѣ жатвы.

Отъ этихъ наблюденій мой календарь улучшался все болѣе и болѣе. Я теперь зналъ, что на моемъ островѣ можно было раздѣлить времена года не на весну, лѣто, осень и зиму, какъ это дѣлаютъ въ Европѣ, но на время дождливое и на время сухое, которыя идутъ одно за другимъ послѣдовательно, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Дождливое время — вторая половина февраля, мартъ и первая половина апрѣля мѣсяца.

Сухое время — вторая половина апрѣля, май, іюнь, іюль и первая половина августа.

Дождливое время — вторая половина августа, сентябрь и первая половина октября.

Сухое время — вторая половина октября, ноябрь, декабрь, январь и первая половина февраля.

Въ то время, какъ созрѣвали посѣянные мною рожь и рисъ, я сдѣлалъ очень полезное открытіе. По прошествіи дождей, я пошешъ однажды навѣстить мое лѣтнее жилище.

Пришедши туда, я къ удивленію своему увидѣлъ, что тынъ, обнесенный около этого жилища, весь покрытъ зелеными вѣтвями. Колья, изъ которыхъ онъ состоялъ, пустили отростки, а слѣдовательно дали и корни. Я не знаю названія этого дерева, но оно довольно похоже на нашу иву. Этими откритіемъ я воспользовался: нарубилъ еще болѣе колевъ и насадилъ ихъ кругомъ полисада, устроилъ такимъ образомъ двойную ограду. Они чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тоже пустили вѣтви и впослѣдствіи поднялись и стали цѣлыми деревьями. Точно такой же живой заборъ былъ сдѣланъ мною и въ старомъ моемъ жилищѣ.

ГЛАВА XII.

Какъ Робинзонъ дѣлалъ корзины и горшки. Второе путешѣствіе по острову. Онъ примѣчаетъ берегъ земли, находившейся въ 15 миляхъ отъ него. Онъ ловить попугая. Обратный путь Робинзона къ его жилищу. Маленькій козленокъ.

Можно сказать, что я почти ни одной минуты не проводилъ праздно, дома ли находясь во время дождей, или странствуя съ ружьемъ по острову въ сухую погоду. Да мнѣ и нельзя было иначе поступать, потому что я нуждался во многихъ самыхъ необходимыхъ для меня вещахъ. Чтобы сдѣлать ихъ или замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ, надо было работать и имѣть безпрестанное прилежаніе. Самая ничтожная вещь доставалась мнѣ съ большимъ трудомъ. Я вамъ приведу на это примѣры.

Однажды я вздумалъ сдѣлать себѣ корзинку. Надобно замѣтить вамъ, что въ этой работѣ я имѣлъ уже нѣсколько понятій съ дѣтства, когда жилъ недалеко отъ корзинщика, къ которому частенько хаживалъ и дѣлалъ ему разныя мелочныя услуги, какъ обыкновенно любятъ дѣлать всѣ почти дѣти. Я нарѣзалъ прутьевъ съ одного дерева, которое, казалось мнѣ, было годно для этого и, просушивъ нѣсколько эти прутья на солнцѣ, принялся за работу; но

они оказались такъ ломки, что изъ нихъ невозможно было сплести ничего. Нисколько не теряя терпѣнія, я продолжалъ плести изъ прутьевъ другихъ деревъ, но все не было толку, и работа моя пропадала даромъ, потому что не было надлежащаго матеріала. Послѣ пяти или шести неудачныхъ опытовъ, стоявшихъ мнѣ около двухъ недѣль времени, наконецъ я вспомнилъ о тѣхъ вѣтвяхъ, которыя выросли на кольяхъ забора моего лѣтняго дома. Я на слѣдующій же день, вставши пораньше, отправился на мою дачу. Тамъ я нарѣзалъ цѣлую ношу этихъ вѣтвей и къ вечеру возвратился съ ними домой. Въ слѣдующіе дни я просушилъ ихъ на солнцѣ, и они оказались годными къ употребленію. Изъ этихъ прутьевъ я надѣлалъ себѣ разнаго рода корзины, и большихъ и малыхъ, круглыхъ и четырехугольныхъ и овальныхъ.

Я видѣлъ большой недостатокъ въ посудѣ для жидкостей, потому что у меня было только два маленькіе боченка, занятые ромомъ, да нѣсколько стеклянныхъ бутылокъ съ водкою и другими напитками. Какъ мнѣ хотѣлось имѣть какую-нибудь кадочку для воды и какой-нибудь горшокъ, чтобы въ немъ можно было варить супъ или кашу. Долго время мнѣ казалось, что я никакъ не смогу сдѣлать эти два необходимые предмета; но въ послѣдствіи по нуждѣ, а болѣе по случаю, я добился кой-какъ, и сдѣлалъ горшокъ и кадочку, которые хотя не очень-то были красивы, но все-таки годились на службу.

Я занимался то устройствомъ втораго ряда моего палисада, то приготовленіемъ корзины. Лѣто приближалось къ концу, и я вздумалъ воспользоваться хорошею погодою и предпринять другое путешествіе по острову, именно на

другую сторону его. Взявши съ собою ружье, топоръ, одинъ мѣшокъ съ порохомъ и дробью, а другой съ съѣстными припасами, я отправился въ путь въ сопровожденіи моей собаки.

Прошедши долину, въ которой находился мой лѣтній палашиъ, я повернулъ отъ него вправо и чрезъ нѣсколько времени я увидѣлъ море. Вдали на немъ, миль на 15 отъ меня, виднѣлись берега какой-то земли. Не могу сказать, островъ ли это былъ или материкъ, только я замѣтилъ, что эта земля была очень возвышенна.

По моему соображенію и расчету, эта земля должна была находиться въ Америкѣ, въ сосѣдствѣ съ испанскими владѣніями. Я долго стоялъ неподвижно, въ какомъ-то тревожномъ состояніи и смотрѣлъ на эту землю, къ которой стремились всѣ мои желанія, потому что я воображалъ себѣ, что на ней находятся какія-нибудь европейскія колоніи, но если тамъ живутъ дикіе? подумалъ я. Если къ нимъ пріѣду, то совершенно попадусь во власть ихъ и мое положеніе будетъ несравненно хуже настоящаго. Нѣтъ, сказалъ я самъ себѣ, лучше останусь на своемъ островѣ и покорюсь Провидѣнію, которое все устраиваетъ къ лучшему.

Сверхъ всего этого, когда я разсмотрѣлъ дѣло внимательнѣе, то нашель свою ошибку. Если бы эта земля составляла часть испанскихъ завоеваній, то къ ней время отъ времени приходили бы корабли и отходили бы оттуда. Но во все пребываніе мое на островѣ я не видалъ ни одного корабля, проходившаго мимо меня по морю. Сообразившись болѣе съ здравымъ смысломъ, я убѣдился наконецъ, что это тотъ самый берегъ, который отдѣляетъ Новую Испанію отъ Бразиліи и населенъ самыми жесточайшими людоѣдами, по-

жирающими безошадно каждого, кто попадаетъ имъ въ руки.

Съ грустію отвернулся я отъ моря, чтобы не видать этой земли, и пошелъ далѣе. На этой сторонѣ островъ былъ богатъ живописными видами. Зеленые луга были испещрены разнообразными прекрасными цвѣтами. Деревья были высоки и густо покрыты листьями. Тамъ водилось много птицъ, особливо попугаевъ. Мнѣ очень хотѣлось поймать хоть одного изъ нихъ. Моему бѣганью за ними, стараньямъ и разнымъ хитростямъ не было конца; но попугаи были осторожны и не давались въ руки. Наконецъ мнѣ удалось подшибить палочкой одного изъ нихъ. — Онъ упалъ на землю, я поднялъ его и положилъ къ себѣ за пазуху. Впослѣдствіи, когда я отнесъ его домой, онъ совершенно поправился, и чрезъ нѣсколько времени научился говорить и называлъ меня по имени самымъ фамиліарнымъ манеромъ.

Это путешествіе доставило мнѣ много удовольствія и много свѣдѣній объ моемъ островѣ. Я замѣтилъ что въ низменныхъ мѣстахъ его водятся разныя животныя. Одни изъ нихъ были похожи на зайцевъ, а другія на лисицъ. Я убилъ пару этихъ животныхъ, но боялся ѣсть ихъ мясо, потому что не зналъ его свойства. Въ самомъ дѣлѣ, ѣсть это мясо было бы съ моей стороны довольно неблагоразумно, потому что пищи было у меня много и притомъ хорошей: козы, голуби, черепахи и изюмъ.

Въ продолженіе этого путешествія я спалъ или на деревѣ, или на землѣ, между двухъ деревъ. Въ послѣднемъ случаѣ я огораживалъ себя съ обоеихъ боковъ кольями, которые служили мнѣ защитой и могли мѣшать звѣрямъ напасть на меня прежде моего пробужденія.

Все, что не представлялось мнѣ на видѣ въ этой странѣ, болѣе и болѣе убѣждало меня, что на мою долю выпало мнѣ жилище въ самомъ плохомъ мѣстѣ острова. Тамъ мнѣ удалось въ полтора года поймать только три черепахи, а здѣсь онѣ попадались безпрестанно. Тутъ находилось множество птицъ, мясо которыхъ было очень вкусно, и я могъ настрѣлять ихъ, сколько душѣ угодно, если бы не жалѣлъ пороку. Козы тоже водились въ большомъ количествѣ; но ихъ трудно было убивать, потому что эта часть острова была ровная и гладкая, почти совершенно безъ горъ. Прощедши, по моему разсчету, около 12 миль къ востоку, я воткнулъ на берегу коль въ землю, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ слѣдующую сухую погоду сдѣлать опять путешествіе отъ своего жилища до этого кола, но по другой сторонѣ острова.

Обратный путь къ моему жилищу я принялъ по другой дорогѣ, а не по той, по которой шелъ изъ дому. Это я сдѣлалъ для того, чтобы еще болѣе ознакомиться съ островомъ; но вскорѣ раскаялся въ этомъ предпріятіи. Прощедши двѣ или три мили, я очутился въ обширной долинкѣ, окруженной холмами, до такой степени покрытыми густымъ лѣсомъ, что не было средствъ распознавать дорогу. Я обыкновенно направлялъ свой путь по солнцу, но и оно большую часть дня было скрыто, и чѣмъ далѣе я шелъ впередъ, тѣмъ воздухъ становился гуще и туманнѣе. При такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ я странствовалъ цѣлые три дня; наконецъ, опасаясь заблудиться, я пошелъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ вбилъ коль, чтобы отъ него возвратиться домой по прежней дорогѣ.

На возвратномъ пути моя собака, увидавъ маленькаго козленка, погналась за нимъ и догнала его. Я поспѣшилъ

къ нему на помощь и отнял его у собаки. Миѣ хотѣлось привести его домой. Я накинулъ ему на шею веревку и повелъ за собою, конечно, не безъ труда и хлопотъ. Доведя его до дому, я перенесъ его на рукахъ черезъ стѣну, далъ ему корму и питья и отгородилъ ему мѣстечко въ родѣ маленькаго хлѣва.

ГЛАВА XIII.

Робинзонъ дѣлаетъ клѣтку попугаю и дружится съ нимъ. Какъ Робинзонъ начинаетъ 3-й годъ своего пребыванія на островѣ. Какъ защищается онъ отъ воровъ — звѣрей и птицъ, нападающихъ на его хлѣбъ. Заботы Робинзона объ улучшеніи земледѣльческихъ орудій. Занятіе его во время дождливой погоды.

Я былъ чрезмѣрно радъ, возвратившись домой послѣ моего путешествія, которое продолжалось цѣлый мѣсяць. Усталый и измученный до нельзя, я легъ на мою жесткую постель, чтобы отдохнуть. Мое старое жилище казалось мнѣ великолѣпнѣйшими палатами, которыя ни въ чемъ не имѣли недостатка. Все, окружавшее меня, представлялось мнѣ въ самомъ очаровательномъ видѣ, и я рѣшился никогда не удаляться изъ дома на такое долгое время.

Чтобы отдохнуть и оправиться совершенно отъ моего путешествія, я не выходилъ изъ дома цѣлую недѣлю. Въ это время я сдѣлалъ клѣтку для моего попугая. Онъ сталъ помаленьку привыкать ко мнѣ, а чрезъ нѣсколько дней мы уже были съ нимъ въ короткомъ знакомствѣ. Мнѣ хотѣлось также приучить къ себѣ козленка. Я давалъ ему кормъ изъ своихъ рукъ и часто ласкалъ его. Онъ скоро подружился со мною и такъ полюбилъ меня, что всегда почти находился при мнѣ.

Настало дождливое время осенняго равноденствія. 30-го сентября исполнилось два года моему пребыванію на островѣ. Я провелъ этотъ день также торжественно какъ и въ прошедшемъ году, въ постѣ и молитвѣ и благодарилъ Господа, что Онъ по Его премудрости привелъ меня въ это пустынное мѣсто. Безъ сомнѣнія, если бы я находился въ обществѣ людей, то моя жизнь съ ними была бы гораздо хуже настоящей, не смотря ни на какое положеніе мое въ свѣтѣ. Третій годъ моего пребыванія здѣсь я началъ съ душевнымъ благочестіемъ, покоряясь волѣ провидѣнія и готовый переносить все и непрестанно трудиться. Вообще надо замѣтить, мнѣ рѣдко случалось быть празднымъ. Я раздѣлялъ время на столько частей, сколько дѣлъ предстояло мнѣ сдѣлать. На первомъ планѣ была молитва и чтеніе Библіи, которую я взялъ съ корабля; на второмъ — охота съ ружьемъ, продолжавшаяся часа три, если была хорошая погода; третье мѣсто занимало приготовленіе кушанья, сбереженіе его и заготовленіе впрокъ разныхъ провизій. На эти занятія требовалась большая часть дня. Когда же солнце достигало своего апогея, то жары дѣлались невыносимы и не было никакой возможности выходить изъ дома. Тогда я могъ заниматься работой только три или четыре часа по-полудни, а иногда случалось мнѣ замѣнять часы охоты часами трудовъ, такъ что я работалъ утромъ, а на охоту ходилъ вечеромъ.

Къ этой краткости времени для работъ присоедините трудность работъ и недостатокъ инструментовъ, а также мою неопытность и неловкость въ этихъ работахъ, то можете понять, какъ дорого доставалась мнѣ самая незначительная вещь. Напримѣръ, мнѣ нужно было употребить 42 дня и

цѣлое дерево, чтобы сдѣлать одинъ столъ, между тѣмъ какъ два хорошихъ работника съ инструментами могутъ сдѣлать 6 столовъ изъ одного дерева и въ одинъ день.

Насталъ ноябрь мѣсяцъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени жатвы посѣянной мною ржи и риса. Хотя обработана была небольшая часть земли и немного было посѣяно зеренъ и всходы хлѣба были великолѣпны и обѣщали богатый урожай, однако я замѣтилъ тутъ неблагопріятное для меня обстоятельство: мой хлѣбъ стали посѣщать воры — дикія козы и другіе звѣрки, похожіе на нашихъ зайцевъ. Оставалось одно только средство избавиться отъ нихъ — обнести поле заборомъ, что стоило мнѣ многихъ трудовъ и хлопотъ. Чтобы болѣе устрашить ворюшекъ, я стрѣлялъ въ нихъ изъ ружья днемъ, а ночью привязывалъ свою сабаку на длинную веревку къ столбу при входѣ въ загородку. Она бросалась съ лаемъ на хищниковъ, и туда и сюда, и отгоняла ихъ. Воры наконецъ оставили мое поле. Колосья стали наливаться и созрѣвать.

Лишь только избавился я отъ дикихъ звѣрей, поѣдавшихъ зеленые колосья, явились другіе хищники въ безчисленномъ множествѣ — птицы, которыя клевали созрѣвавшія зерна и грозили мнѣ совершеннымъ разореньемъ. Я отгонялъ ихъ ружейными выстрѣлами, отъ которыхъ опѣ, поднявшись изъ ржи цѣлыми стадами, улетали прочь, но потомъ, немного спустя, снова возвращались. Эти нападенія сильно беспокоили меня. Я застрѣлилъ четыре птицы и повѣсилъ ихъ на шести въ разныхъ мѣстахъ моего поля. Эта казнь сильно повліяла на хищниковъ. Съ этого времени они не только перестали поѣдать мой хлѣбъ, но даже и близко не подлетали къ полю.

Наконецъ хлѣбъ послѣлъ въ концѣ декабря. Въ этомъ климатѣ декабрь — самое благопріятное время для вторичной жатвы. Надо было жать колосья. Въсто сарна я употребилъ одну изъ сабель, взятыхъ мною съ корабля. Я срѣзалъ ею колосья и, положивъ ихъ въ корзину, отнесъ ихъ домой; солому же, какъ вещь совершенно мнѣ ненужную, оставилъ въ полѣ для унавоживанья земли. Просушивъ нѣсколько колосья, я выбралъ изъ нихъ зерна руками. Урожай былъ невеликъ, но превосходенъ сравнительно съ количествомъ посѣянныхъ зеренъ. Половина гарнца ржи и рису, посѣянныхъ мною, принесла мнѣ два съ половиной четверика. Эту рожь и рисъ я не употреблялъ въ пищу, а опредѣлилъ ихъ для слѣдующаго посѣва.

Теперь я могъ надѣяться, что не останусь на будущее время безъ хлѣба; но однако я былъ въ большомъ затрудненіи, не имѣя нужныхъ вещей, посредствомъ которыхъ могъ бы я изъ зеренъ сдѣлать муку, а изъ муки тѣсто и хлѣбъ. Я убѣжденъ былъ, что при значительномъ посѣвѣ я ничего не могу успѣть съ моими ничтожными земледѣльческими орудіями. Съ этого времени я постоянно былъ занятъ и исправленіемъ этихъ орудій, и придумывалъ разныя средства, чтобы молоть зерна и дѣлать изъ муки хлѣбъ.

Во-первыхъ, у меня не было ни сохи, чтобы вспахать землю, ни заступа для размельченія земляныхъ камней. Въсто сохи служила мнѣ лопата, сдѣланная изъ дерева, которое очень походило на бразильское дерево, называемое *жельзнымъ*, по его твердости и тяжести. На сдѣланіе этой лопаты я употребилъ 5 или 6 дней, потому что дерево было очень твердо и топоръ едва бралъ его. У меня не было также и бороны. За неимѣніемъ ея, я боронилъ

землю большимъ тяжелымъ сукомъ дерева, который я тащилъ за собою, проходя нѣсколько разъ взадъ и впередъ по засѣянному полю.

Сколько не доставало у меня разныхъ земледѣльческихъ и другихъ вещей, сколько предстояло труда и хлопотъ при обработкѣ поля и уборкѣ хлѣба! Поле нужно было обнести заборомъ, чтобы защитить хлѣбъ отъ дикихъ козъ и другихъ звѣрей, сжать колосья, просушить ихъ, перенести домой, вымолотить, провѣять и сложить въ закрома. Потомъ нужно устроить что-нибудь въ родѣ мельницы, чтобы смолоть хлѣбъ, сито для просѣянiя муки, и наконецъ надобно имѣть печку для испеченiя хлѣба, не говоря уже о дрожжахъ и объ соли.

Не смотря на всѣ эти путешествiя, я принялся за хлѣбопашество, надѣясь, что со временемъ сдѣлаю всѣ недостающiя мнѣ вещи или замѣню ихъ чѣмъ нибудь другимъ. Да и нельзя мнѣ было долго раздумывать, потому что наступило время посѣва. Теперь я выбралъ уже довольно большое пространство земли, что бы можно было посѣять на немъ большое количество зеренъ. Это поле находилось недалеко отъ моего жилища. Всю засѣянную землю окружилъ я заборомъ, сдѣланнымъ изъ колевъ того же дерева, о которомъ я уже говорилъ выше. Я зналъ, что эти колья скоро пустять вѣтви, а чрезъ годъ обратятся въ живой твердый заборъ. Надъ этой изгородью я трудился болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что большая часть этого времени была дождлива и позволяла мнѣ только изрѣдка выходить изъ дому.

Во все время, когда мнѣ нужно было оставаться дома по случаю дождливой погоды, я не былъ безъ занятiй.

Работая что-нибудь, я разговаривалъ съ моимъ попугаемъ и чрезъ нѣсколько времени научилъ его выговаривать слѣдующія слова: *я маленький Поль, милый попугай Робинзона*. Эти слова, произнесенныя чужимъ голосомъ, я услышалъ въ первый разъ во все время моего пребыванія на островѣ. Я не могу вамъ описать той радости и того удовольствія, которыя я чувствовалъ, слушая говоръ попугая. Поль былъ всегдашнимъ компаніономъ при моихъ работахъ. Разговаривая съ нимъ, я какъ бы отдыхалъ отъ трудовъ, а также и отъ мыслей, предметомъ которыхъ были для меня важныя вещи и самыя необходимыя, напр. дѣланіе посуды для жидкостей, устройство печи и т. п.; когда я обѣдалъ или ужиналъ, Поль садился на мое плечо или на жердочки, сдѣланныя нарочно для него близъ стола; соучастниками въ моемъ обѣдѣ были также двѣ кошки, которыя располагались напротивъ меня, а моя вѣрная собака рядомъ со мною, у ногъ моихъ.

Принимая въ расчетъ сильныя жары этого климата, я почти не сомнѣвался, что можно сдѣлать горшокъ, если только найду на островѣ удобную для этого глину. Его можно, думалъ я, высушить на солнцѣ до такой степени, что онъ будетъ годенъ къ употребленію. Я даже воображалъ себѣ, что смогу сдѣлать большія корчаги, въ которыя буду складывать мой хлѣбъ — рожь и рисъ.

ГЛАВА ХІУ.

Робинзонъ дѣлаетъ горшки, ступку, пестъ и сито. Супъ Робинзона. Какъ Робинзонъ устроилъ себѣ печь и какъ въ ней готовилъ себѣ хлѣбы и пироги. Жатва.

Однажды, прогуливаясь съ ружьемъ по острову, я нашелъ тучную землю, которая по моему мнѣнію, очень годилась на дѣланіе посуды для жидкостей. Положивъ достаточное количество этой земли въ мѣшокъ, я принесъ ее домой. Сдѣлавъ изъ глины тѣсто, я началъ изъ него лѣпить горшки, но оказалось, что труды мои пропали даромъ, по незнанію горшечнаго мастерства. Горшки мои разваливались, потому что глина не была достаточно тверда и не могла выдерживать собственной своей тяжести. Не смотря на эту неудачу, я продолжалъ съ терпѣніемъ дѣлать разные растворы изъ глины и работать изъ нихъ горшки, кружки и другіе разные предметы. Послѣ многихъ опытовъ мнѣ удалось наконецъ сдѣлать настоящій растворъ изъ глины и слѣпить изъ него двѣ большія корчаги, которыя, признаюсь были очень нескладны. Когда онѣ хорошо высохли и отвердѣли на солнцѣ, я осторожно поднялъ ихъ и поставилъ въ двѣ большія корзины, нарочно сдѣланныя для нихъ. Такъ какъ оставалось пустое пространство между

стѣнками корзины и корчагами, то я наполнилъ эти промежутки соломой отъ риса и ржи, надѣясь, что онѣ останутся навсегда сухими, и что въ нихъ могу я складывать рожь и рисъ, а впоследствии и муку. Послѣ сего я надѣлалъ изъ приготовленнаго раствора много разной посуды, горшковъ, мисокъ, кружекъ, тарелокъ и проч.; но всѣ эти сосуды не были годны для содержанія въ себѣ жидкостей и не могли противиться огню. Наконецъ одинъ случай указалъ мнѣ, какъ должно поступать при дѣланіи посуды изъ глины. Однажды, готовя себѣ кушанье, я замѣтилъ въ огнѣ кусокъ отъ одного разралившагося горшка моего издѣлія. Кусокъ этотъ былъ сильно расколенъ. Я вынулъ его изъ огня и, остудивши, сталъ разсматривать. Онъ былъ твердъ какъ камень и красенъ какъ черепица.

Мнѣ хотѣлось воспользоваться этимъ открытіемъ. Выкопавъ въ землѣ глубокую яму, я поставилъ туда три высушенныя большія кружки, и на нихъ три горшка. Потомъ засыпавъ это золою, я положилъ кругомъ ихъ дрова и большіе сучья и развелъ сильный огонь. Онъ охватилъ посуду съ боковъ и сверху, и чрезъ нѣсколько времени я увидѣлъ, что кружки и горшки расколились до красна и не разламывались.

Я продержалъ ихъ въ этой степени жара отъ 5 до 6 часовъ, до тѣхъ поръ, пока они были готовы. Жаръ умѣньшалъ я постепенно и провелъ въ этихъ занятіяхъ цѣлую ночь, боясь, чтобы огонь вдругъ не вспыхнулъ. Къ утру я имѣлъ уже совершенно готовыми три горшка и три большія кружки, хотя и не очень-то хорошіе, но годные къ употребленію. Я тотчасъ же принялся дѣлать опытъ: налилъ въ горшокъ воды, положилъ туда кусокъ козлинаго мяса и

сварилъ себѣ супъ. Онъ показался мнѣ великолѣпнѣйшимъ, хотя въ немъ не было ни соли, ни кореньевъ и никакой приправы. Съ другими сосудами я поступалъ также, и мало по малу научился узнавать степень необходимаго жара для обжиганія посуды и послѣ сего никогда не имѣлъ неудачи.

Послѣ сего я желалъ добыть какой-нибудь твердый камень, на которомъ бы я могъ толочь или раздавливать зерна пестомъ; объ устройствѣ же мельницы я и не мечталъ, потому что на это требовалось много искусства. Я нѣсколько дней искалъ такого камня, который бы былъ толстъ и имѣлъ бы порядочный діаметръ, что бы можно было его выдолбить и сдѣлать ступу; но на всемъ островѣ не было такого, кромѣ обломковъ скаль. Эти обломки, по неимѣнію инструментовъ, я не могъ обточить, ни выдолбить въ нихъ углубленій; да притомъ же они были не настолько тверды, чтобы могли выдержать учащенные удары песта и мнѣ пришлось бы имѣть муку смѣшанную съ пескомъ. Наконецъ я вздумалъ поискать въ лѣсу какой-нибудь чурбанъ довольно твердаго дерева, и дѣйствительно вскорѣ нашелъ его. Онъ былъ такъ великъ, что я съ большимъ трудомъ перенесъ его домой. Тамъ обдѣлалъ его снаружи топоромъ и долотомъ, а потомъ принялся дѣлать углубленіе на манеръ ступки. Для этого былъ употребленъ мною огонь — средство, которымъ пользуются дикіе для дѣланія своихъ лодокъ. На это потребовалось много времени и труда. Вмѣсто металлическаго пестика, я употребилъ толстую колотушку изъ вышесказаннаго желѣзнаго дерева. И ступу и пестъ, сдѣланные мною, я убралъ въ особенное мѣсто до вторичной жатвы хлѣба, послѣ которой я предполагалъ смолоть, или лучше сказать, истолочь зерна.

Послѣ этого мнѣ предстояло еще сработать какое-нибудь сито или рѣшето, чтобы просѣять муку и отдѣлать отъ нея отруби. Эта вещь была для меня довольно трудная, и я не зналъ, что тутъ дѣлать. Чтобы устроить сито, нужно было имѣть канву или какую-нибудь подобную ей матерію, а у меня этого не было. Такимъ образомъ я оставался недѣли три въ бездѣйствіи и безнадежности, наконецъ, вспомнилъ, что между одеждами нашихъ моряковъ, которыя были взяты мною съ корабля, находилось нѣсколько выбойчатыхъ галстуховъ. Я прибѣгнулъ къ нимъ и сдѣлалъ три небольшія сита, весьма годныя къ употребленію.

Послѣ сего дошло дѣло до хлѣбпеченія. Надобно было устроить печь. Долго я думалъ объ этомъ и наконецъ придумалъ средство. Я надѣлалъ нѣсколько глиняныхъ блюдъ, довольно большихъ, но съ малымъ углубленіемъ. Я прокалилъ ихъ на сильномъ огнѣ, какъ поступалъ съ прочею песудюю, и отложилъ ихъ въ особое мѣсто. Когда я хотѣлъ сажать хлѣбъ въ печь, то разводилъ большой огонь на своемъ очагѣ, который былъ ничто иное, какъ вырытая въ землѣ яма и выложенная камнями. Когда камни дѣлались отъ огня очень горячи, я сметалъ съ нихъ до чиста уголья и золу, клалъ на горячій подъ свое тѣсто, покрывалъ его однимъ изъ вышесказанныхъ блюдъ, а потомъ засыпалъ горячими угольями и золою, чтобы сосредоточить тамъ жаръ. Такимъ образомъ я приготавливалъ свой хлѣбъ, который по моему мнѣнію нисколько не уступалъ хлѣбамъ изъ самыхъ лучшихъ пекарей Европейскихъ. Не довольствуясь однимъ ржанымъ хлѣбомъ, я дѣлалъ изъ рису булки, готовилъ также изъ него кулебяки, начиненныя козымъ мясомъ или дичью; но онѣ выходили въ очень жалкомъ положеніи за неимѣніемъ разныхъ къ нимъ припасовъ.

Въ этихъ и тому подобныхъ изобрѣтеніяхъ и другихъ домашнихъ работахъ, я проводилъ почти весь третій годъ моего пребыванія на островѣ, удѣляя часть времени на воздѣлываніе земли и жатву. Рожь моя была сжата; я перенесъ ее въ мое жилище и сохранялъ въ большихъ корзинахъ. Когда же у меня было свободное время, я вынималъ изъ колосьевъ зерно руками, потому что у меня не было ни гумна, ни цѣпа. Урожай былъ такъ хорошъ, что я имѣлъ теперь до 20 четвериковъ ржи и почти столько же рису. Съ этого времени, имѣя хлѣбъ, я сталъ жить спокойнѣе. По моему расчету, сорока четвериковъ жри и рису было мнѣ слишкомъ достаточно для продовольствія на цѣлый годъ, а потому положилъ намѣреніе сѣять въ каждый посѣвъ такое же количество зеренъ, какое было посѣяно въ послѣдній разъ.

ГЛАВА ХУ.

Желаніе Робинзона ѣхать на землю, видѣнную имъ издали. Попытки его вынуть изъ песку шляпку. Построеніе бота. Невозможность спуска его въ море.

Наконецъ я исправилъ всё свои необходимыя надобности и запасся, сколько было возможности, разными припасами на будущее время. Кажется послѣ этого, чего бы желать еще болѣе? Нѣтъ — во мнѣ разгорѣлось непреодолимое желаніе — обстоятельнѣе узнать ту землю, которая лежала насупротивъ острова и которую я видѣлъ издали во время послѣдняго моего путешествія. Я воображалъ, что она составляетъ часть материка и что, достигнувъ до нея, я могу наконецъ освободиться отъ одинокой, грустной моей жизни. Нисколько не думалъ я о тѣхъ опасностяхъ, которымъ можетъ подвергнуть меня это предпріятіе. Я могъ попасть къ дикарямъ, которые болѣе жестоки, нежели тигры и львы Африканкіе. Я припоминалъ себѣ рассказы объ этихъ страшныхъ дикаряхъ, которые живутъ на берегахъ Караибскаго моря, и мнѣ часто приходило на мысль, что мой островъ недалеко отъ этой страны, если судить по широтѣ мѣста. Кажется и этого было бы достаточно, чтобы удержать меня

отъ моего предпріятія; но ничто не помогало, тому что намѣреніе плыть по морю и узнать подробнѣе эту землю совершенно овладѣло мною.

Прежде всего я отправился осмотрѣть ту шлюпку, которая послѣ нашего кораблекрушенія была далеко выброшена волнами на берегъ. Она была совершенно опрокинута и лежала на сухомъ мѣстѣ, на пескѣ, глубоко уткнувшись въ него. Если бы у меня былъ какой-нибудь помощникъ, то мы вдвоемъ могли бы какъ-нибудь вытащить ее, починить и отправиться къ берегамъ Бразиліи; но мнѣ одному не было никакихъ силъ не только перевернуть ее, но даже сдвинуть хоть сколько-нибудь съ мѣста.

Когда эта попытка не удалась, я придумалъ другую: нарубилъ въ лѣсу разнаго рода рычаговъ и сдѣлалъ катки, чтобы съ помощію ихъ достигнуть какого-нибудь успѣха. Нисколько не жалѣя своихъ трудовъ, я почти двѣ недѣли неутомимо работалъ рычагами, чтобы поднять шлюпку и освободить ее отъ песку; наконецъ, видя новозможность, я принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Чѣмъ болѣе было неудачъ, тѣмъ болѣе возрастало во мнѣ желаніе достигнуть до материка. Я перемѣнилъ свой планъ и задумалъ построить себѣ новый ботъ — выдолбить его изъ большаго дерева и на этомъ утломъ суднѣ пуститься въ море.

Задумавъ строить ботъ, я на другой же день пошелъ въ лѣсъ и выбралъ себѣ тамъ самое лучшее и высокое кедровое дерево, съ которымъ не могло сравниться ни одно изъ кедровъ ливанскихъ. Діаметръ этого дерева при корнѣ былъ болѣе пяти футовъ. Начиная отъ корня, на разстояніи 22 футовъ длины, онъ сохранялъ одинаковую величину—4 фута и нѣсколько дюймовъ, а потомъ постепенно умень-

шался до вѣтвей. Чтобы срубить его, я употребилъ цѣлые двадцать дней, двѣ недѣли очищаль его отъ сучьевъ и вѣтвей и не менѣе мѣсяца было нужно на то, чтобы дереву придать видъ подобный боту. Выдалбливалъ же я его почти цѣлую четверть года посредствомъ долота и молотка, но выжигать его не хотѣлъ.

Окончивъ свои работы, я чувствовалъ величайшую радость и удивлялся изяществу моего бота. Онъ былъ нѣчто въ родѣ большой лодки или прекрасной гондолы, сдѣланной изъ цѣльнаго дерева, чему подобнаго я никогда не видывалъ. Теперь оставалось одно только сдѣлать — спустить этотъ ботъ въ море, и если удастся это, предпринять путешествіе. Но тутъ былъ камень преткновенія. Хотя мой ботъ отстоялъ отъ берега не болѣе двадцати шаговъ, но всѣ мѣры, какія ни употреблялъ я, чтобы сдвинуть его въ море, были тщетны, потому что берегъ былъ очень гористъ и несравненно выше того мѣста, гдѣ находился ботъ. Я хотѣлъ скрыть землю и сдѣлать ее покатыю къ берегу; но что же мнѣ было въ томъ пользы, когда я бота даже сдвинуть не могъ. Не вырыть ли мнѣ каналъ, чтобы провести къ моему боту воду изъ моря? подумалъ я: но разсчитавъ хорошенько, я нашель, что на это потребовалось бы времени болѣе двухъ лѣтъ. И такъ, къ крайнему моему сожалѣнію, я принужденъ былъ покинуть мой ботъ на сухомъ пути, въ знакъ своей необдуманности и истребить желаніе путешествовать по морю.

Среди этого послѣдняго предпріятія я достигъ конца четвертаго года моего пребыванія на островѣ. — Эту годовщину я провелъ также какъ и прежнія годовщины, въ постѣ, молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ.

Я теперь велъ жизнь несравненно лучшую, нежели въ началѣ моего прибытія на островъ. Эта счастливая пере-
мѣна имѣла равномѣрное вліяніе на мою душу и тѣло. Часть
времени, когда садился отдыхать, я благодриль Провидѣніе
за его милости ко мнѣ, и дивился премудрости его, по кото-
рой все устроилось нужное для меня въ необитаемой пустынѣ.
Я болѣе обращалъ вниманіе на хорошую сторону моего
положенія, нежели на худую, болѣе на то, чѣмъ я наслаж-
дался, нежели на то, чего у меня недоставало. Все это
возбуждало во мнѣ живѣйшія чувства любви и признатель-
ности.

ГЛАВА XVI.

Шапка и одежда Робинзона, сдѣланныя изъ кожи. Постройка новаго бота. Неудачное путешествіе Робинзона вокругъ острова.

Оставивъ до времени мой ботъ въ покоѣ, пока придумаю какое-нибудь средство для спуска его въ море, я занялся хозяйственными дѣлами. Я прежде всего обратилъ вниманіе на кожи дикихъ звѣрей и козъ, убитыхъ мною. Ихъ было у меня большое количество. Всѣ онѣ были развѣшены на солнцѣ, и большая часть изъ нихъ такъ высохла и сдѣлались тверды, что никуда не годились. Что же касается до другихъ годныхъ къ употребленію, то я сначала сдѣлалъ изъ нихъ себѣ большую шапку, шерстью наружу, чтобы лучше защищаться отъ дождя, а потомъ сработалъ себѣ и цѣлое платье или, точнѣе выразиться, широкій камзолъ и панталоны. Они служили мнѣ защитой болѣе отъ жары, нежели отъ холода, дождь, какъ бы ни былъ силенъ не могъ промочить ихъ и тотчасъ же скатывался съ нихъ; сверхъ этихъ одеждъ, я сшилъ себѣ два длинные кафтана или сюртука, изъ матросскихъ бострокъ, взятыхъ мною съ корабля. Въмѣсто иголь употреблялъ я обостренныя спички

или рыбы кости, а нитки дѣлалъ иль расученныхъ веревокъ.

Кончивъ эту работу, я употребилъ много труда и времени на приготовленіе себѣ зонтика, сначала я устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ большаго безобразнаго зонтика, который однако могъ предохранять меня отъ дождя и солнца; но его нельзя было складывать, а носить можно было не иначе какъ на головѣ. Наконецъ послѣ многихъ попытокъ, мнѣ удалось сработать зонтикъ, который соответствовалъ нѣсколько моимъ желаніямъ. Я покрылъ его звѣриною кожей, шерстью наружу. Я съ нимъ былъ точно подъ навѣсомъ во время сильныхъ дождей, и ходилъ въ невыносимые жары точно также легко и пріятно, какъ и въ прохладную погоду. Когда мнѣ не было въ немъ нужды, то я складывалъ его и носилъ въ рукѣ.

Между тѣмъ я все-таки не могъ оставить своего прежняго намѣренія путешествовать по морю, и принялся строить новый ботъ, однако съ большею противъ прежняго осторожностію и предусмотрительностію. Я выбралъ уже небольшое дерево и скоро окончилъ свою работу. Потомъ, вырывъ каналъ глубиною въ 6 футовъ, а шириною въ 4, я легко спустилъ мой ботъ въ заливъ морской. Мнѣ хотѣлось на этомъ ботѣ объѣхать кругомъ моего острова. Подобныя путешествія я дѣлалъ сухимъ путемъ, какъ было выше сказано, и открытія, сдѣланныя мною на немъ, возбуждали во мнѣ непреодолимое желаніе видѣть и пречія части береговъ, которыхъ я не посѣщалъ.

Я только думалъ объ этомъ путешествіи; для поклажи пороха, провизіи и другихъ надобностей были устроены по обѣимъ сторонамъ бота ящики, а на днѣ его былъ сдѣланъ

узкій жолобъ, въ который я могъ класть свое ружье и закрывать его звѣриною кожей, чтобы не попалъ туда дождь или морская вода. Къ своему боту я придѣлалъ мачту и повѣсилъ парусъ, сдѣланный изъ тѣхъ парусовъ, которые я взялъ съ корабля, а на задней части его воткнулъ зонтикъ, чтобы имѣть тѣнь.

Чтобы испытать, надеженъ ли мой ботъ, я нѣсколько разъ плавалъ на немъ около береговъ моего острова, не удаляясь никогда на большое разстояніе отъ залива. Увѣрившись такимъ образомъ въ прочности моего бота, я рѣшился сдѣлать на немъ объѣздъ кругомъ острова. 6 сентября я отправился въ путь, взявъ съ собою ружье, двѣ дюжины маленькихъ ржаныхъ хлѣбовъ, которые были сдѣланы на манеръ пирожковъ, горшокъ сухаго рису, небольшую бутылку рому, половину жареной козы, пороху и дробу, чтобы стрѣлять дичь и наконецъ два толстые сюртука, которые могли служить мнѣ во время ночи одѣяломъ и постелью.

Это путешествіе причинило мнѣ много опасности и продолжалось гораздо дольше, чѣмъ я предполагалъ. Островъ самъ по себѣ не очень обширенъ, но съ восточной его стороны тянулась длинная цѣпь скалъ, уходящая въ море болѣе нежели на двѣ мили. Однѣ изъ скалъ возвышались надъ водою, а другія были скрыты и составляли опасныя подводныя камни, сверхъ того въ концѣ этой цѣпи скалъ находилась сухая песчаная мель, вдававшаяся въ море на полмили. Видя эти затрудненія и не желая подвергаться опасностямъ на такомъ плохомъ суднѣ, я присталъ къ берегу и поставилъ свой ботъ на якорь, который былъ не что иное, какъ осколокъ бревна.

Когда мой ботъ былъ въ безопасности, я взялъ съ собою ружье, сошелъ на берегъ, а потомъ отправился на небольшой холмъ, откуда мнѣ была видна вся цѣпь скаль, и я убѣдился, что мнѣ можно было продолжать путь.

Я замѣтилъ притомъ сильное морское теченіе, бывшее на восточной сторонѣ, на самомъ краю подводныхъ камней. Это обстоятельство грозило мнѣ большею опасностію и я рѣшился оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока уменьшится сильный вѣтеръ, дувшій противъ этого теченія.

Три дня и три ночи провелъ я на этомъ холмѣ. На четвертый день вѣтеръ стихъ и море стало спокойно. Я опять отправился въ путь; лишь только я подъѣхалъ къ краю подводныхъ камней, какъ замѣтилъ другое сильное морское теченіе, которое быстро меня увлекало въ открытое море. Вѣтру въ то время почти совсѣмъ не было, гребля была бесполезна и я почиталъ уже себя погибшимъ. Между тѣмъ мой ботъ все далѣе и далѣе уносило въ открытое море. Я проклиналъ глупое свое любопытство, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на островъ и съ упрекомъ говорилъ самъ себѣ: „зачѣмъ оставилъ я мое тихое, благополучное жилище, зачѣмъ я былъ столько неблагодаренъ къ нему? Если бы еще одинъ разъ возвратился туда, то никогда бы его не оставилъ!“ Спасеніе мое казалось мнѣ невозможнымъ, потому что ботъ былъ отнесенъ далеко въ море и я самъ пришелъ въ изнеможеніе отъ страха и гребли. Но вотъ подулъ небольшой вѣтеръ и я ободрился. Спустя четверть часа послѣ сего, поднялся довольно сильный вѣтеръ. Ни сколько не медля, я поправилъ свою мачту, натянулъ парусъ и всѣми силами старался выдти изъ морскаго теченія. Наконецъ съ помощію вѣтра мнѣ удалось это сдѣлать и я

попалъ въ противоположное прежнему теченіе, которое при-несло меня прямо къ острову.

Вступивъ на землю, я палъ на колѣни и благодарилъ Бога за мое спасеніе. Послѣ сего я подкрѣпилъ свои силы пищею, привязалъ ботъ веревкою къ дереву и усталый легъ на землю и заснулъ глубокимъ сномъ.

Пробудившись, я сталъ думать, что мнѣ теперь дѣлать? Вчерашняя опасность такъ напугала меня, что я не рѣшался ни ѣхать на ботѣ обратно назадъ, ни продолжать на немъ путь далѣе: а потому и положился ботъ оставить тутъ, а самому возвратиться домой сухимъ путемъ. И такъ, оставивъ весь мой запасъ, кромѣ ружья и зонтика, въ ботѣ, который я ввелъ въ безопасный заливъ, отправился домой и къ ве-черу пришелъ къ своему загородному дому. Все тамъ было въ томъ же положеніи какъ и прежде.

Я перелѣзъ черезъ заборъ и легъ подъ тѣнь, потому что чувствовалъ необыкновенную усталость. Лишь только я задремалъ, вдругъ слышу голосъ! „Робинзонъ! Робинзонъ! бѣдный Робинзонъ Крузо! гдѣ ты былъ? Робинзонъ Крузо, гдѣ ты?“ Я сначала думалъ, что это мнѣ послышалось во снѣ; но голосъ продолжалъ: „Робинзонъ! Робинзонъ!“ Я всталъ и, осматриваясь кругомъ, увидѣлъ моего попуга, сидѣвшаго на заборѣ. Онъ подлетѣлъ ко мнѣ и сѣлъ на мое плечо; потомъ, приложивъ свой носъ къ моему лицу, говорилъ: бѣдный Робинзонъ Крузо! гдѣ ты теперь? гдѣ ты былъ? какъ попалъ сюда? и т. п.

Наконецъ я вмѣстѣ съ моимъ попугаемъ возвратился изъ загороднаго моего дома въ старое жилище съ величайшею радостію и поклялся, что никогда не оставлю его.

ГЛАВА ХІІ.

Хозяйственныя занятія Робинзона — скотоводство его. Онъ приготовляетъ изъ козьяго молока сыръ, творогъ и масло. Богатство Робинзона. Костюмъ его.

Послѣ неудачнаго путешествія вокругъ острова я цѣлый годъ провелъ безъ всякихъ приключеній? Въ это время я усовершенствовался въ разныхъ ремеслахъ. Я сдѣлался превосходнымъ горшечникомъ и придумалъ деревянное колесо, посредствомъ котораго было удобнѣе работать и давать своимъ издѣліямъ разнообразныя формы. При томъ я оказалъ большіе успѣхи въ дѣланіи корзинокъ. Въ нихъ было очень удобно носить разную поклажу. Напримѣръ, если случалось мнѣ убить козу, то я вѣшалъ ее на дерево, сдиралъ съ нея кожу, разрѣзывалъ мясо на части и, выбравъ что нужно, относилъ въ корзину домой. Точно также поступалъ я и съ черепахой. Опрокидывалъ ее на спину, бралъ ея яйца и нѣсколько кусковъ мяса, клалъ это въ корзинку, а прочее оставлялъ.

При изобиліи разныхъ потребныхъ для меня вещей, я имѣлъ въ порохѣ такой недостатокъ, что долженъ былъ оставить звѣриную охоту. Что же было мнѣ дѣлать? Надоб-

но было придумать средства ловить козъ и другихъ живыхъ, приучать ихъ къ себѣ и дѣлать ихъ домашними. Такимъ образомъ изъ странствующаго по горамъ и лѣсамъ охотника я долженъ былъ сдѣлаться мирнымъ пастухомъ.

Сначала ставилъ я силки, надѣясь поймать такую козу которая уже понесла; но въ этой надеждѣ обманулся: каждыя разъ находилъ, что старыя гнилыя веревки мои были разоуваны, а примана съѣдена. Потомъ выкапывалъ ямы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно водились козы; надъ ямами насыпалъ хворосту, закрывалъ его свѣжею зеленью, сверхъ которой насыпалъ рису и ржаныхъ колосьевъ. Долгое время не удавалось мнѣ поймать ни одной козы; но я не терялъ терпѣнія и устраивалъ на разные манеры мои ямы — и вотъ, наконецъ, въ одно утро попался въ одну яму большой старый козель, а въ другой я нашелъ трехъ молодыхъ — одного козленка и двѣ козочки. Старый козель былъ такъ дикъ, что я не посмѣлъ влѣзть къ нему въ яму, и кой-какъ далъ ему средство выпрыгнуть изъ нея. Признаюсь, я никогда не видывалъ ни одного животного, которое убѣгало бы съ такимъ ужасомъ, съ какимъ побѣжалъ отъ меня козель. Что же касается до молодыхъ, то я, привязавши ихъ на одну веревку, отвелъ домой.

Прежде всего я выбралъ для нихъ мѣсто, гдѣ было много травы, воды и тѣни, и огородилъ его частымъ тыномъ. Во время этой работы мои козы, привязанныя на длинной веревкѣ ходили вокругъ меня и играли на травѣ. Я давалъ имъ рису и хлѣба и онѣ ѣли изъ моихъ рукъ. Черезъ нѣсколько времени онѣ такъ привыкли ко мнѣ, что вездѣ за мной бѣгали и не хотѣли отставать отъ меня.

Въ теченіе полутора года стадо мое состояло изъ 12 штукъ, а чрезъ 2 года потомъ, оно увеличилось до 43, не смотря на то, что я нѣкоторыхъ изъ нихъ убивалъ и употреблялъ въ пищу. Долгое время я пользовался козьимъ мясомъ, а мнѣ и въ голову не приходило употреблять козье молоко. Я началъ учиться доить козъ. Сначала дѣло шло довольно трудно по моей неопытности, а потомъ я мало по малу научился ему. Съ этого времени козье молоко сдѣлалось почти преимущественною моею пищею. По прошествіи нѣкотораго времени я научился дѣлать изъ молока творогъ, масло и сыръ.

Теперь, можно сказать, я наслаждался совершеннымъ довольствомъ и спокойствіемъ. Да и чего мнѣ не доставало? Я былъ, такъ сказать, правитель всего острова, имѣлъ у себя богатое стадо; столъ мой всегда былъ достаточный, и сверхъ всего этого были у меня компаніоны: мой поугай, который всегда сидѣлъ у меня на плечахъ во время стола, моя вѣрная собака и двѣ кошки — потомки тѣхъ двухъ кошекъ, которыхъ я взялъ съ корабля и которыя ужь померли, доставать съѣстные припасы мнѣ стоило небольшого труда. Если сравнить настоящее мое положеніе съ прежнимъ, то окажется, что я жилъ уже теперь въ роскоши, нѣгѣ, спокойствіи и изобиліи.

Избыточествуя во всемъ и не опасаясь недостатковъ, я сталъ думать объ украшеніи своей одежды. Шапку мою, сшитую кой-какъ, я передѣлалъ въ продолговатую съ острымъ концомъ. Камзолъ свой, сдѣланный также, какъ и вся моя одежда изъ козьей кожи, я перешилъ снова и сдѣлалъ его подлиннѣе. Послѣ сего сшилъ себѣ пару полусапоговъ, которые были съ боковъ открыты и связывались тонкими ремнями.

Если я куда-нибудь отправлялся въ дальній путь, то костюмъ мой былъ слѣдующій. Я опоясывался кушакомъ, на одной сторонѣ котораго былъ заткнутъ топоръ, а на другой — пила; чрезъ плечо подъ лѣвою рукою висѣлъ на ремнѣ двойной мѣшокъ съ порохомъ и дробью, на спинѣ былъ коробъ съ съѣстными припасами и разными другими вещами; на плечѣ висѣло ружье, а голова въ большой махнатой шапкѣ прикрыта была зонтикомъ отъ дождей и жары.

Однажды, будучи на охотѣ, я пришелъ къ тому заливу, гдѣ находился ботъ. При видѣ его, во мнѣ опять явилось желаніе перенести его ближе къ моему жилищу. Я взомель на высокій камень, чтобы посмотрѣть на теченіе морское; но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что море спокойно и никакого нѣтъ теченія морскаго. Я долго думалъ, отчего могло произойти такое неожиданное явленіе и наконецъ узналъ причину, что оно происходитъ отъ прилива и отлива и отъ направленія вѣтра: слѣдовательно, при известномъ вѣтрѣ и въ известное время плаваніе въ этомъ мѣстѣ должно быть безопасно. Я могъ бы и теперь перевести мой ботъ, но воспоминаніе прошедшей опасности такъ сильно на меня подѣйствовало, что я никакъ не рѣшился на такое предпріятіе, а рассудилъ, что лучше будетъ построить другой ботъ вблизи своего жилища.

ГЛАВА ХУІІІ.

Робинзонъ замѣчаетъ на берегу слѣдъ человѣческой ноги. Стихъ Робинзона. Его догадка и предположеніе объ этомъ слѣдѣ. Ожесточеніе Робинзона противъ дикихъ и готовность мстить имъ.

Въ теченіе довольно долгаго времени жизнь моя текла тихо и мирно, безъ всякихъ непріятныхъ приключеній; но вдругъ одно обстоятельство сильно потревожило спокойствіе души моей. Однажды я пошелъ къ своему боту. Пришедши на берегъ, я замѣтилъ на пескѣ какіе-то слѣды. Разсмотрѣвъ внимательно, я убѣдился, что это были слѣды ноги человѣческой. Я остановился въ изумленіи, какъ бы пораженный громомъ или испуганный страшнымъ видѣніемъ. Я оглядывался кругомъ, однако ничего не видалъ, ничего не слышалъ; взошелъ на небольшой холмъ, чтобы разсмотрѣть, нѣтъ ли чего вдали, потомъ возвратился назадъ, думая, что все это ни что иное, какъ игра воображенія; но на пескѣ ясно отпечатлѣлась цѣлая нога съ пальцами и пяткою. Испуганный этимъ, я быстро побѣжалъ домой, непрестанно оглядываясь назадъ. Мнѣ казалось, что толпа дикихъ гонится за мною; каждое деревцо, каждый кустикъ представлялся мнѣ человѣкомъ.

Совершенно не помню, какъ я очутился дома: прелѣзъ ли я черезъ заборъ или прошелъ чрезъ отверстіе, сдѣланное въ скалѣ и которое я называлъ дверью? Страхъ отнялъ у меня память. Я думаю ни одинъ заяцъ, ни одна лисица не пряталась съ такимъ ужасомъ отъ гончихъ собакъ, съ какимъ я прятался въ свою крѣпость, такъ называлъ я мое жилище. Всю ночь я не могъ уснуть и думалъ, какимъ образомъ человекъ появился на моемъ островѣ, когда на берегу не было никакой лодки. Я даже предполагалъ, что это не человекъ, а какой нибудь злой духъ; но потомъ, сообразя съ здравымъ смысломъ, заключилъ: что это, вѣроятно, дикіе съ твердой земли были на моемъ островѣ, занесенные сюда вѣтромъ или морскимъ теченіемъ. Но и эти мысли не могли успокоить меня. Долговременное уединеніе дѣлаетъ всегда человека робкимъ, боязливымъ и легкомысленнымъ: я воображалъ, или лучше сказать, придумывалъ разныя бѣдствія, которыя могутъ мнѣ сдѣлать дикіе люди

Цѣлые три дня я не выходилъ изъ своего жилища, наконецъ, почувствоваши сильный голодъ, я осмѣлился выдти. Козы мои въ эти три дня были не доены и у большей части изъ нихъ сосцы иссохли, растрескались, а у нѣкоторыхъ совѣмъ испортились. Страхъ кромѣ вреда мнѣ ничего не принесъ, и все-таки я не могъ совершенно освободиться отъ него. Слѣды ноги человѣческой не выходили изъ моего воображенія и сильно беспокоили меня. Мнѣ пришло даже на мысль, что можетъ быть эти слѣды отъ собственной моей ноги; можетъ быть я былъ въ этомъ мѣстѣ давно и ходилъ босикомъ, но забылъ это. Такими мыслями я успокоилъ нѣсколько себя и на другой же день отправился повѣрить справедливость моихъ предложеній. Пришедши на мѣсто,

я, къ несчастію моему, ясно увидѣлъ, что слѣды на нескѣ были гораздо болѣе моей ноги. Я затрепеталъ, лихорадочная дрожь прошла по всему моему тѣлу. Я теперь убѣдился въ томъ, что или дикіе по временамъ пріѣзжаютъ на этотъ островъ, или что онъ и въ настоящее время обитаемъ. Должно разорить все построенное мною, думалъ я, мой загражденный домъ, мои два бота, уничтожить взшедшій хлѣбъ и распустить козъ, чтобы отнять малѣйшій поводъ къ догадкѣ, что на этомъ островѣ живетъ человѣкъ.

Возвратясь домой и успокоившись мыслями, я измѣнился на другое — укрѣпить какъ только возможно лучше мое старое жилище, и, въ случаѣ надобности, защищаться въ немъ. Я приступилъ немедленно къ работѣ. Прежде всего принялся я дѣлать валъ и копать ровъ кругомъ моего жилища. Потомъ я сдѣлалъ еще палисадъ изъ кольевъ рядомъ съ прежнимъ, завалилъ землею и камнями промежутокъ между ними. Позади небольшихъ отверстій, шириною въ руку, отложилъ пять заряженныхъ ружей, взятыхъ мною съ корабля. Это составляло мою артиллерію. Въ случаѣ опасности я могъ выстрѣлить вдругъ изъ всѣхъ пяти ружей и привести въ смятеніе непріятеля. Необходимость и страхъ, которые понуждали меня къ этой работѣ, придавали рукамъ моимъ двойную силу. Кромѣ сего, я въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моихъ укрѣпленій насадилъ великое множество тѣхъ кольевъ, которые сами собой укореняются и даютъ вѣтви. Черезъ два года послѣ сего изъ этихъ кольевъ образовалась довольно густая роща, а черезъ шесть лѣтъ мое жилище было окружено густымъ, совершенно непроходимымъ лѣсомъ, чрезъ который и самъ я съ трудомъ пробирался по извѣстнымъ мнѣ тропинкамъ. Никто не могъ и вообразить себѣ, что тутъ обитаетъ человѣкъ.

Во время этихъ влнятій я не терялъ изъ виду и другихъ дѣлъ. Особливо я заботился о моемъ стадѣ, которое приносило мнѣ великую пользу и въ настоящее время должно было приносить ее и въ будущее. Если огородить моихъ козъ валомъ, то это ни къ чему не поведетъ, потому что онѣ не могутъ защищаться сами. Я почелъ за лучшее — отдѣлить 15 козъ отъ стада и перевести въ особенное, безопасное и скрытое мѣсто, которое я вскорѣ нашелъ и обнесъ его тыномъ. Черезъ нѣсколько времени я нашелъ другое мѣсто гораздо удобнѣйшее этого, именно въ той долинѣ, въ которой во время моихъ путешествій по острову я чуть-чуть не заблудился. Это было ровное мѣсто среди самаго густаго лѣса и образовало родъ парка, устроеннаго самой природой. Тутъ помѣстилъ я еще 12 козъ; такъ же стадо мое раздѣлилъ на три части или табуна. Вотъ сколько заботъ, усиленнаго труда, непрестаннаго страха и тревоги надѣлалъ мнѣ въ теченіе двухъ лѣтъ одинъ только слѣдъ человѣческой ноги!

Я обыкновенно каждый день ходилъ изъ одного табуна въ другой, осматривалъ, въ какомъ состояніи находятся мои козы и доилъ ихъ. Однажды, возвращаясь изъ табуновъ домой, мнѣ вздумалось отправиться на восточный край острова. Я взошелъ на довольно высокій холмъ и замѣтилъ вдали, на море, движеніе и нѣчто похожее на лодку. У меня дома было нѣсколько зрительныхъ трубокъ, взятыхъ мною съ корабля, но, по несчастію, я не захватилъ съ собою ни одной, и потому не могъ узнать, лодка ли это или что другое двигалось по водѣ. Съ этого времени я положилъ себѣ за правило: никогда не выходить изъ дому безъ зрительной трубки.

Сопедши съ холма, я увидѣлъ, что нахожусь въ такой части острова, въ которой никогда не бывалъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, я остановился въ ужасѣ: предо мною разсыяны были человѣческія черепа, кости ногъ, рукъ

и другихъ частей тѣла. На срединѣ тлѣлъ подъ пепломъ огонь, вокругъ котораго подѣланы были изъ земли скамейки. Предъ моими глазами было ясное доказательство того, что дикіе сосѣднихъ острововъ или земель посѣщаютъ этотъ островъ,

привезли сюда своихъ военноплѣнныхъ умерщвлять и жечь. Огонь подъ пепломъ еще тлѣлся, слѣдовательно были здѣсь недавно и, окончивши свое варварское пиство, уѣхали на той самой лодкѣ, которую я сейчасъ видали на морѣ.

Я со страхомъ и грустію удалился отъ этого мѣста: сердце мое сокрушалось, слезы лились изъ глазъ моихъ, поднимая руки къ небу, благодарилъ Бога за то, что дился въ части свѣта, отдаленной отъ этого варварскаго рода. Это безчеловѣчное дѣло такъ сильно меня раздражило, что я горѣлъ сильнымъ желаніемъ во что бы то ни стало отмстить извергамъ челоуѣчества, которые равнодушно убивали слабыхъ и безоружныхъ своихъ плѣнныхъ и пожирали ихъ. Мой островъ осквернился такими безчеловѣчными пиршествами! Я хотѣлъ подстеречь дикихъ, и во время сама пиршества стрѣлять въ нихъ: то придумывалъ сдѣлать подкопъ подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они собирались, взорвать ихъ вмѣстѣ съ землею на воздухъ; то, наконецъ намѣревался напасть на нихъ внезапно съ саблей въ руку и изрубить ихъ. Мое озлобленіе къ дикимъ такъ было велико, что я часто прихаживалъ на тотъ берегъ и искалъ случая съ ними встрѣтиться. Мнѣ удалось найти недалеко отъ берега такое уединенное мѣсто, гдѣ я удобно могъ скрываться въ большомъ дуплистомъ деревѣ и стрѣлять въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ, не будучи замѣченъ моими врагами. Когда я отправлялся въ эту засаду, то бралъ съ собою всю свою артиллерію, ружья и пистолеты, заряженные пулями или нарубленными кусками желѣза.

ГЛАВА XIX.

Человѣколюбивыя мысли Робинзона о дикихъ. Предосторожности его. Онъ находитъ пещеру. Старый большой дикій козель, напугавшій Робинзона. Перенесеніе разнаго имущества въ гротъ. Развлеченія Робинзоновы.

Прошло очень много времени, много разъ ходилъ я караулить дикихъ; но они не показывались. Успокоившись нѣсколько, я перемѣнилъ мысли свои, и сталъ мало-по-малу разсуждать о нихъ гораздо благосклоннѣе. Какое имѣю право, говорилъ я самъ себѣ, убивать тѣхъ людей, которые сами не виноваты въ томъ, что такъ дики и безчеловѣчны? Есть люди, враговъ своихъ, почитается между ними дѣломъ справедливымъ, и они убѣждены въ этомъ съ малолѣтства. У нихъ такой обычай, такіе законы. Могу ли я принудить ихъ, чтобы они перемѣнили свои нравы и обычаи и свои убѣжденія? Сверхъ того, можетъ легко случиться, что хоть одинъ изъ нихъ спасется и потомъ приведетъ съ собою множество своихъ соотечественниковъ — тогда погибель моя вѣрна.

И такъ, справедливость и благоразуміе требовали, чтобы я не поднималъ оружія противъ дикихъ до тѣхъ поръ, пока не буду принужденъ къ этому необходимостію для защиты

своей жизни. Я сталъ попрежнему вести жизнь уединенную, стараясь, сколько было возможно, скрываться и не показывать никакого признака, что нахожусь на этомъ островѣ. Я не стрѣлялъ уже болѣе изъ ружья, не вколачивалъ гвоздей молоткомъ, ничего не рубилъ топоромъ, боясь произвести шумъ и не разводилъ огня на такомъ мѣстѣ, гдѣ его издали замѣтить было можно. Когда я выходилъ изъ дому къ табунамъ своимъ или по какому другому дѣлу, то всегда бралъ съ собою ружье и два пистолета, которые затыкалъ за поясъ, а на боку привѣшивалъ остро-отточенную саблю безъ ноженъ. Я каждую минуту готовъ былъ къ оборонѣ.

Вскорѣ, къ моему счастью и успокоенію, я открылъ недалеко отъ моего жилища довольно обширную пещеру, входъ въ которую былъ такъ узокъ, темень и неудобенъ, что туда никто не осмѣлился бы взойти изъ любопытства, развѣ только въ томъ случаѣ, когда нужно было скрыться и спастись отъ угрожающей опасности, подобно мнѣ. Входъ въ эту пещеру находился позади большой скалы. Я нашелъ его случайно, обрубая толстыя вѣтви на приготовленіе изъ нихъ угольевъ, которые и употреблялъ для того, чтобы при стряпаніи кушанья было менѣе дыму, который могъ бы указать дикимъ мое жилище. Я съ трудомъ вошелъ въ нее. Всмотриваясь въ темную даль пещеры, я замѣтилъ два ярко блестящіе глаза. Это привело меня въ такой страхъ, что я, не смотря на трудный выходъ, выскочилъ въ одно мгновеніе вонъ изъ пещеры. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, я пришелъ въ себя — стыдился своей трусости. Ободрившись, я взялъ горящую головешку и вошелъ опять въ пещеру. Сдѣлавъ шага три впередъ, я услышалъ стонъ, который такъ поразилъ меня, что волосы поднялись дыбомъ на го-

ловъ моей и выступилъ холодный потъ на тѣлѣ. Не теряя присутствія духа, я пошелъ впередъ, и глазамъ моимъ представился старый, необыкновенной величины козелъ. Онъ былъ при послѣднемъ издыханіи, лежалъ и стоналъ, и чрезъ нѣсколько минутъ умеръ. Я не хотѣлъ его вытаскивать изъ пещеры, а закопать въ землю при самомъ входѣ. Осматрѣвъ пещеру, я нашелъ, что она была довольно узка и неправильна. Въ ней еще было другое отверстіе, но такое низкое, что чрезъ него не иначе было можно пройти, какъ ставши на четверенки, т. е. на руки и на ноги. Я не пошелъ туда, а отложилъ это до слѣдующаго дня. На другой день, взявши съ собою шесть толстыхъ свѣчей, сдѣланныхъ изъ козьяго сала, пошелъ я въ пещеру и съ огнемъ пролѣзъ чрезъ низкое отверстіе, бывшее въ длину шаговъ на пять. Я вдругъ очутился подъ сводомъ 20 футовъ вышины и могу увѣрить, что на всемъ островѣ ничего не было прекраснѣе этого подземелья. Свѣтъ отъ двухъ зажженныхъ свѣчей отразился тысячами лучей на стѣнахъ и потолкѣ пещеры, которыя всѣ были покрыты пріятнѣйшимъ для глазъ блескомъ. Не могу сказать, отчего происходилъ этотъ блескъ, отъ кристалловъ ли, отъ драгоценныхъ ли камней или отъ частицъ золота.

Это былъ самый великолѣпный гротъ, какой только можно вообразить себѣ. Полъ былъ ровный и сухой, покрытый мелкимъ кремнемъ; тамъ не было и признаковъ пребыванія ядовитыхъ животныхъ, никакого худаго запаха, никакой сырости на стѣнахъ. Узкій входъ составлялъ единственный недостатокъ этой пещеры, но, этотъ недостатокъ служилъ къ большей моей безопасности. Я былъ восхищенъ своимъ открытіемъ и перенесъ въ пещеру все, что нужно

было сохранить, особливо аммуничныя вещи и орудія для защиты. Въ теперешнемъ моемъ положеніи я сравнивалъ себя съ древними гигантами, которые обитали въ неприступныхъ пещерахъ. Здѣсь я могъ скриваться, если дикіе нападуть на меня или будутъ преслѣдовать и выгонять меня изъ моихъ старыхъ укрѣпленій, силою почти невозможно было взять меня.

Въ это время шель двадцать третій годъ моего пребыванія на островѣ. Я привыкъ жить на номъ и если бы не страхъ отъ дикихъ, то я бы съ радостію провелъ дни моей жизни и умеръ бы въ этомъ гротѣ, въ которомъ далъ могла бѣдному старому Козлу. У меня въ настоящее время было довольно много разныхъ предметовъ для развлечения. Я училъ говорить моего попугая, а онъ такъ научился, что его непрестанные разговоры доставляли мнѣ большое удовольствіе во все время моего съ нимъ житья. Что касается до моихъ кошекъ, то онѣ такъ размножились, что я принужденъ былъ убить множество ихъ изъ ружья, оставилъ только при себѣ двухъ, самыхъ любимыхъ. Моего вѣрнаго и веселаго компаніона, моей собаки, уже не было на свѣтѣ; она, прослуживъ мнѣ 16 лѣтъ, умерла отъ старости. Остальное мое семейство состояло изъ двухъ козъ, которыхъ я приучилъ къ себѣ и кормилъ изъ своихъ рукъ, и двухъ попугаевъ, которые тоже говорили, но далеко не такъ хорошо, какъ мой старый попугай. Кромѣ того у меня было нѣсколько морскихъ птицъ, но я не зналъ ихъ названія. Я принималъ ихъ на берегу моря и обрѣзалъ имъ крылья. Онѣ жили и несли яйца въ небольшомъ лѣску, который я насадилъ своими руками недалеко отъ моихъ укрѣпленій. Я былъ бы вполне доволенъ, если-бъ не было дикихъ.

ГЛАВА XX.

Пріѣздъ дикихъ на островъ. Напрасные приготовления Робинзона къ оборонѣ. Разные планы для нападенія на дикихъ. Новые слѣды варварскаго пиршества. Улучшеніе укрѣпленій.

Быль декабрь мѣсяцъ — обыкновенное время моей жатвы, и я цѣльные дни былъ занятъ уборкою хлѣба. Однажды, незадолго до восхода солнечнаго, я увидѣлъ разведенный на берегу огонь въ полумилѣ отъ меня. Я тотчасъ же побѣжалъ въ свой гротъ, зарядилъ пистолеты и ружья и рѣшился защищаться до послѣдней капли крови. Я дожидался непріятеля болѣе двухъ часовъ, наконецъ осмѣлился выдти изъ грота. Взобравшись ползкомъ на вершину утеса, я увидѣлъ черезъ зрительную трубку девять человѣкъ дикихъ, сидѣвшихъ кругомъ небольшого огня. Они не грѣлись, потому что погода была теплая, а вѣроятно приготовляли себѣ кушанье изъ человѣческаго мяса. Двѣ лодки ихъ были втащены на берегъ. Тогда было время прилива, и по видимому они дожидались отлива, чтобы возвратиться домой. Это нѣсколько успокоило меня. Я заключилъ, что они пріѣзжаютъ и отъѣзжаютъ постоянно въ одно и то же время, и что слѣдовательно я могу заниматься своими дѣлами безопасно во время морскихъ отливовъ.

Какъ я думалъ, такъ и случилось. Лишь только стала убывать вода, они сѣли въ лодки и отправились въ путь. Вооружившись по своему обыкновенію, я пошелъ на тотъ холмъ, откуда я въ первый разъ замѣтилъ слѣды ужасныхъ пиршествъ этихъ Каннибаловъ, и увидѣлъ еще три лодки, которыя были уже далеко въ морѣ и плыли по тому же направленію, какъ и первыя двѣ. Спустившись съ холма и пришедъ на то мѣсто, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ нашель черепа и кости человѣческія, я опять увидалъ новыя остатки отъ недавно разстерзаннаго и съѣденнаго человѣка. Я такъ былъ озлобленъ этимъ варварствомъ, что положилъ твердое намѣреніе напасть съ оружіемъ на первую толпу этихъ дикарей, не смотря на число ихъ.

Вѣроятно, что дикіе очень рѣдко пріѣзжали на мой островъ, потому что я въ слѣдующіе послѣ сего цѣлые пятнадцать мѣсяцевъ не замѣтилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ихъ пріѣзда. Въ теченіе этого времени я былъ непрестанно въ страхѣ и тревожномъ состояніи духа, и трудился надъ улучшеніемъ своихъ укрѣпленій.

Я постоянно былъ занятъ мыслию — жестоко отомстить дикимъ за ихъ безчеловѣчіе, и составлялъ разные планы нападенія на нихъ. Послѣднее посѣщеніе ихъ моего острова внесло много безпокойства и горести въ мою жизнь. Когда я по какой-нибудь необходимости осмѣливался выходить изъ моего убѣжища, то это дѣлалось съ величайшими предосторожностями. Я обращалъ строгое вниманіе на всѣ предметы, которые попадались мнѣ на глаза. Какое счастье было для меня, что я размѣстилъ своихъ козъ по отдѣльнымъ табунамъ и тѣмъ избавилъ себя ходить на охоту и стрѣлять изъ ружья. Правда, что однимъ выстрѣломъ можно было

привести въ ужасъ и обратить въ бѣгство цѣлую толпу дикихъ, но вѣдь они пришли бы опять въ большемъ числѣ, на сотняхъ лодокъ, и что же бы тогда со мною стало? Однако я былъ довольно счастливъ, что не видалъ ихъ до мая мѣсяца двадцать четвертаго года моей уединенной жизни. Въ этомъ мѣсяцѣ у меня съ ними была замѣчательная стычка, о чемъ я расскажу читателямъ въ своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА XXI.

Буря. Корабль, разбитый о подводные камни. Поѣздка Робинзона на корабль, на которомъ онъ находитъ собаку и разныя вещи. Онъ переноситъ ихъ въ свое жилище.

Однажды — это было въ первой половинѣ мая мѣсяца — поднялась сильная буря съ громомъ и молніей. Она началась вечеромъ и продолжалась всю ночь. Я лежалъ въ постели. Вдругъ мнѣ послышался съ моря шумъ, похожій на выстрѣлъ изъ пушки. Вставши поспѣшно, я взошелъ по лѣстницѣ на скалу. Въ эту минуту показался на морѣ огонекъ, и за нимъ раздался второй шушечный выстрѣлъ съ той стороны моря, гдѣ я на моемъ ботѣ былъ увлеченъ теченіемъ морскимъ.

Я сначала думалъ, что это какой-нибудь корабль, который находится въ опасности и выстрѣлами требуетъ помощи отъ другаго корабля, шедшаго съ нимъ вмѣстѣ. Набравши сухихъ вѣтвей, я развелъ большой огонь на верху скалы. Огонь вѣроятно былъ замѣченъ, потому что едва поднялось пламя, какъ послѣдовалъ третій выстрѣлъ, а потомъ еще нѣсколько выстрѣловъ и все съ одной и той же стороны моря. Цѣлую ночь я поддерживалъ огонь, а когда разсвѣло

и небо прояснилось, я увидѣлъ что-то похожее на корабль, въ большомъ разстояніи отъ острова.

Все утро я старался разсмотрѣть, что это такое, и такъ какъ предметъ все находился на одномъ и томъ же мѣстѣ, то я и заключилъ, что это корабль, остановившійся на якорѣ. Желая болѣе удовлетворить свое любопытство, я, взявъ съ собою ружье, пошелъ на южный берегъ острова, влѣзъ на самую высокую изъ скалъ и увидѣлъ, что это былъ дѣйствительно корабль, разбитый о подводные камни въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я во время своего путешествія едва не погибъ. Смотри на корабль, я воображалъ себѣ всю ту пользу, которую могу получить отъ него. Болѣе всего я утѣшалъ себя надеждою, что непременно нѣсколько человѣкъ спаслись на шлюпкѣ и пристали къ берегамъ острова: чрезъ это я имѣлъ бы сотоварищей и большую помощь при оборонѣ отъ дикихъ. Въ этомъ предположеніи я ходилъ по разнымъ сторонамъ острова, но, къ несчастію, не нашелъ ни одного человѣка. Нѣсколько дней спустя, было выброшено изъ моря на берегъ тѣло одного корабельнаго матроса, но я не могъ узнать къ какой націи онъ принадлежалъ. Онъ былъ одѣтъ въ матросской курткѣ, на немъ была рубанка изъ бѣлаго полотна, плохіе панталоны и стовѣшанные башмаки, а въ карманѣ нѣсколько табаку, три золотыя и двѣ серебряныя монеты и трубка, которая для меня была драгоценнѣе золота и серебра.

Море успокоилось, у меня явилось сильное желаніе побываетъ на кораблѣ въ той надеждѣ, что не найду ли тамъ какогонибудь живаго существа, которому я могъ спасти жизнь. Если же не найду людей, думалъ я, то найду что-нибудь полезное для себя. Эта мысль не давала мнѣ покою ни на минуту.

Я приготовилъ все къ моему путешествію. Взялъ нѣсколько хлѣба, большую бутылку свѣжей воды, полную корзину сушенанаго винограда, рису, двѣ дюжины пирожковъ, сыру, горшокъ козьего молока и зонтикъ. Потомъ, спустившись къ боту, вычистилъ его и положилъ туда всю свою провизію. Я былъ совсѣмъ готовъ выступить въ море, но, взглянувъ на разбитый корабль, вспомнилъ о той опасности, которой я уже подвергался и могу вторично подвергнуться ей по причинѣ скрытыхъ подводныхъ камней, морскаго теченія и вѣтра, которые въ одно мгновеніе могутъ навсегда разлучить меня съ моимъ любезнымъ островомъ. Эта мысль до того меня утравила, что я рѣшился оставить свое намѣреніе. Втащивъ свой ботъ въ небольшую бухту, я сѣлъ на землю и находился между страхомъ и желаніемъ ѣхать къ кораблю. Долго я сидѣлъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Насталъ приливъ и я по неволѣ долженъ былъ отсрочить свой отъѣздъ на нѣсколько часовъ. Во время отлива я замѣтилъ морское теченіе, которое направлялось въ сѣверную сторону и слѣдовательно благоприятствовало моему возвратному пути. Это открытіе ободрило меня, и я положилъ непремѣнно на слѣдующій день отправиться къ кораблю какъ только настанетъ отливъ.

Ночь я провелъ на своемъ ботѣ, а поутру рано, когда начался отливъ, пустился въ море, направляя свой путь къ сѣверу, прямо къ кораблю, къ которому и прибылъ чрезъ два часа. Моимъ глазамъ представилось плачевное зрѣлище. Корабль, который судя по его устройству былъ испанскій, глубоко втиснулся между двухъ скалъ. Корма и часть корпуса корабельнаго были разбиты волнами. Онъ такъ ударился сильно носомъ о подводные камни, что главная мачта и другія были изломаны, но однако бугспортъ былъ цѣлъ.

Когда я взошелъ на палубу, то первый предметъ, появившійся на глаза мои, была собака, которая, увидавъ меня, принялась жалобно выть. Это животное было почти полумертво отъ голода и жажды. Я далъ ей кусокъ хлѣба, который она съѣла съ жадностію, потомъ налилъ ей немного воды. На всемъ кораблѣ, кромѣ этой собаки никого не было. Въ одной изъ каютъ я нашелъ двухъ мертвыхъ матросовъ, которые лежали обнявъ другъ друга. Вѣроятно, вода, хлынувшая вдругъ, залила ихъ и задушила. Весь грузъ корабельный былъ поврежденъ морскою водою. Тамъ находилось нѣсколько бочекъ, должно быть съ винограднымъ виномъ или водкою. Онѣ были такъ велики и тяжелы, что я не могъ приподнять ихъ. Тамъ лежало еще два сундука, которые я взялъ и, не разсматривая съ чѣмъ они, положилъ ихъ въ свой боть. Впослѣдствіи, судя по найденнымъ вещамъ и бумагамъ на кораблѣ, надобно было думать, что онъ шелъ въ Буенось-Айресъ или въ Ріо де-ла-Плата, и оттуда долженъ былъ отправиться въ Гаванну, и наконецъ въ Испанію. Кромѣ двухъ сундуковъ, я нашелъ боченокъ съ какою-то жидкостію (ея было болѣе двухъ ведеръ), я съ великимъ трудомъ спустилъ его въ мой боть. Въ одной комнатѣ было нѣсколько ружей и большой рогъ съ 4 или 5 фунтами пороху. Ружья и рогъ съ порохомъ тоже положены были на боть. Кромѣ всего этого, я захватилъ съ собою лопатку для угольевъ, щипцы, въ которыхъ я очень нуждался, два мѣдные котелка, сковроду и шоколадницу. Со всей этой поклажей и съ собакой я возвратился къ вечеру чрезмѣрно усталый на островъ.

Переночевавъ на своемъ ботѣ, я перенесъ на другой день мое новое имущество въ свой гротъ. Въ двухъ сун-

дукахъ оказалось много разныхъ предметовъ, для меня очень полезныхъ. Тамъ находился погребокъ съ разными прекрасными ликерами, въ бутылкахъ, украшенныхъ серебромъ, изъ которыхъ каждая содержала въ себѣ до четырехъ кружекъ напитка. Я въ немъ нашелъ двѣ банки варенья, такъ хорошо закупоренныя, что вода никакъ не могла попасть туда. Въ этомъ сундукѣ было еще нѣсколько хорошихъ рубашекъ, галстуховъ разныхъ цвѣтовъ, полдюжины бѣлыхъ платковъ изъ тонкаго полотна и четыре полотенца. На днѣ сундука лежали три мѣшечка съ золотыми монетами, и нѣсколько разныхъ дорогихъ вещицъ. Во второмъ сундукѣ было разное старое, поношеное платье, четыре пары чулокъ, двѣ пары башмаковъ и три флакона пороху.

Я очень сожалѣлъ, что не могъ проникнуть во внутренность корабля, залитую водою. Я тамъ бы вѣроятно нашелъ много разныхъ вещей, нужныхъ и полезныхъ мнѣ, которыя бы я взялъ и сложилъ на храненіе въ гротъ, а потомъ отвезъ бы ихъ въ мое отечество, если Провидѣнію угодно будетъ возвратить меня туда со временемъ.

Сложивъ все въ безопасное мѣсто, я возвратился въ свое старое жилище и нашелъ въ немъ все въ томъ же порядкѣ, въ какомъ и оставилъ его. Я опять попрежнему началъ жить и заниматься домашними дѣлами. Нѣсколько времени я наслаждался спокойствіемъ, но всегда былъ, такъ сказать, какъ бы на стражѣ, и рѣдко выходилъ изъ дому. Когда же и выходилъ то всегда вооруженный съ головы до ногъ, что мнѣ было очень тяжело и скоро приводило въ изнеможеніе. По сіе время я прожилъ на островѣ двадцать четыре года.

~~~~~

ГЛАВА XXII.

Желаніе Робинзона ѣхать въ свое отечество. Дикіе опять пріѣзжаютъ на островъ. Робинзонъ спасаетъ одного изъ плѣнныхъ. Признательность къ Робинзону этого плѣннаго. Робинзонъ называетъ его Пятницею.

Можно было бы сказать, что я жилъ совершенно спокойно въ теченіе двухъ лѣтъ, еслибы не тревожили меня разные планы, чтобы оставить островъ и возвратиться въ свое отечество. То холѣлъ я на своей лодкѣ переплыть къ тому материку, который лежалъ противъ моего острова; то думалъ предаться на произволъ вѣтра, какъ это сдѣлалъ, спасаясь изъ плѣна въ Сале.

Долго размышляя и за и противъ разныхъ предположеній, я пришелъ къ тому убѣжденію, что нужно завладѣть какимъ нибудь дикаремъ или лучше плѣннымъ, который изъ благодарности за свое спасеніе будетъ мнѣ другомъ и покажетъ путь къ матерой землѣ. Однако я видѣлъ большое затрудненіе въ томъ, что для этого надобно уничтожить цѣлую толпу дикихъ; а такой подвигъ казался мнѣ невыслимъ. Но какъ бы то ни было, я рѣшился караулить моихъ враговъ во время ихъ высадки на берегъ и дѣйстви-

вать, соображаясь съ обстоятельствами, которыя представляются мнѣ тогда.

Съ этою цѣлію я часто хаживалъ на тотъ берегъ, гдѣ они обыкновенно останавливались; но въ продолженіе 18 мѣсяцевъ никого не встрѣчалъ. Эти напрасныя и довольно утомительныя путешествія нисколько не отвратили меня отъ принятаго мною плана; но еще болѣе усилили мое желаніе встрѣтиться съ дикими. Какъ прежде я убѣгалъ этихъ Каннибаловъ, такъ точно теперь искалъ ихъ. Столько надѣялся я на свое знаніе и силы, что желалъ бы себѣ подчинить троихъ, даже дикихъ, привести ихъ въ совершенную мнѣ покорность и лишить ихъ всякаго средства вредить мнѣ.

Наконецъ случай представился. Однажды утромъ я примѣтилъ на берегу отъ 5 до 6 лодокъ, но дикихъ уже въ нихъ не было. По моему расчету, каждая изъ этихъ лодокъ могла помѣстить въ себѣ 6 человѣкъ, а потому всѣхъ прибывшихъ должно быть около 30 человѣкъ. И такъ, мнѣ предстояло бороться съ тридцатью человѣками. Такой неравный бой поколебалъ меня на нѣкоторое время. Я внимательно прислушивался ко всякому шуму и, влѣзши на пригорокъ, находившійся недалеко отъ моего жилища, увидѣлъ чрезъ зрительную трубу, что дикихъ дѣйствительно было столько, сколько я предполагалъ, т. е. до 30 человѣкъ. На берегу былъ разведенъ большой огонь для приготовления пиршества. Они плясали кругомъ огня, дѣлая разныя странныя тѣлодвиженія, прыжки, скачки и кувырканья, какъ у нихъ заведено было обычаями.

Спустя минуту времени, они вытащили изъ лодки двухъ несчастныхъ, чтобъ ихъ разрѣзать на куски. Одинъ изъ нихъ, оглушенный ударомъ топора, упалъ замертво на землю.

Трое дикарей бросились на него, изрѣзали на куски, чтобы готовить свой адскій обѣдъ. Между тѣмъ другой несчастный стоялъ неподалеку и каждую минуту ожидалъ себѣ подобную злую участь. Когда дикіе дѣлили между собой мясо убитаго, этотъ несчастный, видя удобный случай къ своему спасенію, распуталъ потихоньку веревки, которыми были связаны у него руки и ноги, и вдругъ съ быстротою серны бросился бѣжать, прямо въ ту сторону, гдѣ находился я.

Признаюсь, что я очень испугался, увидѣвъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радовался, что можетъ быть какъ-нибудь смогу спасти этого несчастнаго. Я боялся того, что вся толпа дикіихъ бросится за бѣглецомъ, но однако этого не случилось, и только трое погнались за нимъ. Плѣнный имѣлъ большое преимущество въ искусствѣ бѣгать предъ своими врагами, и еслибъ его бѣгство продолжалось съ такою же си-

люю, то онъ чрезъ полчаса скрылся бы совсѣмъ у нихъ изъ глазъ.

Между нимъ и моею крѣпостию находился небольшой заливъ. Несчастный, подбѣжавъ къ нему бросился стремительно въ воду, быстро переплылъ на другую сторону залива и пустился опять бѣжать. Когда трое его непріятелей подбѣжали къ тому же мѣсту, то только двое бросились въ воду, а третій возвратился назадъ, вѣроятно потому, что не умѣлъ плавать. Эти двое дикихъ умѣли плавать несравненно хуже противъ своего плѣнника.

Теперь самый удобный случай, подумалъ я и, сошедъ поспѣшно съ холма, взялъ свое ружье и побѣжалъ къ берегу, стараясь остановить бѣгущаго своимъ крикомъ; но онъ, почитая меня тоже врагомъ своимъ, продолжалъ бѣжать. Тогда я медленными шагами сталъ приближаться къ двумъ дикарямъ, которые, увидавъ меня, остановились въ изумленіи. Я стремительно бросился на одного изъ нихъ и ударомъ ружейнаго приклада повалилъ его замертво на землю.

Второй дикій, видя своего товарища убитымъ, сталъ натягивалъ свой лукъ; но я предупредилъ его и выстрѣломъ изъ ружья убилъ на повалъ своего врага. Плѣнный, услышавъ этотъ выстрѣлъ, оцѣпенѣлъ отъ страха и не могъ болѣе сдѣлать ни одного шага. Я махалъ ему дружески рукою и разными знаками приглашалъ его подойти ко мнѣ; но онъ не довѣряясь, то приближался ко мнѣ на нѣсколько шаговъ, то опять удалялся, вѣроятно боясь сдѣлаться вторично плѣнникомъ и быть убитымъ подобно двумъ его непріятелямъ. Наконецъ, когда я ему сдѣлалъ третій знакъ съ самымъ ласковымъ выраженіемъ лица, то онъ нѣсколько ободрился и началъ тихо подходить ко мнѣ, падая чрезъ

каждые 10 или 12 шаговъ на колѣни, чтобы показать тѣмъ свою покорность. Когда я подошелъ къ нему, онъ упалъ на землю, цѣловалъ ее и, взявъ мою ногу, положилъ ее себѣ на голову, чтобы выразить тѣмъ свою преданность, и что онъ желаетъ быть моимъ рабомъ. Я поднялъ его и старался ласками успокоить его. Въ это время я замѣтилъ, что дикій, котораго я положилъ на землю ударомъ приклада, былъ еще живъ и старался подняться съ земли. Я показалъ это своему плѣннику. Онъ отъ страха произнесъ нѣсколько словъ, которыхъ я хотя не понималъ, но которыя доставили мнѣ несказанное удовольствіе, потому что я не слыхалъ человѣческаго голоса уже 25 лѣтъ. Потомъ онъ указалъ мнѣ на мою саблю и знаками просилъ, чтобы я отдалъ ее ему. Я исполнилъ его желаніе. Тогда онъ въ одно мгновеніе подбѣжалъ къ своему врагу и однимъ ударомъ сабли отрубилъ ему голову. Послѣ этого онъ возвратился ко мнѣ, смѣясь и прыгая, чтобы тѣмъ выразить свое торжество, и съ разными жестами, значеніе которыхъ я не понималъ, положилъ къ ногамъ моимъ саблю и отрубленную голову дикаго.

Ему казалось страннымъ и необыкновеннымъ то, какъ я могъ убить дикаго на такомъ дальнемъ разстояніи. Указывая на убитаго, онъ просилъ у меня позволенія рассмотреть его. Когда онъ подошелъ къ трупу, то удивленіе его все болѣе и болѣе увеличивалось; онъ всячески разсматривалъ убитаго, поварачивалъ его съ одного бока на другой и обращалъ большое вниманіе на рану въ груди, изъ которой совсѣмъ почти не шло крови. Удовлетворивъ свое любопытство, онъ подошелъ ко мнѣ и положилъ къ ногамъ моимъ лукъ и стрѣлы убитаго. Я приказалъ ему идти за

мною, выражая знаками боязнь свою, что всё прочіе дикіе, оставшіеся на берегу, скоро придуть сюда. Тогда онъ мнѣ отвѣчалъ тоже знаками, что надобно спрятать убитыхъ въ землю. Потомъ онъ послѣшно выкопалъ двѣ ямы въ песокъ и зарылъ въ нихъ трупы.

Принявъ эту предосторожность, я повелъ его со мною, но не въ крѣпость, а въ гротъ, потому что онъ былъ ближе. Тамъ я далъ ему хлѣба, кисть винограду и воды. Все это ему очень нравилось. Послѣ сего я указалъ ему для отдыха кучу рисовой соломы и покрывало.

Этотъ дикій былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста и хорошо сложенъ собою. Всѣ его члены были хорошо развиты и показывали въ немъ человѣка ловкаго, проворнаго и сильнаго. Его мужественный видъ не имѣлъ и тѣни жестокости, напротивъ, въ его чертахъ лица, особливо когда онъ улыбался, виднѣлись кротость и нѣжность, свойственныя европейцамъ. Его черные какъ смоля волосы были длинны, но не вились маленькими кудрями. Лобъ у него былъ возвышенный, глаза блистѣли и были полные огня. Цвѣтъ лица его былъ не черный, но смуглый, темно оливковый. Онъ имѣлъ очень красивое правильное лицо, тонкія губы и зубы, правильно расположенные и бѣлые какъ слоновая кость.

Уснувши или, точнѣе сказать, подремавши съ полчаса мой дикій проснулся и вышелъ изъ грота. Я въ это время доилъ моихъ козъ въ загородкѣ, находящейся недалеко отъ моего жилища. Онъ нѣсколько минутъ искалъ меня, потомъ, увидавъ, что я дою козъ, прибѣжалъ ко мнѣ и бросился къ ногамъ моимъ со всевозможными знаками признательности. Онъ опять положилъ мою ногу на свою голову, что

означало его клятвенное обѣщаніе всегда быть мнѣ покорнымъ. Я называлъ его *Пятницею*, въ воспоминаніе того дня, въ который онъ былъ спасенъ мною. Онъ вездѣ слѣдовалъ за мною, смотрѣлъ внимательно на все, что я дѣлалъ, и старался во всемъ подражать мнѣ. Это очень меня забавляло. Я далъ ему молока въ горшкѣ, и онъ не зналъ что съ нимъ дѣлать. Я взялъ другой горшокъ съ молокомъ, обмакнулъ въ него хлѣбъ и ѣлъ, запивая молокомъ. Когда я подносилъ горшокъ ко рту, то и онъ тоже дѣлалъ; я кусалъ хлѣбъ, и онъ кусалъ свой хлѣбъ; когда я садился или вставалъ, дѣлая какое-нибудь движеніе головою или рукою, то и онъ все тоже дѣлалъ. Молоко ему очень нравилось и онъ ѣлъ его съ большимъ аппетитомъ. Наконецъ наступила ночь, и я провелъ ее спокойно вмѣстѣ съ моимъ слугою *Пятницею*.

ГЛАВА XXII.

Сожженіе остатковъ послѣ пиршества дикихъ. Робинзонъ одѣваетъ Пятницу и строитъ ему шалашъ. Робинзонъ показываетъ Пятницѣ дѣйствіе ружья. Онъ отучаетъ его отъ употребленія въ пищу человѣческаго мяса. Пятница — хорошій помощникъ Робинзону.

На слѣдующій день поутру я приказалъ Пятницѣ знакомъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за мною. Проходя мимо того мѣста, гдѣ были зарыты два трупа дикихъ, онъ сталъ мнѣ показывать знаками, что надобно ихъ выкопать и съѣсть. Я принялъ тогда на себя строгій видъ, выражалъ ему мое отвращеніе отъ этой пищи, представлялъ что меня даже тошнитъ отъ одной мысли объ этомъ, и приказалъ ему сейчасъ же отойти отъ могилы. Онъ безпрекословно повиновался. Мы взошли на холмъ, чтобы узнать, оставилъ ли непріятель мой островъ. Я посмотрѣлъ въ зрительную трубу и не видалъ ничего на берегу, ни дикихъ, ни лодокъ.

Не вполне удовлетворенный этимъ, я отправился на самое мѣсто пиршества. Пятница шелъ рядомъ со мною, съ моею саблею въ рукѣ, лукъ и стрѣлы были у него за спиною, а въ другой рукѣ онъ несъ мушкетъ, который я ему далъ. Прибывъ на мѣсто, я увидѣлъ такое страшное зрѣлище, что кровь застыла въ жилахъ моихъ и волосы стали дыбомъ на головѣ моей; но на Пятницу оно не произвело

никакого впечатлѣнія. Тамъ валялись черепа, полуоглоданныя кости отъ рукъ и ногъ человѣческихъ, ребра и цѣлыя куски человѣческаго мяса, котораго дикіе не доѣли.

Пятница взявъ 4 камушка, объяснилъ мнѣ тѣмъ, что вчера было привезено сюда 4 плѣнника, изъ которыхъ трое съѣдены, а онъ четвертый остался, что между этими дикими и его націей было большое сраженіе, и что съ той и другой стороны взято множество плѣнныхъ, которыхъ всѣхъ ожидала одинакая участь.

Я велѣлъ Пятницѣ собрать кости и мясо въ одну кучу, обложить ее сухими вѣтвями и сжечь на огнѣ. Когда все это было сдѣлано, мы возвратились домой, гдѣ я занялся платьемъ для Пятницы, потому что онъ былъ совершенно нагой. Прежде всего надѣлъ я на него рубашку и панталоны парусинныя. Онъ позволялъ мнѣ это дѣлать съ какою-то боязнію, потомъ надѣлъ на него камзолъ изъ козьей кожи и далъ ему шапку изъ заячьего мѣха, фасонъ которой былъ довольно красивъ. Пятницѣ по непривычкѣ было очень неловко въ этомъ платьѣ, которое хотя и было ему очень впору, но оно его связывало какъ бы оковами. Впрочемъ онъ былъ очень радъ, что одѣтъ точно также какъ и я. Когда однажды онъ въ своей одеждѣ посмотрѣлся въ воду, то изъ всѣхъ силъ захохоталъ самъ на себя, и снялъ тотчасъ же свой камзолъ и шапку; но я погрозилъ ему и показалъ видъ, что не доволенъ его поступкомъ. Тогда онъ опять надѣлъ скинутое платье. Онъ однако скоро привыкъ къ своей одеждѣ и находилъ, что лучше быть въ ней, нежели ходить голымъ.

Послѣ сего надобно было подумать о томъ, гдѣ помѣстить моего новаго слугу. Спать съ нимъ вмѣстѣ я еще опасался,

потому что онъ могъ сдѣлаться благодарнымъ ко мнѣ и посягнуть на мою жизнь. Я ничего лучше не могъ придумать, какъ поставить ему шалапъ между моею крѣпостью и городомъ. Я взялъ всѣ необходимыя предосторожности, чтобы онъ не могъ проникнуть въ мое жилище безъ моего позволенія, и сверхъ того каждую ночь уносилъ въ свой замокъ всѣ ружья и пистолеты. Какъ они заряжаются, я не показывалъ ему и старался скрывать отъ него это. Впрочемъ эти предосторожности оказались излишними, потому что Пятница всегда былъ моимъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ слугою и другомъ.

Я былъ въ восхищеніи отъ моего новаго сотоварища, всячески старался образовать его, началъ учить его говорить по-англійски, и онъ оказался самымъ лучшимъ ученикомъ въ свѣтѣ. Я разговаривалъ съ нимъ безпрестанно при всѣхъ моихъ занятіяхъ, во время доенія козъ, паханія земли и за столомъ. Пятница со вниманіемъ слушала мои уроки; но только затруднялся въ произношеніи словъ.

Недѣлю спустя послѣ того, какъ я сталъ жить вмѣстѣ съ Пятницею, я захотѣлъ возбудить въ немъ отвращеніе къ его каннибальской пищѣ, приготовивъ для него кушанье изъ мяса дикихъ козъ. На слѣдующій день я повелъ его въ тотъ мой табунъ, который былъ окруженъ почти со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. Пришедши туда, я увидѣлъ одну козу, лежавшую въ тѣни подъ деревомъ съ двумя козлятами. Я подозвалъ къ себѣ Пятницу, сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ стоялъ смирно, не двигаясь; и въ это мгновеніе, выстрѣлилъ и убилъ козленка. Бѣдный дикій, который уже зналъ изъ опыта, какъ издали былъ убитъ изъ ружья одинъ изъ его непріятелей, снова приведенъ былъ въ сильный страхъ и дрожалъ какъ листъ. Не обращая глазъ въ ту

сторону, гдѣ находился козленокъ, чтобы посмотрѣть, убить онъ или нѣтъ, Пятница заботился только о себѣ самомъ. Лишь только раздался выстрѣлъ, онъ поспѣшно раскрылъ свой камзолъ и внимательно рассматривалъ, нѣтъ ли у него на груди раны. Воображая, что я рѣшился избавиться отъ него, онъ бросился ко мнѣ въ ноги и, обнимая колѣна мои, долго говорилъ мнѣ что-то, но я ничего не понималъ, а только догадывался, что онъ просилъ у меня не отнимать у него жизнь.

Чтобы вывести бѣдняка изъ заблужденія, я взялъ его за руку и, улыбаясь, поднималъ его потомъ, указывая на козленка, сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ шелъ туда и принесъ его ко мнѣ. Въ то время, когда Пятница занимался разснагиваніемъ, какъ это животное было убито, я снова успѣлъ зарядить свое ружье. Когда Пятница пришелъ съ козленкомъ, я, показывая ему на ружье, потомъ на сидѣвшую на деревѣ птицу и на землю, прицѣлился и выстрѣлилъ. Мой дикій опять пришелъ въ страхъ, и, не выдавъ, какъ я заряжалъ ружье, считалъ его за неисчерпаемый источникъ огня и смерти. Послѣ этого въ продолженіи долгаго времени онъ всегда подходилъ къ ружью съ глубочайшимъ почтеніемъ, боялся дотронуться до него и часто разговаривалъ съ нимъ какъ съ живымъ существомъ. Впослѣдствіи, когда Пятница научился говорить по-англійски, я узналъ отъ него, что онъ упрашивалъ ружье не убивать его.

Когда Пятница ходилъ за убитой птицей, я зарядилъ опять свое ружье, но, не желая болѣе пугать дикаго, отправился послѣ сего съ нимъ и добычей въ свое жилище.

Вечеромъ этого же дня я приготовилъ изъ козленка супъ и угостилъ имъ Пятницу. Видя, какъ я ѣлъ, онъ под-

ражалъ мнѣ и знаками показывалъ, что ему очень нравится это кушанье. Ему казалось страннымъ, что я ѣлъ говядину съ солью. Чтобы объяснить мнѣ, что соль ему не нравится, онъ положилъ ея нѣсколько въ ротъ, потомъ тотчасъ же выплюнулъ и сдѣлалъ гримасу. Я сдѣлалъ напротивъ, положилъ кусокъ мяса безъ соли себѣ въ ротъ, и тотчасъ же выбросилъ его вонъ. Впрочемъ, онъ впоследствии привыкъ къ употребленію соли, и ничего безъ нея не ѣлъ.

На слѣдующій день я угощалъ Пятницу жаренымъ мясомъ козленка, которое я приготовлялъ на вертелѣ. Оно такъ понравилось ему, что онъ показывалъ мнѣ знаками, что никогда не будетъ ѣсть человѣческаго мяса, которое ему чрезвычайно опротивѣло.

Однажды я молотилъ хлѣбъ по своему (т. е. вынималъ зерна руками) и проѣживалъ его; Пятница помогала мнѣ и дѣлала то же самое, что и я. Онъ научился также мѣсить хлѣбы, печь ихъ и дѣлать пироги, однимъ словомъ, чрезъ нѣсколько времени онъ служилъ и помогалъ мнѣ во всѣхъ моихъ занятіяхъ.

ГЛАВА XXIII.

Разговоръ Робинзона съ Пятницею о его землянахъ и о вѣрѣ. Робинзонъ просвѣщаетъ Пятницу учениемъ христіанскимъ. Прежняя шлюпка. Желаніе Робинзона ѣхать въ отечество Пятницы. Онъ и Пятница строятъ большую барку. Пятница — хорошій матросъ.

Теперь насъ было двое, а потому и сѣять хлѣба нужно было болѣе. Я съ Пятницею вспахалъ пространство земли, гораздо большее противъ прежняго, засѣялъ его рожью и рисомъ и сбнесъ другимъ тыномъ. Мой дикій помогалъ въ этихъ дѣлахъ не только съ прилежаніемъ и ловкостію, но и съ удовольствіемъ, потому что зналъ, что все это дѣлаетъ частію и для него. Пятница сталъ уже порядочно говорить и понимать по-англійски, зналъ названіе всѣхъ предметовъ, которые находились у насъ, и всѣхъ тѣхъ мѣстъ, куда я посылалъ его за чѣмъ-нибудь.

Однажды я, желая узнать, сожалѣетъ ли онъ о своей родинѣ, спросилъ у него, какъ онъ попался въ плѣнъ. Онъ отвѣчалъ, что его отечество сильно, воинственно и побѣдоносно; но что они, будучи въ маломъ числѣ, напали на многочисленную толпу непріятелей и были взяты въ плѣнъ. «Мои соотечественники», прибавилъ онъ, «тоже ѣдятъ своихъ военнопленныхъ, и я самъ былъ однажды на этомъ островѣ и участвовалъ въ пиршествѣ».

— Жалко ли тебѣ своихъ земляковъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пятница, я не жалѣю ихъ, а жалко мнѣ только отца моего, старика, которому теперь плохо безъ меня.

Продолжая разговаривать, я узналъ отъ Пятницы, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега каждое утро бываетъ одинъ и тотъ же вѣтеръ и одно и то же теченіе морское, а вечеромъ вѣтеръ и теченіе прямо противоположны первымъ. Дикіе знаютъ это и пользуются этими теченіями при прїѣздѣ на островъ и при отъѣздѣ съ него. Я впоследствии узналъ, что этотъ феноменъ происходитъ отъ рѣки Ороноко въ устьяхъ которой находился мой островъ. Мнѣ также сказалъ онъ, что его соотечественники называются караибями, и что за ними болѣе мѣсяца (такъ Пятница выражался о странахъ, лежащихъ къ западу) живутъ бѣлые люди съ бородами (вѣроятно, испанцы).

Среди разнообразныхъ разговоровъ я старался посѣять въ душѣ Пятницы сѣмена Христіанской вѣры. Однажды я спросилъ у него: «кто создалъ море, землю, лѣса и проч.» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «ихъ сотворилъ старикъ Бенакуке, который жилъ за долго прежде всего живущаго, и существующаго на свѣгѣ, и который очень старъ, гораздо старше моря, луны и звѣзд».

Я желалъ дать ему понятіе объ истинномъ Богѣ, который управляетъ всѣмъ въ мірѣ, что этотъ Богъ всемогущъ, можетъ намъ дать все и можетъ все отнять у насъ. Пятница слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ. Я рассказывалъ ему объ Іисусѣ Христѣ, пришедшемъ для искупленія нашего. Говорилъ ему также, что должно молиться Богу непрестанно, что Онъ, хотя находится

на небесахъ, но слышитъ молитвы наши и исполняетъ ихъ, если это нужно и полезно намъ.

— Этотъ Богъ, сказалъ Пятница, превосходить нашего Бенакмуке. Бенакмуке жить не на небесахъ, а на высокихъ горахъ, и если ему что говорить отсюда, то онъ ничего не услышитъ. Надобно идти на эти горы, если кому нужно разговаривать съ нимъ.

— А ты часто ли разговаривалъ съ нимъ? спросилъ я у Пятницы.

— Ни разу, отвѣчалъ онъ, потому что молодымъ людямъ не дозволяется это; но прилично только оакакамъ*) нашимъ. Они ходятъ къ нему и говорятъ ему: оа! и потомъ приносятъ отвѣтъ.

Пятница иногда своими вопросами приводилъ меня въ замѣшательство. Какъ-то зашла рѣчь о діаволѣ, Пятница вдругъ спросилъ у меня: почему же Богъ, Который сильнѣе діавола, не убьетъ это чудовище? Я не могъ дать ему надлежащаго отвѣта и сказалъ только, что наказаніе діаволу будетъ во время яреставленія свѣта. Я былъ мало ученъ и безъ всякихъ разсужденій вѣрилъ всему тому, чему повелѣвала вѣрить Церковь, а потому не могъ давать поученій съ надлежащими доказательствами, но не смотря на эти мои недостатки, могу увѣрить всякаго, что я въ короткое время сдѣлалъ Пятницу добрымъ христіаниномъ, даже можетъ быть лучшимъ, нежели какимъ я самъ былъ.

Въ такихъ и тому подобныхъ упражненіяхъ провелъ я съ моимъ Пятницею три года. Признаюсь, я считаю это время

---

*) Тоестъ жреца.

самымъ счастливейшимъ для меня изъ всей моей жизни на островѣ.

Когда я совершенно увѣрился въ расположеніи и преданности ко мнѣ моего Пятницы, я рассказалъ ему всё свои приключенія, открылъ ему тайну употребленія пороха и пуль, научилъ какъ стрѣлять, и сверхъ всего этого подарилъ ему большой ножъ. Этому подарку онъ былъ чрезвычайно радъ.

Однажды я пошелъ съ нимъ на берегъ и показалъ ему ту шляпку, которую не могъ я вынуть изъ песку. Лишь только онъ взглянулъ на нее, то очень удивился и сталъ предъ нею въ какомъ-то раздумьѣ.

— О чемъ ты думаешь? спросилъ я у него.

— Я видѣлъ, отвѣчалъ онъ, точно такую шляпку у моихъ соотечественниковъ.

Послѣ сего онъ сдѣлалъ подробное описаніе той шляпки и прибавилъ: мы спасли бѣлыхъ людей, которые были на этой шляпкѣ. Она была полна ими. На ней находилось семнадцать человекъ.

Этотъ разговоръ наполнилъ опять мою голову новыми химерами. Я сначала воображалъ, что экипажъ того корабля, который былъ разбитъ близъ моего острова, пересѣлъ въ шляпку и по счастію присталъ къ берегамъ, гдѣ жили соотечественники Пятницы. Я спросилъ у Пятницы, что же сдѣлалось съ этими бѣлыми? Онъ увѣрялъ меня, что они живутъ въ его отечествѣ болѣе четырехъ лѣтъ и получаютъ жизненные припасы отъ дикихъ.

— Почему же твои соотечественники не съѣли ихъ? спросилъ я у Пятницы.

— Потому, отвѣчалъ онъ, что они сдѣлались нашими братьями, а мы ѣдимъ только своихъ непріятелей во время войны.

Послѣ сего у меня явилась мысль приготовить непремѣнно барку и ѣхать на ней въ отечество Пятницы, къ тѣмъ бѣлымъ, которые живутъ тамъ. Я искалъ дерева, изъ котораго можно бы было устроить эту барку и которое было бы недалеко отъ берега. Мой дикій скорѣ нашелъ такое дерево. Оно мнѣ было неизвѣстно, но Пятница зналъ его свойство и увѣрялъ меня, что именно изъ этого дерева строятся барки. Онъ изъявилъ желаніе выжечь это дерево; но когда я показалъ ему употребленіе долота, топора и желѣзныхъ клинѣвъ, то онъ ловко принялся за нихъ и спустя мѣсяцъ послѣ тяжкихъ трудовъ, окончилъ свою работу. Барка была очень прочно и красиво сдѣлана, особливо когда мы топорами дали ей извнѣ форму настоящей шлюпки. Въ теченіе 7 или 8 дней мы спустили ее въ воду помощію рычаговъ и катковъ.

Я очень удивлялся тому, съ какою ловкостію мой дикій управлялъ баркою и поварачивалъ ее, не смотря на то, что она была довольно велика. Теперь оставалось мнѣ придѣлать къ ней мачту съ парусомъ и руль, и снабдить ее якоремъ и канатомъ. Руль, парусъ, якорь и канатъ я выбралъ изъ старыхъ вещей, которыя перенесъ съ корабля и которыя хранились у меня бережно. Что же касается до мачты, то ее сдѣлалъ, по моимъ указаніямъ, Пятница изъ молодого ровнаго кедра.

Мы работали около двухъ мѣсяцевъ, чтобы снарядить свою барку совсѣмъ, какъ слѣдовало. Теперь оставалось показать Пятницѣ, какъ нужно дѣйствовать рулемъ и парусами, потому что онъ этого совершенно не зналъ. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ, видя, какъ я ловко поварачивалъ мою барку и туда и сюда, и управлялъ ею по своему желанію,

особливо когда я перемѣнялъ направленіе паруса, который надувался съ той стороны, въ которую я держалъ путь. Нѣсколько упражненій достаточно было для Пятницы, чтобы узнать все это, и чрезъ недѣлю онъ сдѣлался очень хорошимъ матросомъ. Вскорѣ послѣ сего наступило дождливое время и мы отложили свое путешествіе до ноября или декабря мѣсяца.

ГЛАВА XXIV.

Дикі снова пріѣзжаютъ на островъ. Робинзонъ и Пятница нападаютъ на нихъ. Спасенный отъ смерти испанецъ. Совершенное поражение дикихъ. Отецъ Пятницы. Робинзонъ угощаетъ своихъ гостей кушаньями изъ мяса козленка.

Шель 27 годъ моего пребыванія на островѣ. Настало наконецъ сухое время, и я въ продолженіе двухъ недѣль постоянно былъ занятъ приготовленіемъ нужной провизіи для нашего путешествія. Однажды утромъ я послалъ Пятницу на берегъ за черепахами, мясо и яйца которыхъ составляли вкусную пищу. Не прошло и пяти минутъ послѣ его ухода, какъ онъ возвратился опять съ величайшею поспѣшностію, разстроенный, въ чрезмѣрномъ испугѣ и еще издали кричалъ мнѣ: «три лодки, три лодки! много, много людей!»

Я старался его успокоить, но это мало дѣйствовало на него. Онъ былъ увѣренъ, что дикіе пріѣхали на островъ именно только для того, чтобы поймать его и наказать за прежній побѣгъ.

— Будь сильнѣе и благоразумнѣе, Пятница! сказалъ я ему. Вѣдь мнѣ угрожаетъ такая же опасность, какъ и тебѣ. Если они возьмутъ тебя, то нисколько не будетъ пощады и мнѣ. И такъ, приготовимся къ оборонѣ. Слѣдуй только во всемъ моему примѣру и мы одержимъ верхъ.

Пятница успокоился, протянул свою правую руку ко мнѣ и сказалъ; «я умру, если господинъ мой прикажетъ мнѣ умереть.»

Послѣ этого мы выпили съ нимъ по доброй рюмкѣ рому, чтобы придать себѣ больше храбрости и утвердить заключенный между нами союзъ. Я далъ ему пистолеть и два заряженныхъ ружья, а самъ взялъ съ собою остальные пистолеты, саблю и 4 ружья, заряженные кусками нарубленнаго желѣза. Вооружившись такимъ образомъ, мы отправились въ походъ.

Я взомель на холмъ и увидѣлъ въ зрительную трубу, что дикихъ было около 20 человекъ. Они пристали къ берегу на трехъ лодкахъ и привезли съ собою трехъ плѣнныхъ. Мѣсто, избранное ими, было недалеко отъ небольшого, но густаго лѣса, простиравшагося почти до самаго моря. Это открытіе меня очень порадовало, потому что я могъ сдѣлать тамъ засаду, незамѣтную для непріятеля, а потомъ, въ случаѣ нужды, и вылазку. Со всевозможною осторожностію мы пробрались черезъ лѣсъ и подошли къ дикимъ такъ близко, что только одна небольшая роца отдѣляла насъ отъ нихъ въ разстояніи полвыстрѣла. Я велѣлъ Пятницѣ взлѣсть на дерево и посмотреть, что дѣлаютъ дикіе. Онъ исполнилъ это и передалъ мнѣ, что они сидятъ кругомъ огня и ѣдятъ мясо плѣнника, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ лежитъ еще одинъ связанный, до котораго скоро дойдетъ очередь, и что этотъ послѣдній съ бородою и бѣлымъ лицомъ, и похожъ на тѣхъ, которыхъ его единосемцы приняли къ себѣ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Это донесеніе, особливо о бѣломъ плѣнникѣ съ бородою, привело меня въ ужасный гнѣвъ и озлобленіе противъ безчеловѣчныхъ каннибаловъ. Я самъ взлѣзъ на дерево и

дѣйствительно увидѣлъ лежащаго на пескѣ человѣка, связаннаго по рукамъ и ногамъ. По его одеждѣ я сейчасъ узналъ въ немъ европейца. Трое дикихъ отдѣлились отъ толпы и подошли къ лежавшему плѣннику, чтобы убить его и потомъ лакомятся его мясомъ.

Слѣзши поспѣшно съ дерева, я сказалъ Пятницѣ: теперь не надобно терять времени; дѣлай все то, что я буду дѣлать, и мы справимся съ извергами.

Я взялъ свой мушкетъ и прицѣлился въ дикихъ; Пятница сдѣлалъ тоже съ своимъ ружьемъ. Стрѣляй! сказалъ я ему. Вслѣдъ за этимъ раздалась два выстрѣла: Пятница превзошелъ меня въ искусствѣ стрѣлять, потому что онъ убилъ двухъ и ранилъ трехъ дикихъ, а я убилъ только одного и ранилъ двухъ.

Всѣ дикіе вскочили съ земли бѣ сматеніи и страшномъ испугѣ, не зная, откуда былъ этотъ смертоносный громъ. Не давая имъ ни минуты опомниться, мы вторично выстрѣлили въ нихъ. Еще было убито двое дикихъ, а ранено очень много. Они отъ испуга и отъ боли бѣгали и туда и сюда, не зная что дѣлать; кровь текла изъ ранъ ихъ, и минуту спустя двое изъ нихъ упали замертво на землю.

Положивъ на землю разряженный ружья, я взялъ мушкетъ и велѣлъ Пятницѣ слѣдовать за мною. Мы выбѣжали изъ лѣсу и съ крикомъ бросились на дикихъ. Наше внезапное появленіе привело ихъ еще въ большой страхъ. — Я подбѣжалъ къ связанному плѣннику, который лежалъ между моремъ и мѣстомъ пиршества. Палачи, которые были уже готовы убить его, оставили свою жертву въ ту минуту какъ раздалась первые два выстрѣла, побѣжали къ берегу и бросились въ лодку. Трое другихъ дикихъ послѣдовали за нами.

Я закричалъ Пятницѣ, чтобы онъ стрѣлялъ въ нихъ. Онъ подбѣжалъ къ нимъ довольно близко и выстрѣлилъ. Я думалъ сначала, что онъ убилъ ихъ всѣхъ, потому что они всѣ упали, но спустя нѣсколько минутъ трое изъ нихъ встали. Между тѣмъ какъ мой слуга и товарищъ уничтожали непріятеля, я нежѣмъ разрѣзалъ веревки, которыми былъ связанъ европеецъ, и видя, что онъ отъ слабости не могъ даже сидѣть, я далъ ему выпить глотокъ рому и предложилъ ему кусокъ хлѣба. Я узналъ отъ него, что онъ испанецъ. Когда онъ подкрѣпилъ себя нѣсколько, я далъ ему пистолетъ и саблю. Онъ взялъ ихъ съ выраженіемъ признательности, и это оружіе какъ бы придало ему новыя силы и храбрость. Онъ всталъ поспѣшно и бросился съ яростію на своихъ враговъ и, ловко владѣя саблею, убилъ двоихъ дикихъ. Въ это время Пятница проворно сбѣгалъ въ лѣсъ и принесъ оттуда разряженныя ружья. Когда я заряжалъ ихъ, одинъ изъ дикихъ напалъ на испанца съ большимъ деревяннымъ ножѣмъ. Испанецъ хотя былъ слабъ, но защищался храбро и нанесъ противнику своему двѣ раны въ голову. На помощь къ этому дикому прибѣжалъ другой, схватилъ сзади испанца и, бросивъ его на землю, старался отнять у него саблю. Испанецъ, не теряя присутствія духа, выпустилъ изъ рукъ свою саблю и, доставъ пистолетъ, выстрѣлилъ и убилъ наповаль дикаго. Пятница, взявъ одно изъ заряженныхъ мною ружей, погнался за двумя дикими и ранилъ ихъ обоихъ. Они побѣжали и скрылись въ лѣсу. Пятница погнался и туда за ними и убилъ одного изъ нихъ прикладомъ ружья, а другой, который чрезвычайно быстро бѣгалъ, ускользнулъ отъ него и, подбѣжавъ къ берегу, бросился стремглавъ въ море. Онъ вскорѣ догналъ

лодку съ тремя своими земляками и сълъ съ ними вмѣстѣ. Такимъ образомъ изъ цѣлой толпы дикихъ только четверо спаслись отъ рукъ нашихъ.

Мнѣ хотѣлось догнать убѣжавшихъ. Я бросился въ лодку и велѣлъ Пятницѣ слѣдовать за мною. Какъ удивился я, когда увидѣлъ въ этой лодкѣ еще одного плѣннаго, у котораго тоже были связаны руки и ноги. Прежде всего

я освободилъ его отъ веревокъ и старался поднять его на ноги, но онъ не могъ ни встать ни говорить, а только жалобно стоналъ и горько плакалъ, думая что пришли вести его на смерть.

Пятница, вошедъ въ лодку и взглянувъ на плѣннаго, бросился вдругъ къ нему, обнималъ его, плакалъ, смѣялся билъ въ ладони, плясалъ и прыгалъ какъ съумасшедшій. Я спросилъ у него о причинѣ такихъ странныхъ поступковъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: это мой отецъ, мой отецъ! Пятница былъ такъ радъ, что совершенно забылъ о врагахъ своихъ и о друзьяхъ: онъ то скакалъ къ отцу въ лодку, то выпрыгивалъ изъ нея, то опять садился вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, ласкался къ нему, прижималъ его голову къ груди своей и растиралъ ему руки и ноги, опухшія отъ веревокъ, чтобы уменьшить боль въ нихъ.

Этотъ случай помѣшалъ намъ гнаться за непріятелями нашими, что и было къ нашему благополучію, потому что черезъ полчаса послѣ этого поднялась на морѣ страшная буря съ вихремъ продолжавшаяся всю ночь. Дикіе убѣжавшіе на лодкѣ, вѣроятно погибли или снесены были въ другую сторону, такъ какъ вѣтеръ имъ былъ совершенно противный.

Желая поподчивать своихъ новыхъ гостей, я велѣлъ Пятницѣ сбѣгать домой и принести чего нибудь съѣстнаго. Онъ тотчасъ же отправился и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился, принеся съ собою сушеннаго винограда, пироговъ, черепашихъ яицъ и воды. Онъ все это наложилъ передъ отцемъ своимъ, несколько не думая ни обо мнѣ, ни объ испанцѣ, который тоже имѣлъ нужду въ подкрѣпленіи силъ своихъ. Испанецъ изнемогъ до такой степени, что лежалъ

на травѣ подѣ тѣнию дерева, не двигаясь съ мѣста и едва открывая глаза. — Я велѣлъ Пятницѣ растирать ему руки и ноги ромомъ, что и помогло ему.

Лишь только мои гости оправились немного, то я сталъ заботиться, какъ бы ихъ перевести въ мое жилище. Они были такъ слабы, что не могли ходить. Мой сильный, молодой Пятница взялъ его себѣ на плечи и отнесъ въ лодку, гдѣ находился отецъ его, потомъ отвалилъ отъ берега и, не взирая на бурю, привезъ ихъ въ заливъ, находившійся близъ моихъ укрѣпленій. Онъ такъ проворно ѣхалъ по водѣ, что я едва по сухому пути поспѣлъ къ ихъ прибытію. Мы сдѣлали родъ носилокъ, положили на нихъ своихъ гостей и понесли ихъ къ себѣ. Такъ какъ перенести ихъ чрезъ стѣну моего замка не было никакой возможности, то мы устроили для нихъ шалашъ изъ вѣтвей и парусины, приготовили имъ постели изъ рисовой соломы и дали по одѣялу.

Теперь мой островъ населенъ, я сталъ богатъ подданными и могъ считать себя небольшимъ монархомъ. Подданные мои были въ совершенномъ повиновеніи у меня. Я былъ и законодатель для нихъ и государь. Всѣ они были одолжены мнѣ спасеніемъ ихъ жизни, слѣдовательно должны были имѣть признательность ко мнѣ и вѣрно служить мнѣ во всемъ.

Устроивъ помѣщеніе для моихъ новыхъ сотоварищей, я сталъ заботиться о приготовленіи имъ какого нибудь кушанья. По моему приказанію, Пятница сходилъ въ ближайшій табунъ, и принесъ оттуда годовалаго козленка. — Я распотрошилъ козленка, очистилъ его, и, разрѣзавъ на куски, приготовилъ два блюда, изъ которыхъ одно состояло изъ духового мяса, а другое было жареное съ рисомъ и рожью,

Я самъ отнесъ все это въ новую палатку и сѣлъ съ гостями обѣдать или, лучше сказать, ужинать. Пятница служилъ за столомъ, подавалъ кушанье мнѣ, отцу своему и испанцу, который очень хорошо говорилъ на языкѣ дикихъ.

Пужинавъ, я приказалъ Пятницѣ взять лодку и ѣхать за оружіемъ, которое мы оставили на полѣ сраженія. Когда онъ возвратился съ нимъ, наступала уже ночь, которую мы провели спокойно, усталые и измученные дневнымъ трудомъ и заботами.

ГЛАВА XXV.

Уборка мертвыхъ тѣхъ. Разговоръ Робинзона съ отцомъ Пятницы и испанцемъ. Заготовленіе разныхъ провизій для себя и для будущихъ гостей. Отправленіе отца Пятницы и испанца за соотечественниками его.

На слѣдующій день, по моему приказанію, Пятница зарылъ въ глубокую яму убитыхъ дикихъ и всѣ остатки послѣ ихъ пиршенства, которые валялись на берегу въ разныхъ мѣстахъ. Берегъ сталъ совершенно очищенъ и не оставалось никакого признака, что тутъ находились трупы, кости и цѣлыя куски человѣческаго мяса.

Въ этомъ же день я вступилъ въ разговоры съ моими новыми товарищами, начавъ съ отца Пятницы. Я спросилъ у него, что онъ думаетъ о тѣхъ дикихъ, которые убѣжали отъ насъ, и не пріѣдутъ ли они опять на мой островъ съ толпами своихъ соотечественниковъ. Пятница служилъ переводчикомъ между мною и отцемъ своимъ. Старикъ отвѣчалъ на мой вопросъ, что, по его мнѣнію они погибли во время бури, а если и не погибли, то снесены въ другую сторону, къ западнымъ берегамъ материка, гдѣ и будутъ съѣдены тамошними жителями. Если же они, прибавилъ онъ, къ великому своему счастью, достигнутъ своей родины, то

непремѣнно будутъ съ ужасомъ рассказывать своимъ землякамъ, что товарищи ихъ были убиты на островѣ молніею и громомъ, и что два какіе-то злобные духи сошли съ высоты горъ и безпощадно поражали ихъ своимъ смертоноснымъ громомъ и огнемъ.

Не смотря на этотъ отвѣтъ, я все таки опасался прибытія дикихъ на островъ и старался принять всевозможныя мѣры къ оборонѣ и быть всегда готовымъ къ сопротивленію. Притомъ теперь насъ было четверо и намъ не страшно было вступить въ бой съ сотнею дикихъ.

— Если я прїѣду къ вамъ, спросилъ я у старика, что тогда со мною будетъ?

— Они тебя примутъ очень хорошо, изъ любви ко мнѣ, отвѣчалъ отецъ Пятницы.

Что же касается до испанца, то онъ напротивъ былъ очень недоволенъ соотечественниками Пятницы. Онъ говорилъ, что тамъ осталось шестнадцать человѣкъ, частію испанцевъ, частію португальцевъ, которые потерпѣли кораблекрушеніе и живутъ теперь въ землѣ дикихъ, хотя и мирно съ ними, но терпятъ во всемъ большія недостатки и чуть-чуть не умираютъ съ голоду, и что у нихъ есть нѣсколько оружія, которое имъ впрочемъ бесполезно, потому что у нихъ нѣтъ ни пороха, ни пуль. Я узналъ также отъ него, что они плыли на кораблѣ изъ Ріо де ла Плата и везли мѣха и серебро въ Гаванну; но какъ во время этого пути случилась буря и корабль ихъ разбился о подводные камни, то они пересѣли съ него на шлюпку и были принесены къ тамошнему берегу.

— Не пожелаютъ ли они прїѣхать сюда ко мнѣ на островъ? сказалъ я испанцу; тогда мы устроили бы общими

силами наше освобожденіе. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что они вѣроятно примутъ съ большимъ удовольствіемъ это предложеніе, и что я могу рассчитывать на ихъ признательность и совершенную покорность ко мнѣ. Я со старикомъ дикимъ отправлюсь къ нимъ, прибавилъ онъ, и предложу имъ ѣхать сюда, и если они изъявятъ свое согласіе, то обяжу ихъ клятвою, что они будутъ жить здѣсь мирно и повиноваться во всемъ владѣтелю острова до тѣхъ поръ, пока мы не возвратимся въ европейскія земли.

Я былъ совершенно съ нимъ согласенъ; но онъ совѣтовалъ мнѣ отсрочить поѣздку до слѣдующей жатвы, потому что надобно было заготовить разной провизіи для будущихъ гостей и на довольно долгое время.

Его совѣтъ мнѣ казался очень благоразумнымъ, и я находилъ въ немъ столько доказательствъ его ко мнѣ вѣрности, что былъ вполне доволенъ имъ и рѣшился послѣдовать ему.

Такъ какъ время посѣвъ приближалось, то мы всѣ четверо принялись за обработываніе земли нашими плохими деревянными инструментами. Вспахавши очень большое пространство земли, мы посѣяли 22 четверика ржи и 16 гарцевъ рису. Кромѣ посѣяннаго хлѣба, у насъ оставалось его еще достаточное количество, такъ что безъ труда можно было прокормиться въ теченіе 6 мѣсяцевъ до слѣдующей жатвы.

Теперь мнѣ предстояло заняться приготовленіемъ матеріаловъ для постройки судна для нашего путешествія. Я велѣлъ Пятницѣ и отцу его срубить и очищать отъ вѣтвей тѣ деревья, которыя по моему мнѣнію годились на эту постройку. Надсмотрщикомъ надъ ними былъ поставленъ мною

испанецъ. Я показалъ имъ, съ какимъ долгимъ и усиленнымъ трудомъ можно было сдѣлать безъ надлежащихъ инструментовъ одну только доску изъ одного большаго дерева. Они чрезъ нѣсколько времени приготовили двѣ дюжины досокъ, очень хорошихъ, изъ дубоваго дерева. Эти доски были шириною въ два фута, длиною въ 35 футовъ, а толщиною отъ 2 до 4 дюймовъ. Можно понять, съ какимъ трудомъ все это было сдѣлано.

Въ тоже самое время я заботился объ умноженіи моего стада. То самъ я ходилъ на охоту съ Пятницей, то посылалъ съ нимъ испанца, и мы такимъ образомъ въ теченіе одного мѣсяца поймали 22 козленка и 10 козъ. Если случилось намъ убить козу, то мы сберегали ея козлятъ. Всѣ пойманныя нами козы и козлята были распределены по нашимъ табунамъ. Когда же созрѣлъ виноградъ, то мы насушили его столько, что можно было имъ наполнить до 60 боченковъ. Мы обыкновенно ѣли эти ягоды съ хлѣбомъ, что и составляло главную часть нашей пищи.

Настало время уборки хлѣба. Урожай чрезвычайно былъ хорошъ и вполне соответствовалъ нашимъ желаніямъ. Посѣянные нами 22 четверика ржи принесли 220 четвериковъ, и 16 гарнцевъ рису — до 150 гарнцевъ. Этого хлѣба достаточно было для насъ и для будущихъ гостей нашихъ на долгое время.

Окончивъ всѣ эти приготовленія, я позволилъ испанцу ѣхать вмѣстѣ съ отцемъ Пятницы на твердую землю за своими соотечественниками. Я ему далъ письменное приказаніе не привозить ко мнѣ на островъ ни одного человѣка безъ того, чтобы онъ не поклялся предъ нимъ и предъ отцемъ Пятницы, быть въ совершенной зависимости отъ меня и

повиноваться мнѣ во всемъ. Сверхъ сего, я велѣлъ также ему взять съ нихъ письменное обязательство, подписанное ими всѣми въ томъ, что они непрекословно будутъ исполнять, въ чемъ клялись.

Получивъ эти приказанія, испанецъ отправился съ отцемъ Пятницы въ той самой лодкѣ, въ которой привезены они были на островъ каннибалами. Я каждому изъ нихъ далъ по мушкету и по 8 зарядовъ пороха и пуль, и совѣтовалъ, чтобъ они тратили эти заряды при необходимыхъ только обстоятельствахъ. Крімъ сего я отпустилъ съ ними хлѣба и сушенаго винограда на нѣсколько дней и такую же провизію на 8 дней для испанцевъ. Наконецъ я и Пятница простились съ ними; они отправились въ море при тихомъ вѣтрѣ, во время полнолунія; это было въ октябрѣ мѣсяцѣ, по моему расчисленію.

ГЛАВА XXVI.

Пріѣздъ на островъ взбунтовавшихся англичанъ противъ своего Капитана. Разговоръ и совѣщанія Робинзона съ Капитаномъ. Условія, предложенныя Капитану. Нападеніе на бунтовщиковъ и приведеніи ихъ въ покорность.

Въ теченіе восьми дней я дожидался возвращенія моихъ депутатовъ. Однажды утромъ, когда еще я спалъ, Пятница вбѣжалъ ко мнѣ и своимъ крикомъ разбудилъ меня: Господинъ, господинъ мой! они пріѣхали, они пріѣхали! Я поспѣшно всталъ, одѣлся и отправился съ Пятницею черезъ лѣсъ къ берегу. Взглянувъ на море, я увидѣлъ плывшую шлюпку на разстояніи полуторы мили отъ острова, она была съ трехъугольнымъ парусомъ и плыла по направленію къ намъ. Спрячясь, сказалъ я Пятницѣ, потому что на шлюпкѣ плывутъ не тѣ, которыхъ мы ожидаемъ, и мы теперь не можемъ знать, враги они намъ или друзья.

Я влѣзъ на высокую скалу и посмотрѣлъ въ зрительную трубу. Въ разстояніи двухъ съ половиною миль стоялъ на якорѣ корабль, похожій по своему устройству на англійскій. Я не могу выразить тѣхъ впечатлѣній, которыя произвелъ видъ этого корабля на мое воображеніе. Чрезмѣрна была

моя радость при одной мысли, что на кораблѣ находились мои соотечественники. Однако мнѣ показалось страннымъ, какимъ образомъ и зачѣмъ попали англичане въ эту часть свѣта, въ которой они не производятъ никакой торговли. Развѣ были занесены бурей, но бури не было. Вѣроятно, думалъ я, что какія-нибудь другія дурныя причины заставили ихъ приѣхать сюда.

Спустя немного времени шлюпка подошла къ берегу. Находившіеся на ней люди старались ввести ее въ какой нибудь заливъ, но такъ какъ тамъ не было никакого залива, то они привалили къ песку, въ разстояніи на одну четверть мили отъ моего жилища. Я былъ очень радъ, что такъ случилось, а то иначе они могли бы остановиться прямо противъ моей двери, выгнали бы меня изъ моего замка и завладѣли бы всею моимъ имуществомъ. Всѣхъ приѣхавшихъ на шлюпкѣ было одиннадцать человѣкъ. Это были англичане, исключая двухъ, которые по костюму походили на голландцевъ. Трое изъ нихъ были безъ всякаго оружія и связаны, одинъ изъ сихъ послѣднихъ, казалось, былъ убитъ чрезмѣрною горестію, другіе два были тоже печальны, но не въ такой степени, какъ первый. Пятница сказалъ мнѣ тогда: вотъ и англичане ѣдятъ своихъ плѣнныхъ точно также, какъ и дикіе. — Нѣтъ, нѣтъ, Пятница, отвѣчалъ я: я боюсь только, чтобъ они не убили ихъ, ѣсть же они ихъ не станутъ, въ этомъ я увѣренъ. Дѣйствительно, вскорѣ одинъ изъ матросовъ замахнулся своею большою саблею на одного изъ плѣнныхъ. Я думалъ, что злодѣй сейчасъ убьетъ его, и кровь застыла въ моихъ жилахъ.

Мнѣ хотѣлось, во что бы ни стало, спасти этихъ трехъ несчастныхъ. Въ то время, тогда матросы бродили по острову,

я замѣтилъ, что плѣнные были свободны идти, куда хотятъ; но они не смѣли этого сдѣлать и сидѣли на землѣ, задумчивые и печальные. Англичане прибыли на островъ во время прилива, теперь же начался отливъ, а потому шлюпка ихъ осталась на сушѣ. Хотя въ ней и находились два матроса, но они были пьяны и спали. Одинъ изъ нихъ проснулся и видя, что шлюпка тлупко ѡшла въ песокъ, сталъ кричать, призывая къ себѣ другихъ; но однако же всѣ они не могли вытащить ее, потому что она была очень тяжела. Видя такое затрудненіе, они, какъ настоящіе моряки, т. е. люди самые беззаботные въ свѣтѣ, перестали думать о шлюпкѣ и опять ушли въ лѣсъ.

Приливъ долженъ былъ начаться по прошествіи 10 часовъ, и я въ это время придумывалъ разныя средства къ спасенію плѣнныхъ. Я приготовился къ битвѣ съ величай-

шею предосторожностію, потому что предстояло имѣть дѣло не съ боязливими дикими а съ опытными Европейцами. Пятница по моему приказанію тоже вооружился, я очень надѣялся на него, потому что онъ стрѣлялъ превосходно. Самая фигура моя могла привести всякаго человѣка въ ужасъ. На головѣ моей была надѣта большая лохматая шапка изъ козьей шкуры, съ лѣваго боку висѣла голая шпага, за поясомъ заткнуты были три пистолета, и находилось по ружью на каждомъ плечѣ. Я пошелъ къ плѣннымъ; Пятница слѣдовалъ за мною издали.

Подойдя къ нимъ, я сказалъ громко по-испански: «господа кто вы?» Они мнѣ ничего не отвѣчали и, казалось, хотѣли бѣжать отъ страха.

— Господа, продолжалъ я по-англійски, не бойтесь меня: можетъ быть, вы найдете во мнѣ самаго лучшаго друга вашего.

Это существо должно быть сослано съ неба, потому что наши несчастія выше всякой помощи человѣческой, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Всякая помощь посылается свыше, отвѣчалъ я; желаете ли вы, чтобы я помогъ вамъ освободиться?

Одинъ изъ плѣнныхъ со страхомъ и со слезами на глазахъ спросилъ: «съ кѣмъ мы говоримъ — съ человѣкомъ или духомъ?»

— Успокойтесь, господа, отвѣчалъ я, духъ предсталъ бы предъ вами не въ такой плохой одеждѣ, какъ моя, и съ другими бы оружіями. Я точно такой же человѣкъ какъ и вы, и даже одной націи съ вами и готовъ къ вашимъ услугамъ. Прошу васъ, разскажите мнѣ ваши приключенія.

Повѣсть наша долга, а враги наши близко, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Только могу сказать вамъ, что я капитанъ того корабля, который противъ этого острова стоитъ на якорѣ, матросы взбунтовались противъ меня и сначала хотѣли умертвить меня, а потомъ передумали и рѣшили оставить меня на этомъ пустомъ островѣ съ этиими двумя людьми, изъ которыхъ одинъ мой штурманъ, а другой пассажиръ.

— «Гдѣ же теперь эти бунтовщику?» спросилъ я. «Они вонъ тамъ, отдыхаютъ», отвѣчалъ онъ, указывая мнѣ пальцемъ на густую рощу. Я спросилъ, есть ли у нихъ какое нибудь огнестрѣльное оружіе и узналъ, что у нихъ только и есть два ружья, изъ которыхъ одно находится въ шлюпкѣ. «Теперь предоставьте мнѣ дѣйствовать, сказалъ я капитану, враги ваши спятъ и ихъ легко можно умертвить всѣхъ». Но онъ мнѣ замѣтилъ, что изъ числа ихъ только два негодая, отъ которыхъ ничего нельзя ожидать хорошаго, и что прочіе, увлеченные или принужденные ими, легко могутъ раскаяться и обратиться къ повиновенію». «Я издали не могу вамъ показать этихъ злодѣевъ», прибавилъ онъ, «впрочемъ я готовъ во всемъ слѣдовать вашимъ приказаніямъ».

— Ну, хорошо, сказалъ я, пойдите въ лѣсъ, чтобъ они не услышали и не примѣтили насъ, когда проснутся. — Тамъ посоветуемся, что намъ дѣлать.

Когда мы вошли въ лѣсъ, я сказалъ капитану: «милостивый государь, я рѣшуеъ на все для вашего спасенія, но только съ двумя слѣдующими условіями. Во-первыхъ, чтобъ господинъ капитанъ во время пребыванія своего на островѣ не присвоивалъ бы себѣ никакой власти, былъ бы во всемъ послушенъ и строго бы исполнялъ мои приказанія. Во вто-

рыхъ; если намъ удастся овладѣть кораблемъ, то капитанъ обязанъ отвезти меня и моего слугу Пятницу въ Англію, не полагая съ насъ ничего за провозъ».

Капитанъ и оба его товарища съ радостію приняли эти условія и клялись слѣдовать за мною повсюду и во всемъ повиноваться мнѣ, если даже имъ не удастся опять завладѣть кораблемъ. Послѣ сего я далъ имъ всеѣмъ троицѣ по ружью, пороху и пулю, и совѣтовалъ напасть на сонныхъ, но пощадить жизнь тѣхъ, которые были увлечены бунтовщиками и по неволѣ возстали противъ своего капитана. Капитанъ съ свойственною ему кротостію сказалъ мнѣ: «Я вообще не люблю кровопролитія и отвращаюсь отъ него; но двухъ главныхъ зачинщиковъ нельзя оставить въ живыхъ, потому что они неисправимы и при первомъ удобномъ случаѣ опять возстанутъ противъ меня, а это обстоятельство грозитъ мнѣ непремѣнною смертію.

Во время этихъ совѣщаній двое изъ бунтовщиковъ встали и пошли прочь отъ своихъ товарищей. На вопросъ мой, не это ли главные бунтовщики? Капитанъ отвѣчалъ, что — нѣтъ. «Ну хорошо, сказалъ я, оставимъ ихъ въ покоѣ. Кажется, само Провидѣніе разбудило ихъ. Что же касается до прочихъ, то если вы не овладѣете ими, виноваты будете въ томъ сами».

Тогда капитанъ, держа наготовѣ свое ружье, пошелъ съ двумя товарищами его къ спавшимъ бунтовщикамъ. При ихъ приближеніи, одинъ бунтовщикъ проснулся и началъ криками будить прочихъ; но въ это время штурманъ и пассажиръ выстрѣлили изъ своихъ ружей, а капитанъ, прицѣлившись въ зачинщиковъ бунта, убилъ одного изъ нихъ на повалъ, а другаго ранилъ. Этотъ послѣдній сталъ просить

помилованія. «Теперь поздно просить помилованія», вскричалъ капитанъ, и ударомъ ружейнаго приклада повалилъ злодѣя замертво на землю.

Оставалось еще трое бунтовщиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ легко раненъ. Они вздумали было сопротивляться; но въ это время я съ Пятницею подошелъ къ нимъ. Увидѣвъ насъ, такъ вооруженныхъ и въ такихъ странныхъ костюмахъ, они струсили и просили пощады, не надѣясь на свою силу. Капитанъ согласился на ихъ просьбы съ тѣмъ, чтобы они помогли ему овладѣть кораблемъ и ѣхать на немъ въ Ямайку, откуда онъ шелъ. Они дали въ этомъ торжественную клятву, и дозволили безъ всякаго прекословія связать себѣ руки и ноги.

Я велѣлъ Пятницѣ и штурману убрать всѣ весла и паруса со шлюпки и спрятать ихъ. Въ то время, какъ они заняты были этой работой, трое матросовъ, находившіеся отъ насъ въ противоположной сторонѣ лѣса, услышавъ выстрѣлы, возвратились оттуда и видя, что бывшій ихъ капитанъ изъ плѣнника сдѣлался опять ихъ начальникомъ, сдались ему добровольно. Они были точно также связаны, какъ и первые. Теперь оставалось намъ завладѣть кораблемъ, о чемъ и расскажу я въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ХЖVII.

Вторая шлюпка, посланная съ корабля. Распоряженія Робинзона на счетъ плѣнныхъ. Хитрость его остановить бунтовщиковъ на островѣ. Нападеніе на бунтовщиковъ. Прощеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Капитанъ овладѣваетъ кораблемъ, и пушечными выстрѣлами извѣщаетъ о томъ Робинзона.

Капитанъ увѣрялъ меня, что нѣтъ средствъ завладѣть кораблемъ, на которомъ оставалось еще 26 бунтовщиковъ. — «Они, говорилъ онъ, будутъ защищаться отчаянно: имъ очень хорошо извѣстно, что, по прибытіи въ Англію, или въ какую нибудь Англійскую колонію, они будутъ непремѣнно повѣшены».

— Надобно употребить какую нибудь хитрость, чтобы овладѣть кораблемъ, сказалъ я, и воспрепятствовать тому, чтобы весь экипажъ не высадили на островъ и не уничтожилъ бы насъ всѣхъ. По моему мнѣнію, прежде всего нужно затопить лодку, чтобы наши плѣнные не могли возвратиться на ней къ кораблю, еслибы имъ удалось какъ нибудь ускользнуть изъ нашихъ рукъ.

Капитанъ одобрилъ это и, по моему приказанію, Пятница и штурманъ, повертѣвъ на днѣ ея большое отверстіе, затопили ее. Едва они успѣли это сдѣлать, какъ послышался съ

корабля пушечный выстрѣлъ, которымъ вѣроятно давалось знать, чтобы шлюпка возвратилась назадъ. Видя, что шлюпка не возвращается, съ корабля было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ въ продолженіе получаса времени. Наконецъ мы увидѣли чрезъ зрительную трубку, что спущена была съ корабля другая шлюпка, въ которой находились десять человекъ, хорошо вооруженныхъ. Этой шлюпкой управлялъ боцманъ.

Когда шлюпка приближалась къ берегу, капитанъ сказалъ мнѣ, что въ числѣ 10 человекъ, находившихся въ ней, были три матроса, очень честные, которые, положительо можно сказать, были насильно вовлечены въ заговоръ. Что же касается до боцмана и до прочихъ, прибавилъ онъ, то они всѣ непримиримые враги мои, злодѣи въ высочайшей степени, и что намъ будетъ невозможно сопротивляться имъ.

— Прекрасно, сказалъ я, стараюсь уничтожить опасенія капитана: мы постараемся этихъ трехъ матросовъ привлечь на нашу сторону, а съ остальными справимся съ помощію Божіей, и отъ насъ будетъ зависѣть ихъ жизнь или смерть.

Надобно замѣтить, что при первомъ еще появленіи на морѣ второй шлюпки, мною были сдѣланы распоряженія относительно взятыхъ нами въ плѣнъ. Два подозрительнѣйшихъ бунтовщика были отведены Пятницею въ гротъ, изъ котораго не могли найти дороги черезъ лѣсъ, хотя бы и освободились отъ веревокъ, которыми были связаны у нихъ руки и ноги. Другіе двое, менѣе подозрительные, были помѣщены въ моемъ жилищѣ. Что же касается до двухъ остальныхъ, то я взялъ ихъ къ себѣ въ услуженіе, по рекомендаціи капитана и послѣ ихъ клятвы оставаться мнѣ вѣрными до смерти. Теперь насъ было семь человекъ, хо-

рошо вооруженныхъ, и я надѣялся, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ, разчитывая еще на трехъ, прїѣхавшихъ въ шлюпкѣ, въ вѣрности которыхъ капитанъ не сомнѣвался.

Подѣхавъ къ берегу, бунтовщики вышли изъ шлюпки и потомъ вытащили ее на песокъ. Прежде всего они обратили вниманіе на прежнюю затопленную шлюпку, и находились въ большомъ удивленіи. Нѣсколько минутъ спустя, они начали кричать, чтобы подать знакъ своимъ товарищамъ, которыхъ кликали по именамъ. На ихъ крики не было никакого отвѣта. Тогда они стали въ кружокъ и сдѣлали залпъ изъ всѣхъ ружей, которые были при нихъ; но и этотъ залпъ былъ трудъ напрасный. Не получивъ никакого отвѣта на выстрѣлы, бунтовщики были въ большомъ недоумѣніи и хотѣли возвратиться на корабль, чтобы разсказать тамъ, что шлюпка затоплена, а товарищи ихъ должно быть убиты. Съ этою цѣлю они двинули шлюпку въ море и всѣ сѣли въ нее; но, отплывъ нѣсколько сажень, опять привалили къ берегу, чтобы продолжать свои поиски. Въ шлюпкѣ оставлены были три матроса, которые, отѣхавъ на нѣсколько сажень отъ берега, спустили якорь. Остальные бунтовщики взошли на высокій холмъ, чтобы осмотрѣть мѣстность острова. Тамъ принимались они по нѣсколько разъ кликать своихъ товарищей, но это было напрасно. Далѣе, въ глубь острова, они повидимому опасались идти и, сѣвши на землю, стали о чемъ-то совѣтоваться. Послѣ довольно долгаго совѣщанія они встали наконецъ и пошли къ берегу.

Капитанъ былъ въ отчаяніи, видя, что они уѣдутъ совсѣмъ; но я придумалъ хитрость, посредствомъ которой намъ удалось остановить бунтовщиковъ. Я приказалъ штур-

ману и Пятницѣ обойти зливъ, находившійся близъ моего жилища, и идти въ ту сторону, гдѣ я спасъ жизнь моему Пятницѣ. Они должны были на всякомъ холмѣ, который имъ попадется на пути, громко кричать, какъ будто бы они были товарищи пріѣхавшихъ и стараться заманить бунтовщиковъ въ глубину острова.

Бунтовщики сѣли уже въ шлюпку и готовы были плыть, какъ вдругъ услышали въ лѣсу крикъ. Тогда они вышли на берегъ и отправились въ ту сторону, откуда послышался этотъ крикъ. Пройдя нѣсколько сажень, они подошли къ заливу, который былъ довольно глубокъ и далеко вдавался въ землю. Тогда они велѣли подѣхать къ нимъ своей шлюпкѣ, чтобы перевезти ихъ на другую сторону залива. Я это предвидѣ и желалъ этого. Переѣхавъ на другую сторону, они оставили шлюпку на якорѣ и при ней двухъ матросовъ, а сами пошли въ лѣсъ. Мнѣ только это и нужно было. Оставивъ штурмана и Пятницу продолжать порученное имъ дѣло, я взялъ съ собою всѣхъ оставшихся при мнѣ товарищей и сдѣлалъ быстрый обходъ на другую сторону залива. Мы подошли довольно близко къ шлюпкѣ, въ которой находился только одинъ матросъ, а другой спалъ на берегу. Капитанъ стремительно бросился на спящаго и прикладомъ ружья убилъ его; потомъ, обратясь къ другому, находившемуся въ лодкѣ, приказывалъ ему сдаться. Матросъ безпрекословно исполнилъ приказаніе капитана. Это былъ одинъ изъ тѣхъ троихъ, въ благонамѣренности которыхъ капитанъ не сомнѣвался. Онъ съ радостію присоединился къ намъ и служилъ намъ вѣрно.

Въ это время Пятница и штурманъ дѣлали свое дѣло, какъ нельзя быть лучше. Они на каждомъ холмѣ кричали

и отвѣчали на крики матросовъ, и такимъ образомъ заманили непріятелей въ самую чашу лѣса, откуда они никакъ не могли выбраться ближе сумерокъ. Наконецъ Пятница и штурманъ возвратились ко мнѣ чрезвычайно усталые; впрочемъ они успѣли довольно отдохнуть до того времени, въ которое я предполагалъ сдѣлать атаку.

Было уже очень темно, когда бунтовщики пришли изъ лѣсу на берегъ. Нельзя выразить того изумленія, въ которомъ находились мятежники, видя, что шлюпка ихъ, по случаю отлива, лежитъ на пескѣ и нѣтъ двухъ матросовъ, оставленныхъ при ней. Они думали, что находятся на очарованномъ островѣ, ходили безъ всякой цѣли то туда, то сюда, какъ обезумленные, и ломали свои руки.

Всѣ мои сотоварищи изъявили желаніе тотчасъ же напасть на нихъ, но я хотѣлъ ихъ взять болѣе выгоднымъ манеромъ такъ, чтобъ сохранить жизнь большей части изъ нихъ, и не потерять ни одного изъ своихъ. Въ это время самый главный бунтовщикъ, боцманъ, въ сопровожденіи двухъ матросовъ, пошелъ въ ту сторону, гдѣ находился въ засадѣ капитанъ, который, допустивъ къ себѣ на нѣсколько шаговъ своего непримиримаго врага, выстрѣлилъ и убилъ его. Одинъ изъ матросовъ былъ сильно раненъ въ животъ и черезъ нѣсколько минутъ умеръ, а другой спасся бѣгствомъ.

Въ слѣдъ за этимъ выстрѣломъ, я быстро подошелъ къ оставшимся бунтовщикамъ со всею своею арміею, состоявшею изъ восьми человекъ. Ночь была темная и имъ невозможно было узнать, въ какомъ числѣ находились мы. Я приказалъ тому матросу, котораго мы взяли въ плѣнъ изъ шлюпки, чтобы онъ назвалъ поименно всѣхъ оставшихся бунтовщиковъ и узналъ бы, хотятъ ли они сдаться или

лишиться жизни. Они согласились безпрекословно сдаться, чего и нужно было ожидать.

Капитанъ обѣщалъ всѣмъ прощенія, кромѣ Аткинса. Всѣ они, казалось, раскаялись и съ покорностію просили пощадить ихъ жизнь. Онъ отвѣчалъ имъ, что они не его плѣнники, но губернатора острова, отъ котораго зависить все. Онъ можетъ пощадить васъ, умертвить или отослать въ Англію и предать васъ въ руки правосудію. Что же касается до Аткинса, то я имѣю отъ губернатора особое предписаніе и совѣтую ему готовиться къ смерти, потому что ему вазначена висѣлица. Аткинсъ, упавъ на колѣни, съ покорностію просилъ исходатайствовать ему прощеніе отъ губернатора, а прочіе умоляли, чтобы ихъ не отсылали въ Англію.

Чтобы привести въ большое заблужденіе заговорщиковъ, я отошелъ отъ нихъ въ сторону и велѣлъ позвать къ себѣ капитана. Находившійся недалеко отъ меня штурманъ громко закричалъ; капитанъ! господинъ губернаторъ желаетъ говорить съ вами. — Скажи его сіятельству, отвѣчалъ капитанъ, что я сейчасъ явлюсь къ нему.

Когда пришелъ ко мнѣ капитанъ, я сталъ съ нимъ совѣтоваться о томъ, какъ завладѣть кораблемъ. По общему нашему согласію, мы положили: взять Аткинса съ двумя наиболѣе преступными матросами и раздѣлить плѣнныхъ на двѣ части, изъ которыхъ одну помѣстить въ гротъ, а другую въ моемъ загородномъ домѣ. Все это и было такъ сдѣлано. Теперь участь плѣнныхъ зависѣла оттого, какъ они будутъ вести себя. Капитанъ, желая узнать ихъ мысли, говорилъ имъ объ ихъ худомъ поступкѣ противъ него, о той несчастной участи, въ которую они впали, и наконецъ о

томъ, что губернаторъ острова можетъ отослать ихъ въ Англію, гдѣ ихъ непремѣнно повѣсятъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, если вы дадите мнѣ честное слово, что останитесь мнѣ вѣрными и поможете овладѣть кораблемъ, то губернаторъ формально испроситъ вамъ полное прощеніе. Они упали на колѣни и клялись ему, что будутъ вѣрны ему до послѣдней капли крови и считаютъ его отцемъ своимъ, спасшимъ ихъ жизнь.

«Ну хорошо, я доложу объ этомъ губернатору, отвѣчалъ имъ капитанъ», и пошелъ ко мнѣ. Чтобы показать имъ, что съ ними не шутятъ, я отослалъ къ нимъ опять капитана съ слѣдующимъ приказаніемъ: губернаторъ избираетъ изъ нихъ пять человѣкъ для исполненія намѣреній капитана, прочіе пять человѣкъ остаются аманатами, и при малѣйшей измѣнѣ своихъ товарищей будутъ повѣшены на берегу морскомъ, а о поступкѣ ихъ сообщено будетъ англійскому правительству. Когда капитанъ передалъ это приказаніе заговорщикамъ, то они съ величайшею радостію обѣщались повиноваться ему.

Теперь войско, капитана состояло изъ 12 человѣкъ, и было раздѣлено на двѣ шлюпки: одною изъ нихъ командовалъ капитанъ, а другою — штурманъ, а я и Пятница должны были остаться на островѣ для присмотра надъ остальными плѣнниками. Было около полуночи, когда капитанъ отправился для взятія корабля. Подъѣзжая къ нему, капитанъ велѣлъ Жаксону кричать и увѣдомить экипажъ, что возвращаются къ нимъ обѣ шлюпки и что запоздали потому, что все искали и едва могли отыскать матросовъ первой шлюпки. Жаксонъ разными разговорами и шутками занималъ бывшихъ на кораблѣ до тѣхъ поръ, пока обѣ шлюпки подошли совсѣмъ къ кораблю.

Капитанъ и штурманъ первые взошли на корабль, бросились стремительно на одного матроса и плотника, находившихся на палубѣ, и ружейными прикладами убили ихъ. Люки тотчасъ же были заперты, чтобы бывшіе внизу матросы не могли придти на помощь. Люди второй шлюпки взошли на корабль со стороны его носовой части, очистили весь бакъ и, спустившись въ кухонный люкъ, взяли въ плѣнь трехъ бунтовщиковъ. Новый командиръ, услыхавъ необыкновенный шумъ и зная причину этому, заперся въ своей каютѣ съ тремя матросами. Капитанъ приказалъ тогда штурману взять съ собою нѣсколько людей и выломать рычагами дверь каюты. Дверь была разломана, и изъ каюты раздался залпъ изъ четырехъ ружей; но къ счастью никто не былъ убитъ, а только одинъ штурманъ слегка раненъ. Онъ, не смотря на свою рану, храбро напалъ на бунтовщика командира и выстрѣломъ изъ пистолета убилъ его. Три матроса, видя своего новаго начальника мертвымъ, тотчасъ же сдались безпрекословно. Въ два часа по полуночи весь корабль былъ въ полной власти капитана. Въ это время съ корабля было сдѣлано семь пушечныхъ выстрѣловъ. Это былъ условный знакъ, которымъ извѣщалъ меня капитанъ объ успѣхѣ. Можно догадаться, съ какою радостію я слушалъ эти выстрѣлы.

ГЛАВА XXVIII.

Капитанъ прїѣзжаетъ съ корабля къ Робинзону. Совѣщаніе ихъ о томъ, что дѣлать съ плѣнными. Пять плѣнныхъ соглашаются остаться на островѣ. Наставленія Робинзоновы плѣннымъ. Отъѣздъ Робинзона въ Англію.

Получивъ чрезъ 7 пушечныхъ выстрѣловъ радостное увѣдомленіе о взятіи корабля, я пошелъ домой и, чрезмѣрно усталый, легъ на постель и заснулъ глубокимъ сномъ. Утромъ пушечный выстрѣлъ разбудилъ меня. Едва успѣлъ я встать и одѣться, какъ услыхалъ голосъ, вовущій меня: «господинъ губернаторъ! господинъ губернаторъ! потрудитесь пожаловать ко мнѣ сюда». Это былъ голосъ капитана. Онъ стоялъ на верху скалы и дожидался меня. Когда я взошелъ къ нему, онъ нѣжно обнялъ меня и указывая рукою на море, сказалъ, «мой милый другъ и освободитель! вотъ вамъ корабль. Онъ по праву принадлежитъ вамъ, такъ какъ и я, и все находящееся въ немъ».

Я взглянулъ на морѣ и увидѣлъ корабль, стоявшій на якорѣ, разстояніемъ отъ берега на четверть мили. Корабль такъ близко былъ подвинутъ къ моему жилищу по приказанію капитана. Я съ своей стороны обнялъ его, какъ моего избавителя, посланнаго мнѣ Провидѣніемъ. Капитанъ

изъ благодарности и расположенія ко мнѣ, осыпалъ меня разными подарками и привезъ для меня съ корабля новое платье. Я сталъ совѣтоваться съ нимъ, что нужно дѣлать съ плѣнными; особливо же съ тѣми двумя закоренѣлыми злодѣями, на которыхъ не могли подѣйствовать никакія благодѣянія. Капитанъ хотѣлъ, заковавъ ихъ въ цѣпи, отвезти въ Англію и предать ихъ въ руки правосудія, и въ тоже самое время, по своему незлобію и челоуѣколюбію, сожалѣлъ объ нихъ.

— Господинъ капитанъ, сказалъ я ему, предоставьте мнѣ распорядиться этимъ. Я знаю средство, которое заставитъ этихъ разбойниковъ просить у васъ, какъ милости, позволенія остаться имъ на этомъ островѣ. Когда онъ согласился на это, я послалъ Пятницу и двухъ аманатовъ въ гротъ, чтобы взять оттуда пятерыхъ плѣнниковъ, перевезти ихъ въ мой загородный домъ и держать ихъ подъ стражею до моего прибытія.

Спустя нѣсколько времени я, надѣвъ на себя новое мое платье, чтобы въ немъ сколько нибудь походить на губернатора, пошелъ въ сопровожденіи капитана на мою дачу. Я тогда велѣлъ привести ко мнѣ плѣнниковъ и строгимъ голосомъ сказалъ: мнѣ извѣстны всѣ подробности вашего заговора противъ капитана, и всѣ мѣры, принятыя вами чтобы завладѣть кораблемъ такъ, какъ прилично только однимъ морскимъ разбойникамъ, по счастью, вы сами попали въ ту яму, которую вырыли для другихъ. Вы сейчасъ увидите, что трупъ избраннаго вами капитана будетъ повѣшенъ на главной реѣ, какъ награда за его измѣну и въ знакъ того, что съ вами будетъ поступлено точно также.

Одинъ изъ нихъ, отвѣчалъ: «мы ничего не можемъ сказать въ оправданіе наше, кромѣ того, что господинъ капи-

танъ обѣщалъ намъ испросить прощеніе и пощадить нашу жизнь >.

Не знаю, сказавъ я, что могу сдѣлать въ вашу пользу, имѣя приказаніе ѣхать отсюда въ Англію со всѣми моими людьми. Если васъ везти туда, то сами знаете, чѣмъ должно это кончиться въ томъ случаѣ, когда мнѣ не удастся исходатайствовать вамъ прощеніе у правительства. По моему мнѣнію, самое лучше для васъ то, чтобы остаться на этомъ островѣ.

Они съ большою признательностію согласились на мое предложеніе, говоря, что лучше предпочитаютъ остаться на этомъ островѣ, нежели ѣхать въ Англію, гдѣ ждетъ ихъ смертная казнь. Я сталъ просить капитана пробить здѣсь еще одинъ день, чтобы въ это время приготовить все нужное для моего отъѣзда, дать нѣкоторыя наставленія преступникамъ, которые должны будутъ остаться на островѣ. Капитанъ согласился на это и отправился на свой корабль, обѣщая прислать за мной завтра утромъ шлюпку.

Послѣ сего я призвалъ опять къ себѣ плѣнныхъ и далъ имъ наставленіе, какъ печь хлѣбъ, засѣвать поля, сушить виноградъ, однимъ словомъ, я сообщилъ имъ все необходимое, чтобы жизнь ихъ была спокойна, удобна и пріятна. Я говорилъ имъ также о шестнадцати испанцахъ которые должны скоро пріѣхать на островъ, и оставилъ имъ письмо, въ которомъ просилъ, чтобы они жили съ ними въ добромъ согласіи. Я подарилъ имъ 4 мушкета, 3 охотничьихъ ружья, три сабли и полтора боченка пороху; научилъ ихъ также какъ ходить за козами, доить ихъ и готовить изъ молока сыръ и масло. Кромѣ того я обѣщалъ имъ, что капитанъ пришлетъ имъ еще пороху, гороху и другихъ сѣмянъ для посѣва, а также ихъ платье и сундуки,

На слѣдующій день я оставил мой островъ и отправился на корабль въ шлюбокѣ, присланной за мною. Спустя нѣсколько времени отправлена была къ берегу лодка съ обѣ-

щанными мною припасами бунтовщикамъ и они приняли все присланное къ нимъ съ величайшею благодарностію.

Прощаясь съ островомъ, я взялъ съ собою мою большую шапку и одежды, спитыя изъ козьей кожи, зонтикъ и попугая, а также серебро и незначительную сумму денегъ и разныя дорогія вещи, которыя я нашель на испанскомъ кораблѣ, претерпѣвшемъ крушеніе.

Я прожилъ на островѣ 28 лѣтъ, два мѣсяца и 19 дней, и оставилъ его 19-го Декабря 1686 года, въ то самое число мѣсяца, въ которое я убѣжалъ изъ моего плѣна въ Сале. Мое путешествіе было благополучно, и я прибылъ въ Англію 11 іюня 1687 года, по 35 лѣтнемъ моемъ отсутствіи изъ отечества.

Прибывъ въ Йоркъ, я не засталъ въ живыхъ ни отца моего, ни матери, и встрѣчалъ повсюду совершенно незнакомыя мнѣ лица. Такъ какъ мои средства были ограничены, то я сначала хотѣлъ отправиться въ Бразилію и узнать тамъ, въ какомъ состояніи находятся мои плантаціи; но отдумалъ, потому что тамъ живутъ католики, которые вообще не любятъ протестантовъ. Впослѣдствіи, чрезъ разныхъ агентовъ я получилъ за проданныя мои плантаціи отъ наслѣдниковъ моихъ прежнихъ повѣренныхъ до 33,000 золотыхъ монетъ. По полученіи такого богатства, я выгодно женился и прижилъ двухъ сыновей и одну дочь, которымъ однимъ должно было достаться все мое имѣніе по смерти моей, потому что мать ихъ умерла, проживъ со мною пять лѣтъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ГЛАВА I. Происхожденіе Робинзона. Его страсть къ путешествіямъ. Бѣгство изъ родительскаго дома. Отъѣздъ въ Гвинею. Кораблекрушеніе. Дружба съ капитаномъ. Прибытіе въ Гвинею	5
ГЛАВА II. Вторичная поѣздка Робинзона. Нападеніе морскаго разбойника. Робинзонъ дѣлается невольникомъ и отвезенъ въ Сале. Печальная жизнь его. Бѣгство Робинзона и избавленіе отъ неволи	11
ГЛАВА III. Продолженіе бѣгства. Пребываніе на якорѣ близъ берега земли, на которой водилось множество дикихъ звѣрей. Ксури добываетъ свѣжей воды. Робинзонъ убиваетъ льва. Знакомство и дружба съ черными людьми. Убитый Леопардъ и благодарность за него дикихъ. Отъѣздъ отъ берега . .	17
ГЛАВА IV. Прибытіе къ Зеленому мысу. Робинзона принимаютъ на Португальскій корабль. Ксури проданъ капитану. Приѣздъ въ Бразилію и пребываніе тамъ Робинзона. Поѣздка въ Гвинею за неграми. Буря на море и кораблекрушеніе. Робинзонъ выброшенъ водою на неизвѣстный берегъ	24
ГЛАВА V. Пребываніе Робинзона на неизвѣстномъ островѣ. Ночь, проведенная на деревѣ. Робинзонъ отправляется на корабль. Онъ строитъ плотъ и переноситъ на него съ корабля разные припасы. Обратная переправа на берегъ. Охота. Робинзонъ скла-	

	Стр.
дываетъ привезенныя съ корабля вещи въ безопасное мѣсто.....	31
ГЛАВА VI. Продолженіе поѣздокъ на корабль. Неизвѣстное животное. Сонъ на европейскій манеръ. Постойка шалаша. Двѣнадцатое путешествіе на корабль. Буря уноситъ корабль. Постройка двухъ шатровъ и погреба. Охота на дивикъ возъ. Маленькій возле- нонь	40
ГЛАВА VII. Календарь Робинзона. Недостатокъ въ одеждѣ. Причина продолжительности работъ. Столярное мастерство Робинзона. Распредѣленіе дневныхъ работъ. Неизвѣстныя колосья. Жатвы и будущія надежды.....	48
ГЛАВА VIII. Землетрясеніе и буря. Мысли Робинзона о пере- мѣнѣ жилища. Онъ устраиваетъ точильную машину. Остатки корабля, прибитые водой къ острову. Ро- бинзонъ переноситъ ихъ къ себѣ. Онъ находитъ черепаху	54
ГЛАВА IX. Болѣзнь Робинзона. Страшный сонъ. Угрызенія совѣсти и раскаяніе Робинзона. Его размышленіе. Онъ лечится табакомъ. Конецъ болѣзни.....	61
ГЛАВА X. Путешествіе Робинзона по острову для изслѣдо- ванія его. Плодородіе острова. Робинзонъ нахо- дитъ разные плоды. Приготовленіе ихъ впрокъ. Робинзонъ строитъ себѣ второе жилище — дачу.	69
ГЛАВА XI. Умноженіе семейства Робинзона. Распредѣленіе упо- требленія пищи. Годовщина пребыванія Робинзо- на на островѣ. Посѣвы ржи и рису. Времена года на островѣ	75
ГЛАВА XII. Какъ Робинзонъ дѣлаетъ корзинны и горшки. Вто- рое путешествіе по острову. Онъ примѣчаетъ берегъ земли, находившійся въ 15 миляхъ отъ него. Онъ ловитъ попугая. Обратный путь Робинзона къ его жилищу. Маленькій возлежокъ	79

- ГЛАВА XIII.** Робинзонъ дѣлаетъ клетку попугаю и дружится съ нимъ. Какъ Робинзонъ начинаетъ 3-й годъ своего пребыванія на островѣ. Какъ защищается онъ отъ воровъ — звѣрей и птицъ, нападающихъ на его хлѣбъ. Заботы Робинзона объ улучшеніи земледѣльческихъ орудій. Занятіе его во время дождливой погоды 85
- ГЛАВА XIV.** Робинзонъ дѣлаетъ горшки, ступку, пестъ и сито. Супъ Робинзона. Какъ Робинзонъ устроилъ себѣ печь и какъ въ ней готовилъ себѣ хлѣбы и пироги. Жатва 91
- ГЛАВА XV.** Желаніе Робинзона ѣхать на землю, видѣнную имъ издали. Попытки его вынуть изъ песку шлюпку. Построеніе бота. Невозможность спуска его въ море. 96
- ГЛАВА XVI.** Шапка и одежда Робинзона, сдѣланныя изъ кожи. Постройка новаго бота. Неудачное путешествіе Робинзона вокругъ острова 100
- ГЛАВА XVII.** Хозяйственныя занятія Робинзона — скотоводство его. Онъ приготовляетъ изъ козьего молока сыръ, творогъ и масло. Богатство Робинзона. Костюмъ его 105
- ГЛАВА XVIII.** Робинзонъ замѣчаетъ на берегу слѣдъ человѣческой ноги. Стихъ Робинзона. Его догадка и предположеніе объ этомъ слѣдѣ. Ожесточеніе Робинзона противъ дикихъ и готовность мстить имъ. 109
- ГЛАВА XIX.** Человѣколюбивыя мысли Робинзона о дикихъ; предосторожности его. Онъ находитъ пещеру. Старый большой дикій козелъ, напугавшій Робинзона. Перенесеніе новаго имущества въ гротъ. Развлеченія Робинзоновы 115
- ГЛАВА XX.** Пріѣздъ дикихъ на островъ. Напрасныя приготовленія Робинзона къ оборонѣ. Разныя планы для нападенія на дикихъ. Новыя слѣды варварскаго иршества. Улучшеніе укрѣпленіе 119

- ГЛАВА XXI.** Буря. Корабль, разбитый о подводные камни. Поѣздка Робинзона на корабль, на которомъ онъ находитъ собаку и разныя вещи. Онъ переноситъ ихъ въ свое жилище..... 122
- ГЛАВА XXII.** Желаніе Робинзона ѣхать въ свое отечество. Дикіе опять пріѣзжаютъ на островъ. Робинзонъ спасаетъ одного изъ плѣнныхъ. Признательность къ Робинзону этого плѣннаго. Робинзонъ называетъ его Пятницею..... 126
- ГЛАВА XXIII.** Сожженіе остатковъ послѣ пиршества дикихъ. Робинзонъ одѣваетъ Пятницу и строитъ ему шалашь. Робинзонъ показываетъ Пятницѣ дѣйствіе ружья. Онъ отучаетъ его отъ употребленія въ пищу человѣческаго мяса. Пятница — хорошій помощникъ Робинзону 134
- ГЛАВА XXIV.** Разговоръ Робинзона съ Пятницею о его землякахъ и о вѣрѣ. Робинзонъ просвѣщаетъ Пятницу ученіемъ христіанскимъ. Прежняя шляпка. Желаніе Робинзона ѣхать въ отечество Пятницы. Онъ и Пятница строятъ большую барку. Пятница — хорошій матросъ..... 139
- ГЛАВА XXV.** Дикіе снова пріѣзжаютъ на островъ. Робинзонъ и Пятница нападаютъ на нихъ. Спасенный отъ смерти испанецъ. Совершенное пораженіе дикихъ. Отецъ Пятницы. Робинзонъ угощаетъ своихъ гостей кушаньями изъ мяса волленка 145
- ГЛАВА XXVI.** Сборка мертвыхъ тѣлъ. Разговоръ Робинзона съ отцомъ Пятницы и испанцемъ. Заготовленіе разныхъ провизій для себя и для будущихъ гостей. Отправленіе отца Пятницы и испанца за соотечественниками его 153
- ГЛАВА XXVII.** Пріѣздъ на островъ взбунтовавшихся англичанъ противъ своего Капитана. Разговоръ и совѣщанія Робинзона съ Капитаномъ. Условія, предложенныя Капитану. Наняденіе на бунтовщиковъ и приведеніе ихъ на покорность..... 158

ГЛАВА XXVIII. Вторая шляпка, посланная съ корабля. Распоряженія Робинзона на счетъ плѣнныхъ. Хитрость его остановить бунтовщиковъ на островѣ. Нападеніе на бунтовщиковъ. Прощеніе нѣкоторымъ изъ нихъ. Капитанъ овладѣваетъ кораблемъ, и пушечными выстрѣлами извѣщаетъ о томъ Робинзона..... 165

ГЛАВА XXIX. Капитанъ пріѣзжаетъ съ корабля къ Робинзону. Совѣщаніе ихъ о томъ, что дѣлать съ плѣнными. Пять плѣнныхъ соглашаются остаться на островѣ. Наставленія Робинзона плѣннымъ. Отъѣздъ Робинзона въ Англію..... 173

